

T3(2)722

→ 92

Дик Валда
Александр Геб
Монтсеррат Роиг
Эмиль Карлебах
Серж Зейон
Фридрих Хитцер
Людо Ван Эк

Зарубежные авторы:

**ЭТО
НЕ ДОЛЖНО
ПОВТОРИТЬСЯ!**

”Я НЕОДНОКРАТНО БЫВАЛ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ, МНЕ ПРИХОДИЛОСЬ ВСТРЕЧАТЬСЯ И БЕСЕДОВАТЬ СО МНОЖЕСТВОМ ЛЮДЕЙ. И ВСЕ ОНИ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ГОВОРИЛИ О НЕОБХОДИМОСТИ СОХРАНИТЬ МИР. СЛИШКОМ ЖИВА В ИХ ПАМЯТИ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА”.

ДИК ВАЛДА

”...ТОЛЬКО ОТ ГОЛОДА В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ УМЕРЛИ 641 803 ЧЕЛОВЕКА. ЭТО НАМНОГО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЧИСЛО ЖЕРТВ В ХИРОСИМЕ И НАГАСАКИ. РЕАЛЬНО ЭТА ЦИФРА, ПО-ВИДИМОМУ, ЕЩЕ БОЛЬШЕ — ЛЮДИ - УМИРАЛИ ЗДЕСЬ ЦЕЛЫМИ СЕМЬЯМИ, И ИМЕНА МНОГИХ ИЗ УМЕРШИХ ОСТАЛИСЬ НЕИЗВЕСТНЫМИ”.

МОНТСЕРРАТ РОИГ

”Я СОВЕРШИЛ ПУТЕШЕСТВИЕ, ЧТОБЫ ПОЗНАКОМИТЬСЯ СО СТРАНОЙ, КОТОРАЯ В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ОПРЕДЕЛЯЕТ СУДЬБЫ НАШЕГО МИРА... Я ВИДЕЛ ПРИРОДУ, ФАБРИКИ, ЛЮДЕЙ, ИХ ЖИЗНЬ И ИХ КУЛЬТУРУ.

Я ПОДВЕЛ ИТОГ: РУССКИЕ НЕ ПРИДУТ! ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ — КАК ВОИНЫ. ЭТО ВОЗМОЖНО ЛИШЬ В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ИХ ВЫНУДЯТ, КАК ЭТО УЖЕ РАЗ СЛУЧИЛОСЬ”.

АЛЕКСАНДР ГЁБ

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ СССР

Зарубежные авторы:

Дик Валда

СВИНЕЦ В МАНДАРИНАХ

Александр Гёб

РУССКИЕ НЕ ПРИДУТ!

Монтсеррат Роиг

БЛОКАДА, СЕЮЩАЯ СМЕРТЬ

Эмиль Карлебах

**НИКТО НЕ ЗАБЫТ,
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО**

Серж Зейон

**ГОРОД, КОТОРЫЙ ДОЛГО БУДЕТ
ЖИТЬ В СЕРДЦАХ ЛЮДЕЙ**

Фридрих Хитцер

КЛАВА

Людо Ван Эк

**ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ НАПАСТЬ
НА ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ?**

**ЭТО
НЕ ДОЛЖНО
ПОВТОРИТЬСЯ!**

Москва "Прогресс",
1985

Составитель П. Е. Масленников

Перевод на русский язык "Прогресс", 1985

Э $\frac{0802010203-252}{006(01)-85}$ без объявл.

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?

Книга, которая сейчас лежит перед тобой, дорогой читатель, — необычна. Это не роман и не повесть, хотя художественная ценность ее бесспорна. Это и не сборник очерков и статей разных писателей на разные темы, какие тебе, вероятно, не раз приходилось просматривать. Это целенаправленный и волнующий коллективный труд нескольких писателей Запада, которые осмелились сказать доброе слово Стране Советов, вопреки жесточайшей и разнузданной антисоветской кампании, захлестнувшей в восьмидесятые годы Западную Европу и Северную Америку, вопреки репрессиям, которым там подвергается каждый, кто решается на это.

По приглашению издательства "Прогресс" голландский писатель Дик Валда, западногерманские писатели Александр Гёб, Фридрих Хитцер и Эмиль Карлебах, испанская писательница Монтсеррат Роиг, французский литератор Серж Зейон и бельгийский писатель Людо ван Эк приезжали в Советский Союз, чтобы узнать — хотят ли советские люди войны. Потому они написали правдивые произведения о том, что у нас увидели и услышали. Отрывки из их выступлений, разоблачающих миф о "советской угрозе", и собраны в этой книге.

"Хотят ли русские войны?" — этой замечательной русской песней композитора Эдуарда Колмановского, написанной на слова поэта Евгения Евтушенко, открывается ежемесячная телевизионная передача нашего Комитета защиты мира. Хотим ли мы войны? Любому советскому человеку этот вопрос покажется странным и даже оскорбительным.

Спросите вы у тишины
Над ширью пашен и полей
И у берез и тополей,
Спросите вы у тех солдат,
Что под березами лежат,
И вам ответят их сыны,
Хотят ли русские войны...
Спросите вы у матерей.
Спросите у жены моей.
И вы тогда понять должны,
Хотят ли русские войны.

И все же, в США и странах НАТО продолжают упрямо твердить: "Русские готовятся к нападению на Запад". Эта злобная выдумка сочинена не вчера. Она кочует по белу свету уже без малого 70 лет — с момента победы Великой Октябрьской революции, которую капиталистический мир пытался задушить в колыбели.

Вот тогда-то — когда 14 капиталистических государств затевали против Советской России интервенцию, которая в дальнейшем потерпела жестокий провал, — и был сочинен лживый миф о "красной опасности". С помощью этого мифа организаторы вторжения пытались оправдать свой злодейский замысел. Еще в 1919 году В. И. Ленин писал: "Есть глупые люди, которые кричат о красном милитаризме; это — политические мошенники, которые делают вид, будто бы они в эту глупость верят, и кидают подобные обвинения направо и налево, пользуясь для этого своим адвокатским умением сочинять фальшивые доводы и засорять массам глаза песком"¹.

Ссылками на "советскую угрозу" прикрывал свои чудовищные планы бесноватый фюрер Гитлер. Разговоры о той же "советской угрозе" сопровождают раздувание гонки ядерных вооружений в США и сегодня.

Адская машина "психологической войны", созданная и отлаженная спецслужбами капиталистических держав, продолжает вновь и вновь работать на то, чтобы внушить людям все ту же мысль о "красной опасности", о "советской угрозе", о том, будто советские люди хотят напасть на "беззащитный Запад".

Чего стоит хотя бы показанный в начале восьмидесятых годов по американскому телевидению, а затем и по телевидению других стран фильм о третьей мировой войне. Начинается он так: советские парашютисты, способные повергнуть в ужас уже одним своим видом, высаживаются где-то на севере, чтобы подорвать нефтепровод, ведущий из Аляски в промышленные районы Америки, убивают и насилуют людей.

В 1984 году на экранах Запада появились два еще более гнусных фильма. Один из них назывался "Москва на Гудзоне", второй — "Красный рассвет". В них назойливо проводится та же мысль о мнимом советском вмешательстве в дела Соединенных Штатов и даже — об их оккупации Советским Союзом...

Было бы неправильно делать вид, что эта назойливая, насквозь лживая пропаганда не имеет никакого воздействия на умы людей. В ноябре 1984 года мне довелось принимать в Советском комитете защиты мира видных деятелей британского антивоенного движения, ратующих за всемерное расширение контактов с нами. Один из них сказал:

— Сегодня это реальный факт: десятки миллионов людей, никогда не бывших в вашей стране, не прочитавших ни одной советской книги и буквально оглушенных и ослепленных бесчисленными речами, статьями, книгами, фильмами, телевизи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 50

онными передачами, пугающими их тем, что Советский Союз вот-вот нападет на Запад, начинают этому верить!

— Советский человек, — продолжает наш гость, — в представлении многих "средних американцев", "средних англичан" и других "средних людей" Запада, — это воинственное, кровожадное существо. Признаюсь, я сам, когда впервые, несколько лет назад, ехал в Москву, имел большие опасения. И я испытал потрясение, увидев, что вы — такие же люди, как и мы, что с вами можно спокойно разговаривать и спорить, что вы хотите мира и ищете путей к преодолению угрозы новой войны...

А как не вспомнить, что некоторые американцы, приехавшие на Олимпийские игры в Москве (тщетно пытался сорвать их своим бойкотом президент Картер), везли в чемоданах продовольствие. Ведь они были уверены, что у нас царит голод. А многие участники международного Марша мира-82 (Стокгольм — Хельсинки — Ленинград — Москва — Минск) всерьез опасались, что, как только они вступят на советскую землю, их арестуют и вышлют в Сибирь, — буржуазная пропаганда и сам президент Рейган в своей речи в ООН уверяли их, что в СССР борьба за мир запрещена, а сторонников мира, осмеливающихся выйти на демонстрацию, бросают в тюрьмы.

После всего этого нетрудно представить себе, как волновались, отправляясь в СССР, писатели, чьи выступления содержатся в книге, которую ты сейчас прочтешь, дорогой читатель. Нужно было иметь немалое мужество, чтобы решиться на честное высказывание. Они отдавали себе отчет в том, что спецслужбы на родине немедленно занесут их в свои черные списки. И все же они приехали в Советский Союз, встречались здесь с советскими людьми, внимательно слушали их, убеждались в том, что никакая военная угроза ни от кого от нас не исходит и исходить не может, а потом откровенно рассказали об этом в своих книгах.

Авторы сборника поступили так потому, что считали: это их писательский долг, продиктованный сознанием ответственности не только перед гражданами их стран, но и перед всем человечеством. Правдивые свидетельства о том, что в действительности представляет собой СССР, каковы подлинные настроения и чаяния советских людей, крайне важны. Так и только так можно развеять ядовитый туман антисоветской пропаганды, под прикрытием которого империалисты готовят новую войну.

Вот что написал по этому поводу бельгиец Людо ван Эк, отвечая на вопрос "Хотят ли русские напасть на Западную Европу?":

«В Сочи я встретил одну госпожу из Канады. Она в седьмой раз приехала в Советский Союз. Она жаловалась мне: "Не знаю, как заставить моих земляков поверить в то, что я рассказываю им об СССР. Не успею и рта раскрыть, как люди, которые здесь никогда не бывали, ополчаются против меня. Их не убеждает ни одно мое слово, а ведь я говорю только правду, только то, что видела сама".

В гостинице "Украина" моя жена разговорилась с господином из Бельгии, который приехал в Советский Союз в одиннадцатый раз. Он возмущался: "У нас в Бельгии совершенно невозможно сказать, что-либо объективное о Советском Союзе. Как только начинаешь говорить правду, на тебя тут же наклеивают ярлык коммуниста".

Да, трудно простых людей на Западе убедить в том, что русских, какими их расписывают ежедневно наши пресса, радио и телевидение, просто не существует на свете. Пропагандистская обработка ведется без усталы и не прекращается ни на минуту. И люди, поддаются ей. В самых нелепых телевизионных постановках, таких, как "Человек-невидимка" или "Человек с шестью миллионами", которые зачастую очень популярны, русские изображаются грубыми, крайне глупыми марионетками, слепо выполняющими преступные приказы своих командиров.

Не проходит и дня, чтобы во всех газетах, в том числе и тех, что называют себя "левыми", не появлялись антисоветские инсинуации. Когда журналистов покидают музы и у них не хватает вдохновения "состряпать" рассказ о марсианах, вселяющих ужас в читателя, они придумывают кровавую историю о пришельцах из Советского Союза. Если у нас в журнале помещена фотография, на которой запечатлен советский человек, то будьте уверены, что даже самая безобидная из них будет снабжена насквозь лживым, двусмысленным комментарием.

Вспоминается серия злобных статей, напечатанных однажды в "Газет ван Антверпен". Там же был опубликован снимок монумента Победы, а на его фоне уставшие люди, явно возвращавшиеся со службы. Какой это изображен памятник, там, конечно, не говорилось, а подпись гласила: "Русский на первый взгляд похож на человека, но это только на первый взгляд". Так, систематически сеется ненависть к другому народу, прививается страх и недоверие к нему.»

Повторяю: авторы этой книги хорошо знали, с какими трудностями им придется столкнуться, когда они расскажут правду о Советском Союзе. Но это их не остановило. Мне вспоминается состоявшаяся лет шесть тому назад встреча с одним из них, Фридрихом Хитцером, талантливым западногерманским писателем, который живет и работает в Мюнхене. Я был у него дома — скромной, поистине спартанской квартирке. Его семье нелегко сводить концы с концами.

Буржуазия, а в особенности реваншистская западногерманская, злобна и мстительна. Рассчитывать на приличный заработок прогрессивному писателю там не приходится — перед ним закрыты наглухо 200 крупнейших издательств. И все же Хитцер не сдается. Он пишет правду. Вот и в этом сборнике вы найдете отрывок из его книги "Сибирское лето" — в нем автор приводит свою беседу с проводницей Клавой, в пути поведавшей ему о своей опаленной войной жизни.

Помнится, Хитцер делился со мной тем, что он и его единомышленники обеспокоены ростом реваншистских настроений

в ФРГ. В этих условиях, говорил писатель, первостепенная задача каждого принципиального человека, в том числе и литератора, бить в набат, призывая людей к борьбе против растущей военной угрозы, исходящей от США и НАТО, разоблачать выдумки о мнимой советской угрозе и воинственности советских людей, якобы мечтающих о походе на Запад.

Слова Хитцера не разошлись с делом — некоторое время спустя мы встретились с ним в Москве, — он собирал в СССР материалы о миролюбии советских людей. Чуть позже появилась его книга — вначале она была издана в ФРГ на немецком языке, затем в сокращенном варианте на русском — в СССР.

Писатели, чьи произведения представлены в нынешнем сборнике, — люди очень разные и друг на друга не похожие — и по возрасту, и по творческой манере, да и по своим воззрениям. Но их объединяет одна общая черта: все они — противники милитаризма и войны, все они считают своим долгом донести до читателя правду о советских людях.

Вероятно, именно этим объясняется то, что каждый из них выдвигает на первый план записи бесед с теми, с кем они встречались в СССР. Почти во всех беседах звучат воспоминания об Отечественной войне. И это самые впечатляющие, эмоционально наиболее сильные рассказы.

Как ни грустно сознавать это и говорить об этом, но живых участников и свидетелей минувшей войны становится все меньше. Все больше становится тех, кто знает о войне лишь по рассказам старших да по книгам и кинофильмам. Это естественно: жизнь идет, и перед каждым новым поколением — сегодня это уже третье поколение людей, не знающее войны, — время ставит новые проблемы, за которыми прошлое, хотя и героическое, видится уже как нечто далекое.

Вот почему писатели, чьи произведения собраны в этой книге, приложили большие усилия к тому, чтобы повидаться и побеседовать с возможно большим числом бывших участников войны, чтобы получить — как говорится из первых рук — сведения о том, что пережил наш народ в огненные 1941 — 1945 годы.

Большинство этих писателей в войне не участвовали. Из семи авторов сборника трое — голландский писатель Дик Валда, западногерманский журналист и редактор газеты "Дойче фолксцайтунг" Александр Гёб, испанская писательница Монсеррат Роио — родились уже после второй мировой войны, четвертый — Фридрих Хитцер, о котором я говорил выше, — был совсем еще ребенком, когда началась война. И только трое — Эмиль Карлебах из ФРГ, Серж Зейон из Франции и бельгиец Людо ван Эк знают войну не понаслышке: Эмиль Карлебах с 1934 по 1945 год был узником фашистских лагерей смерти Дахау и Бухенвальд и лишь чудом остался в живых; парижанин Серж Зейон познал, что такое фашистская оккупация; Людо ван Эк с оружием в руках сражался против фашистов в бельгийском национальном движении Сопротивления и так же, как Эмиль Карлебах, был в Дахау — за борьбу с фашизмом он был удостоен бельгийских орденов и медалей, английского ордена, а также

высшего американского ордена "Медаль Свободы" (небезынтересно отметить, что наградной лист на Людо ван Эка был подписан лично американским генералом Эйзенхауэром).

Однако, как я уже указывал, несмотря на разницу в возрасте, на различный жизненный опыт и на разные политические взгляды, всех семерых авторов сборника "Это не должно повториться!" объединяет искреннее желание понять самим и открыть своим читателям правду о минувшей войне, определить ведущую роль, место и значение в ней Советского Союза, его решающий вклад в дело разгрома фашистской Германии, рассказать о неисчислимых жертвах, которые понесла наша страна в этой войне, ставшей для нас, советских людей, Великой Отечественной.

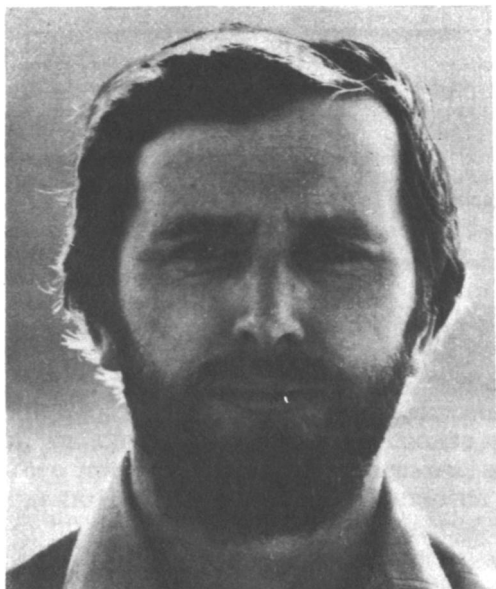
Разве могут быть забыты 20 миллионов советских людей, погибших в годы войны? Эта война обошлась человечеству в 4 триллиона долларов. Общая стоимость уничтоженных материальных ценностей во всех воевавших странах превзошла 316 миллиардов долларов. Только на территории Советского Союза гитлеровцы превратили в пепел и развалины 1710 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень, разрушили десятки тысяч промышленных предприятий, железнодорожных станций и мостов.

Обо всем этом семеро писателей Западной Европы бесстрашно рассказали в своих произведениях. Вот почему их книги, вопреки всем барьерам, заговору молчания, которым их окружает послушная своим хозяевам западная пресса, доходят до читателя и помогают ему правильно оценивать советскую действительность.

Думается, что главы из книг, представленные в этом сборнике, с интересом будут встречены и советскими читателями, ибо они позволяют увидеть, что для честного человека Запада ответ на вопрос "Хотят ли русские войны?" звучит однозначно. "Советские люди жаждут мира", — утверждают эти писатели. И они призывают своих соотечественников приложить все силы к тому, чтобы вместе с нами обеспечить прочный мир и широкое взаимовыгодное сотрудничество между всеми народами нашей планеты.

Скажем же им за их труд доброе русское спасибо!

Юрий Жуков,
председатель Советского комитета защиты мира

Дик Валда

**СВИНЕЦ
В МАНДАРИНАХ**

Dick Walda

Lead in Tangerines

Перевод с голландского Е. Мясниковой

ВВЕДЕНИЕ

Люди моего поколения о второй мировой войне знают в основном по книгам и кинофильмам. Но ни одна книга, ни один кинофильм не создадут о войне такого яркого представления, как рассказы ветеранов, которых, однако, с каждым годом остается все меньше. Именно поэтому я поставил перед собой цель — встретиться в СССР с людьми, которые на своих плечах вынесли тяготы войны, и записать их рассказы. Надеюсь, что они послужат своего рода дополнением к летописи о войне, недавно показанной западным телевидением: я имею в виду документальный кинофильм "Великая Отечественная", названный американцами "Неизвестная война".

Для простых людей войны всегда были несчастьем. Сколько человеческих жизней они унесли! Почему же они все-таки возникают? Коротко на этот вопрос ответить трудно. Но человечество над этим серьезно задумывается. Пришло время, когда реальной стала возможность предотвратить мировую войну. На планете действуют организованные силы, отстаивающие мир, способные обуздать агрессоров, толкающих человечество к ядерной катастрофе, словно не понимающих, что на сей раз победителей не будет, что в огне грядущей войны сгорит вся цивилизация. Так решить судьбу мира могут только маньяки, ибо нормальный, разумный человек всегда предпочитает смерти жизнь.

Уважаемый читатель, я не историк и никогда не занимался исследованием причин и последствий войн. Но перед встречами с теми, кто видел вторую мировую войну воочию, я, конечно же, заглянул в фундаментальные труды. Думаю, что нелишне напом-

нить чудовищную статистику, почерпнутую мною из этих источников.

Во вторую мировую войну было втянуто 61 государство (примерно 80 процентов населения земного шара). Военные действия велись на территории 40 государств, в них участвовали 110 миллионов человек. Война бушевала шесть лет: с сентября 1939 по сентябрь 1945 года. Порой она не имела географических границ: фронты тянулись от Баренцева до Черного, от Северного до Средиземного моря, операции военно-морских сил захватили целые океаны, а авиация проникала далеко за линии фронтов и наносила удары по глубоким тылам. Впервые в истории войн количество жертв среди мирного населения превысило число погибших в боях, достигнув неправдоподобной цифры — 28 миллионов человек. Общие людские потери в войне составили свыше 50 миллионов человек. Война поглотила огромное количество материальных средств, она обошлась народам в 4 триллиона долларов.

Вдумавшись в эти цифры, нетрудно понять, что вторая мировая война на много лет задержала развитие человечества. Можно ли было предотвратить эту мировую бойню, избежать колоссальных жертв и разрушений?

Вероятно, можно было. Прогрессивные силы всегда стояли за мирное решение всех спорных вопросов. Советский Союз неоднократно выступал за создание системы коллективной безопасности, был готов к широкому, в том числе и военному, сотрудничеству с миролюбивыми государствами. Но, к сожалению, в то время западные страны не поддержали инициативы Советского Союза. Лишь в ходе войны против фашизма была создана антигитлеровская коалиция — военный союз держав, который возглавили СССР, США, Великобритания. В борьбу против фашистского блока внесли вклад также Франция, Китай, Югославия, Польша, Чехословакия и другие государства, участвовавшие в той или иной степени в военных действиях. Нельзя недооценивать и значение движения Сопротивления, развернувшегося во всех странах, оккупированных фашистами. Но решающую

роль в разгроме нацизма сыграл Советский Союз.

На советском фронте были уничтожены основные военные силы фашистской коалиции — всего 607 дивизий. Англо-американские войска разгромили и взяли в плен 176 дивизий. Вооруженные силы фашистской Германии потеряли на Восточном фронте убитыми, ранеными и пленными около 10 миллионов человек (что составляет примерно 73 процента их потерь в войне). Советско-германский фронт по протяженности был самым большим из фронтов второй мировой войны. Продолжительность боевых действий на советско-германском фронте составила 1418 суток.

Значительную роль в разгроме фашистской Германии и ее союзников сыграли партизаны. Партизанское движение развернулось на всей временно оккупированной врагом территории СССР. В тылу германских войск в годы войны действовали свыше 1 миллиона партизан и многотысячная армия подпольщиков. Их активно поддерживали десятки миллионов советских патриотов. Советские партизаны за годы войны уничтожили, ранили и захватили в плен около 1 миллиона фашистов и их пособников, вывели из строя свыше 4 тысяч танков и бронемашин, разрушили и повредили 1600 железнодорожных мостов, организовали 20 тысяч крушений железнодорожных эшелонов.

Освободительный характер второй мировой войны предопределил ее исход и заложил основы послевоенного мира. Державы, развязавшие войну — нацистская Германия, фашистская Италия и милитаристская Япония, — были повержены. Третий рейх, которому его главари предсказывали тысячелетнее процветание, канул в небытие, просуществовав немногим более десяти лет; фашистский режим в Италии развалился еще раньше; японский милитаризм, делавший ставку на союз с Гитлером, также потерпел поражение.

Вооруженные силы Советского Союза помогли народам ряда стран освободиться от оккупантов и их приспешников. В Восточной Европе антифашистские силы, принимавшие активное участие в освободительной борьбе, после победы взяли власть в свои руки и установили в ряде стран новый общественный строй.

Иным путем шло развитие государств в западной части Европы. Здесь влиятельнейшей военной и экономической силой стали США. Избежав военных разрушений — ни один снаряд не упал на американские города, — США к концу войны намного увеличили свою промышленную мощь; за шесть военных лет их национальный доход вырос вдвое.

Обстановка, сложившаяся в Европе в итоге второй мировой войны, позволяла направить ее развитие по пути мира и добрососедства. Однако события приняли иной оборот.

Союзникам по антигитлеровской коалиции не удалось обеспечить выполнения подписанных в Тегеране, Ялте и Потсдаме соглашений о превращении Германии в единое демократическое, демилитаризованное, нейтральное государство. После войны на территории Германии возникли два государства с различными общественно-политическими системами — ФРГ и ГДР. Конфронтация между Западом и Востоком из года в год усиливалась. Западные страны создали блок НАТО, чтобы оказывать давление на социалистические страны при решении международных проблем. Мощным противовесом блоку НАТО стал Варшавский Договор. Эта дальновидная мера обеспечила сохранение всеобщего мира.

В Заключительном акте, подписанном руководителями европейских стран в Хельсинки в 1975 году, были заложены основные принципы разрядки международной напряженности. Их реализация означала бы проведение конкретных мероприятий по ограничению стратегических вооружений и сокращению в Европе обычных вооруженных сил. Однако путь разрядке преградили реакционные империалистические круги. Под предлогом "советской угрозы" они развернули в своих странах активную антисоветскую кампанию, продолжают увеличивать военные расходы.

Видимо, некоторые воинственные деятели Запада не извлекли урока из второй мировой войны. Я неоднократно бывал в Советском Союзе, мне приходилось встречаться и беседовать со множеством людей. И все они прежде всего говорили о необходимости сохранить мир. Слишком жива в их памяти вторая мировая

война; вот почему Советский Союз делает все возможное, чтобы не допустить развязывания новой.

Уважаемый читатель, я писал эту книгу с мыслью о моих согражданах-голландцах — впервые она была издана в Нидерландах. Позднее, во время подготовки книги к изданию в СССР на английском и русском языках, я несколько переработал ее с учетом того, что теперь она будет доступна более широкому кругу читателей. Смею надеяться, что мой скромный труд не оставит вас равнодушными, ведь в нем затрагивается острейшая проблема современности — сохранение мира на Земле.

БЕСЕДЫ С ЖИТЕЛЯМИ БЕЛОРУССИИ, УКРАИНЫ И МОСКВЫ

Петр Ловецкий:

В Мормулевских лесах

Первым, с кем я столкнулся в Белоруссии, был Петр Ловецкий, директор Музея истории Великой Отечественной войны в Минске. Встреча была короткой, Ловецкий познакомил меня и моих спутников (моего земляка фотографа Маттеуса Энгела, местного корреспондента и переводчицу) с людьми, с которыми нам предстояло сотрудничать в последующие дни, и откланялся. "Увидимся завтра, тогда и поговорим основательно", — сказал он на прощание. Наутро мы отправились в Мормулевское урочище.

Проехали порядком, как вдруг у обочины шоссе увидели вереницу машин. Оказалось, это нас ждал Петр Ловецкий, а с ним несколько молодых людей. "Все они родом из этих мест, сыновья и дочери партизан, — пояснил Ловецкий. — Дальше поедем вместе".

Несмотря на то, что машины были повышенной проходимости, мы продвигались довольно медленно: местность здесь болотистая, к тому же заснеженная. Нас обступали бесконечные леса, где до сих пор встречаются медведи и волки. Наконец машины остановились, мы вышли на лесную поляну, и Ловецкий показал нам убежища. Здесь, в лесных дебрях, он с това-

рищами укрывался всю войну. У них была прекрасно налаженная система сторожевых постов, и немцы никак не могли их выследить. Вдруг, остановившись у землянки, Ловецкий запел. Остальные подтянули.

Было безветренно и морозно — 15 градусов ниже нуля. Эхом разнеслись далеко среди деревьев военные песни, песни партизан. Когда песни смолкли, Ловецкий начал свой рассказ:

— Через 10 дней после нападения на нашу страну немецкие полчища захватили Минск. Вскоре в городе было создано подполье, но многие получили приказ отступить в леса. Задача состояла в том, чтобы организовать партизанское движение и всячески препятствовать поставкам на немецкий фронт. Я входил в группу из 200 человек, укрывавшихся в этом лесу. Наш отряд назывался "Буревестник". Вы уже, наверное, заметили, что найти наш лагерь довольно сложно, и все же немцы однажды побывали здесь. Вот как это случилось. Нам стало известно, что 10 июня 1943 года из Минска в Шацк проследует транспорт с 24 высшими офицерами, среди которых 13 генералов. Они должны были присутствовать на церемонии, посвященной сотой операции немецкого карательного отряда, действовавшего в нашей области. После вручения награды намечался банкет.

А узнали мы об этом от русской девушки, работавшей в немецком гарнизоне официанткой. Она говорила по-немецки, и ей удалось установить кое с кем из немцев хорошие отношения. Некоторые офицеры бывали с ней порой неосмотрительно откровенны. Сведения она передавала через нашего связного, тоже, между прочим, интересного человека: лет под девяносто, кавалериста времен гражданской войны, повидавшего в жизни всякое.

Так вот, решили мы уничтожить этот эшелон. Вначале думали сорвать немцам праздник — люто ненавидели мы зондеркоманду, сформированную из специально обученных эсэсовцев, — но потом все-таки решили дождаться темноты, знали, что поезд с офицерами будет возвращаться в Минск той же ночью.

Несколько часов пролежали мы у насыпи, ведь действовать надо было наверняка. Наконец показал-

ся поезд. Мы открыли огонь. Били без промаха — "убрали" 13 генералов. Двух генералов доставили в лагерь, а оттуда переправили в Москву. У нас в лесу была рация, и той же ночью о результате нашей операции узнали в других партизанских отрядах. Сообщение об этом попало в "Правду", факт уничтожения партизанами части командования армии группы "Ост" стал известен на Западе. Впервые немцы, прежде говорившие о партизанах исключительно как о шайке разбойников, вынуждены были признать, что мы — сила.

В ту же ночь девушка, сослужившая нам неплохую службу, присоединилась к отряду. В Минске ей показываться было опасно. На поиски нашего отряда немцы снарядили 5 тысяч солдат. Ясно, что было совершенно безнадежно предпринимать активные действия против столь превосходящей нас силы. Часть группы отошла на время поисковой операции в соседние леса, другая осталась в подземных укрытиях. Входы мы завалили ветками так, что снаружи отверстия совершенно не были видны. Это-то и спасло нас. Немцам не удалось нас найти. Ровно через месяц мы снова объединились и продолжили подрывную работу.

Раз в год, в День Победы, 9 мая, бывшие партизаны вновь собираются здесь. Со всех концов Советского Союза съезжаются в этот лес те, кто остался в живых. Например, в прошлом году один из членов нашего отряда прибыл с Дальнего Востока (он работает там инженером). Подумайте, он летел на самолете 14 часов, чтобы встретить праздник с друзьями-партизанами! В День Победы мы здесь поем, веселимся, но мы никогда не забудем ужасные годы войны, которые не прошли бесследно ни для одного из нас, — завершил свой рассказ Ловецкий.

С июня 1941 по июль 1944 года партизаны Белоруссии истребили и вывели из строя примерно полмиллиона вражеских солдат и офицеров, пустили под откос 11 128 военных эшелонов. Содействуя наступлению Красной Армии летом и осенью 1943 года, белорусские партизаны провели две крупные операции под условным названием "Рельсовая война" и "Кон-

церт”, в результате которых перевозки врага в Белоруссии сократились на 40 процентов. Было уничтожено огромное количество военной техники немцев.

АЛЕКСАНДРА ХРОМОВА:

Бидон листовок

— В 1941 году я жила в Бресте, на границе с Польшей, — рассказывала нам Александра Хромова. — Вы, наверное, слышали об этом героическом городе. Более месяца сражался Брестский гарнизон против немецких войск, изо дня в день забрасывавших бомбами крепость, в которой он находился. Гарнизон отверг все предложения немцев о сдаче крепости и капитуляции. Погибли почти все защитники цитадели.

Но вернусь к своей истории. Муж мой в Бресте служил пограничником. Как сейчас помню, он обещал прийти в воскресенье домой. “Если все будет спокойно”, — добавил он, словно предчувствуя неладное. Я легла спать, не дождавшись его. Только заснула, как меня разбудил грохот. Вначале я подумала, что началась гроза. Подошла к окну и вдруг поняла: это война... Утром я пошла на работу (я занималась подготовкой кадров для внешней торговли). В тот же день все мои сослуживцы, и я в их числе, обратились в военный комиссариат с просьбой зачислить всех нас добровольцами в армию.

Но в Бресте невозможно было оставаться, — продолжала Хромова. — Я пешком отправилась в тыл, где присоединилась к группе военных, вырвавшихся из немецкого окружения. Мы решили обосноваться в лесах неподалеку от Бреста. Наш отряд назвали именем Кирова. С мужем у меня не было никакой связи, я даже не знала, жив ли он. О своих детях (у меня было четверо ребят: два мальчика и две девочки) я тоже ничего не знала. Когда разразилась война, они гостили у моей матери под Ленинградом. Сведений оттуда я не получала, а положение в тех местах было крайне трудное. Сколько раз мне казалось, что их уже нет в живых! Лишь в 1943 году, когда к нам в отряд стали летать самолеты, я смогла послать пись-

мо в Москву с просьбой разыскать мою семью. Вскоре я получила известие, что мои дети живы и эвакуированы в Петропавловск. Я радовалась, смеялась, но слезы застилали глаза. Это была минута великого счастья. Какие только ужасы я не представляла себе, оставаясь в неведении два года! Ведь я видела, как зверствуют фашисты в наших городах и селах. Вот, например, что произошло в маленькой деревне под названием Новоселки. Фашисты пришли туда ночью, подожгли деревню, сожгли скот и перестреляли всех жителей. Спасся лишь один паренек; ему удалось добраться до нас. Партизаны совершили вылазку в деревню, но на ее месте застали зловонную пустыню — немцы даже не захоронили убитых. Как же я тогда рыдала! Но позже я научилась плакать. Во мне росла ненависть к фашистам. И я решила мстить, даже если бы это стоило мне жизни.

Решительность придавала партизанам смелости. Порой мы оставались по нескольку дней в деревне, переходили из дома в дом. Крестьяне нам никогда не отказывали в помощи. Наш отряд состоял тогда из 200 партизан, и нам не хватало оружия и боеприпасов. Связь с тылом была полностью прервана, приходилось добывать оружие самим. Однажды представился случай: мы получили сведения о том, что по шоссе проследуют пять немецких грузовиков с оружием. Хотя это было крайне рискованное предприятие — мы никогда прежде не действовали на дорогах, — раздумывать было некогда.

Один из наших, переодетый в немецкую форму, остановил машины. "Проверка документов", — уверенно сказал он по-немецки. И в этот же момент мы выскочили из укрытий и открыли огонь. Во время схватки были убиты все немцы, погибло и двое партизан. Наши трофеи — до сих пор помню все наперечет — состояли из двух тяжелых пулеметов, пяти ручных пулеметов, 20 автоматов, десятков ящиков с карабинами, ружьями и патронами.

Остается только добавить, что, рассказывая вам об этом, я старалась избегать ужасных подробностей. Но я их не забыла. Прошло много лет, а они продолжают являться мне во сне.

Расскажу вам еще об одной операции, в которой я принимала участие. Это было в поселке Антополь. Там стоял немецкий гарнизон. Из страха перед партизанами фашисты возвели вокруг здания заграждение из колючей проволоки. Нам в партизанском отряде очень нужны были пишущие машинки, множительные аппараты, радиоприемник. У немцев все это имелось — и мы решили совершить нападение на гарнизон.

Наша группа состояла примерно на одну треть из женщин. Сражались мы так же самоотверженно, как мужчины.

Стараясь произвести как можно больше шума — важно было создать впечатление, что нас не 200 человек, а целая тысяча, — с криками: "Бей фашистов!" — мы бросились к цели.

Нападение удалось. Добыв необходимую аппаратуру, мы начали печатать листовки. Распространять их было очень опасно. Несколько раз по заданию отряда я отправлялась в Брест с пакетом листовок. Переодевалась мальчиком и помогала крестьянке катить в город тачку с бидонами. В 12 из них было молоко, а в одном — наши листовки. На окраине города немцы всех тщательно проверяли, но нам везло, каждый раз пронесило. Как-то раз я доставила письмо руководителю подпольщиков в Бресте. Предварительно меня ознакомили с содержанием письма, чтобы в случае опасности я могла проглотить его, а сведения передать адресату. Это был приказ о присоединении к партизанам некоторых подпольщиков. Ночью они ушли со мной в лес. Я была за сопровождающую. Через топи и болота лежал наш путь...

Когда дела в гитлеровской армии были уже совсем плохи, немецкие солдаты нередко бежали из своих частей и сдавались партизанам. Они говорили, что были введены в заблуждение, что раскаиваются, хотят искупить свою вину перед нами. Ясно, что мы не могли им полностью доверять: слишком велико было причиненное ими зло. Однако постепенно мы подключали некоторых из них к работе, хотя, конечно, под нашим постоянным наблюдением.

Иначе мы поступали с немцами, которые служили в СС и зондеркомандах. Взяв их в плен и установив,

что они принимали участие в уничтожении наших людей, мы предавали их партизанскому суду. Командир партизан произносил: "Вы предстали перед справедливым судом. Вы хотели стереть с лица земли наш народ, вы осуществляли свои намерения, и мы выносим вам смертный приговор". Приговор приводили в исполнение партизаны, у которых фашисты убили матерей, жен, детей... Кстати говоря, в нашем партизанском отряде тоже было немало детей. Я очень привязалась к ним, ведь моих детей от меня оторвали. В нашем отряде были две учительницы. Они занимались с детьми по всем предметам. Для ребятешек даже сколотили парты. Сначала у них не было ни бумаги, ни карандашей. Бумагу заменяла березовая кора, а карандаши — палочки, которыми писали на земле.

КОНСТАНТИН СИДЯКИН:

"Охота на медведя"

— Перед войной я жил в Москве, работал в министерстве железнодорожного транспорта, — начал свой рассказ Константин Сидякин. — У нас был спортклуб. Я посещал его, обучался прыжкам с парашютом. Я увлекся этим видом спорта, мне нравилось свободно, как птица, парить в воздухе. Я совершил 25 прыжков, и меня назначили инструктором. Вскоре началась война. Как железнодорожник, я был освобожден от воинской службы. Но меня это совершенно не устраивало. Я записался добровольцем. Прошел десятидневный курс по чтению карт, ориентированию по компасу и работе со взрывчатыми веществами.

Меня вместе с 40 другими комсомольцами-парашютистами было решено забросить в тыл врага. Но оказалось, что сбрасывать десант за линией фронта слишком рискованно. Оставалось только перейти ее пешком. Затемно отправились в путь. Преодолели самый сложный участок — переправу через Днепр (дело было в районе Смоленска), но столкновения с немцами не избежали. Группа была слишком мала и недостаточно вооружена, чтобы завязать прямой бой с немцами, да еще обременена рюкзаками с взрыв-

чаткой, килограммов по 16 на каждого. В стычке погиб наш радист. Рацию-то мы имели, но никто из нас не умел с ней обращаться. Действовали без всякой связи с Москвой.

Мы были очень молоды и неопытны. Мысль, что немцы дошли до Смоленска, нас подавляла. В захваченных районах фашисты распространяли газеты и листовки с убийственными для нас новостями. Никто точно не знал, как обстоят дела на фронтах. Словом, это было крайне трудное время.

Немцы на нас буквально охотились, как на зверя, — с собаками. Мы с рюкзаками, полными взрывчатки, вынуждены были постоянно передвигаться, проходили километров по 40 в день. Наконец, недалеко от реки Березины нам удалось найти хорошее убежище, откуда мы могли проводить операции. К этому времени из моей группы остались в живых только 13 человек. И все-таки мы действовали.

Мы не позволяли беспрепятственно проходить через наш район ни одному немецкому эшелону. "Каждый поезд должен быть взорван!" — таков был наш девиз. Ведь любой товарный вагон полон боеприпасов, оружия, снаряжения для немецких армий. Были также эшелоны с танками, и я горжусь, что нам, отряду из 13 человек, удалось взорвать многие из них. Порой мне кажется, что я до сих пор слышу полный ужаса крик машинистов, заметивших нас на путях, — они понимали, что произойдет в следующую минуту, но сделать уже ничего не могли.

В то время мы работали маленькими группами по пять человек, всегда ночью. Но постепенно, приобретя опыт, стали действовать и днем. В результате каждой нашей операции было разрушено метров 200 путей и пущено под откос 30 — 40 вагонов. Мы старались, насколько это оказывалось возможным, вытаскивать из вагонов уцелевшее оружие и боеприпасы. В ответ на наши действия немцы нередко расстреливали мирных жителей, иногда целые семьи. Потом начинали восстановительные работы. На эти работы сгоняли местное население. Ужасно было то, что мы предвидели такие последствия операции. И нам приходилось сознательно жертвовать людьми ради главного дела. Что

уж говорить, психологических сложностей хватало.

После каждой операции немцы пытались нас выследить. Мы отходили километров на 10 в глубь болот и лесов, но старались не удаляться от железной дороги, чтобы не прекращать работу. Помню, как однажды нам пришлось простоять в болоте несколько часов буквально в 20 — 30 метрах от немцев. Они нас не заметили. Но мы чувствовали себя, как затравленные звери. У нас даже и повадки такие появились. Постоянно начеку, даже во сне.

Очень помогали нам деревенские жители. Однажды мы попали в деревню, которую немцы обошли стороной. Попросили о помощи. К нам в убежище крестьяне немедленно привезли на телеге ржаной хлеб, горох и картошку. К тому времени одежда наша превратилась в лохмотья, а зима стояла у порога. Крестьяне выделили нам овчинные тулупы и меховые шапки.

После долгих поисков мы нашли на болотах островок, на котором построили землянку. Наша группа увеличилась за счет крестьян из окрестных деревень. Мы могли бы расширить работу, но на пути встали новые трудности: перестала поступать взрывчатка. Каково нам было смотреть на беспрепятственно проезжающие немецкие составы! Из Москвы пришла новая инструкция: пробраться в Борисов, неподалеку от которого расположен немецкий аэродром. Но об этом вам расскажет Анна, моя жена.

— Я родилась на западе Белоруссии, — продолжила рассказ Анна. — Когда немцы оккупировали нашу республику, мы с подругой решили уйти на восток. Попали в Борисов, оттуда — к партизанам. В отряде я встретила Константина, своего нынешнего мужа.

Мне дали задание устроиться работать на немецкой радиостанции уборщицей. Я приносила партизанам радиодетали.

Как-то раз отряд запланировал взрыв железнодорожной станции. Взрывчатку поручили хранить мне (я тогда жила в подвале с тремя выходами). Не знаю, как об этом узнали немцы, но меня арестовали. Семь дней подряд допрашивали меня в гестапо. Наконец мне пришлось в голову сказать немцам, что мой муж — командир партизан. Меня тотчас же освободили: ду-

мали таким образом выследить моего так называемого супруга. Они глаз с меня не спускали, и все же мне удалось незамеченной добраться до явочной квартиры. Оттуда сопровождающий провел меня к партизанам. Когда он вернулся в город, немцы расстреляли его.

Слово снова взял Константин:

— Взрыв железнодорожной станции не состоялся, и вот какой курьезный случай стал тому причиной. Одна из наших женщин должна была доставить взрывчатку связным. Она аккуратно завернула ее в газету и положила в сумку. Но на улице выронила сумку из рук, и пакеты со взрывчаткой рассыпались. Мимо как раз проезжала немецкая патрульная машина. Остановившись, немцы галантно помогли женщине собрать свертки... Случалось и такое.

Однако эта задержка помешала нам взорвать товарные вагоны, стоявшие на станции в строго определенное время. Мы имели расписание движения немецкого железнодорожного транспорта и точно планировали действия. Правда, после первых наших успешных акций немцы начали усиленно охранять железную дорогу. На каждом километре стоял сторожевой пост, и, кроме того, они повсюду закладывали мины. Один из наших товарищей нарвался на мину, и ему раздробило ногу. В убежище врач, не имевший в распоряжении необходимых инструментов, ампутировал ему ногу обыкновенной пилой. И все это без обезболивания. Такие были времена.

Этот наш товарищ здравствует и поныне, заведует кафедрой на фармацевтическом факультете медицинского института.

23 февраля 1942 года, в День Красной Армии, я разделил свою группу, насчитывавшую к тому времени 70 человек, дав задание вести рассеянные действия. В лагере остались только двое. До нас дошли слухи, что немцы готовились к операции под названием "Охота на медведя". В деревню Клетня уже прибыла рота немцев. Не прошло и дня после нашего ухода, как немцы напали на лагерь, предварительно забросав его гранатами. Они забрали радиоприемник и пишущую машинку. Это было настоящим несчасть-

ем. По радио мы получали распоряжения, узнавали, где будут сброшены запасы взрывчатки. На машинке печатали новости, которые затем распространяли среди крестьян.

В 1943 — 1944 годах мой отряд вырос до полутора тысяч партизан. "Батька", "отец" — это самая высокая форма признания командира в отряде, а, должен вам сказать, мне исполнилось в ту пору 26 лет.

Нам уже было под силу вступать в открытые бои с противником, и мы уничтожили 1394 немца. Это были жестокие штыковые схватки, чаще всего один на один. Но об этом лучше не вспоминать, да и не пристало говорить о таком в присутствии женщины.

Важнейший бой мы дали немцам недалеко от Городка. Эта схватка была организована по предложению другого партизанского отряда, из-под Лепеля. Партизаны известили нас о том, что в Городке находится немецкий гарнизон. Сначала мы послали туда женщин — это был наш постоянный тактический прием. Войдя в доверие к немцам, они узнавали, какова их численность и вооружение. От них нам поступило сообщение, что немецкий гарнизон располагает большими запасами продовольствия, а именно в нем мы остро нуждались. Пришел наш черед окружить немцев.

Это был особенно тяжелый бой. Мы уничтожили почти всех немцев, взяли в плен 17 украинцев, сотрудничавших с немецкой полицией, и четырех раненых немцев. Они были перепуганы как зайцы. Но когда поняли, что смерть им не грозит, повеселели и все время кричали: "Партизаны — хорошо, партизаны — отлично!"

В заключение я хотел бы сказать вам, что страх, который я извещал в те дни, чувство ни с чем не сравнимое. Я стараюсь думать о прошлом как можно меньше. Я не люблю и говорить о нем. Для вас я сделал исключение. Моя жена не может вытеснить из памяти воспоминания о том времени. Женщины ведь гораздо чувствительнее нас, мужчин, а досталось им в войну порядком.

ПЕТР КАЛИНОВСКИЙ:

"Петр, Петр, ты поймал важную птицу!"

— Когда разразилась война, — рассказывал Петр Калиновский, — мне было 13 лет. Я с родителями и братишкой жил в Минске. Захватив город, немцы объявили, что Советский Союз завоеван и что всякое сопротивление немецким войскам безнадежно и будет строго наказываться. В первое время это производило на население сильное впечатление, тем более что в городе специальные подразделения немецкой армии беспощадно выслеживали участников подполья. Например, наш район был окружен и отрезан от города на протяжении нескольких недель. Немцы прочесывали в нем пядь за пядью. Взрослому человеку невозможно было выбраться из этого кольца. Но мне, мальчишке, все же удавалось проходить через оцепление, и я передавал ценную информацию руководителям минского подполья.

Когда мы вырвались из окружения, мне поручили слушать радио и записывать сообщения Советского Информбюро. Я относил эти сводки редактору "Подпольной Звезды" — нелегальной минской газеты. Я также помогал распространять ее, расклеивал сообщения на стенах и фонарных столбах. Как-то раз нес под рубашкой пачку газет и наткнулся на немцев. Один из них направился ко мне. Я замер. Мне казалось, что затаенный в перчатку "указующий перст" фашиста пригвоздил меня к месту. Немец всего лишь указал, куда мне следует идти. Я не осмелился даже взглянуть ему в лицо, только следил за пальцем. Завернув за угол, я бросился бежать.

Лишь позднее, уже после войны, я понял, как серьезна была наша работа, как остро нуждались люди в правдивых сообщениях, как это было важно для поддержания их духа.

Я оставался в Минске до весны 1943 года. Отец к этому времени уже был в партизанском отряде. Я, мама и брат присоединились к нему позже.

У партизан мать работала в медпункте. Я и мой брат вначале выполняли обязанности связных. В лесу я окончательно повзрослел. Вообще наше поколение

лишилось детства вдруг, внезапно. В 1941 году я, ребенок, стал очевидцем зверств фашистов. Повсюду в городе стояли виселицы с телами повешенных. Однажды я видел, как немцы окружили школу, погрузили ребят в грузовики и куда-то увезли. Позднее я узнал, что они попали в концентрационный лагерь неподалеку от Минска. Там детей использовали для медицинских экспериментов, а потом сжигали. Дым валил из трубы крематория и застилал небо. А зимой 1941 года я видел, как немцы расстреливали десятки советских военнопленных. Нагие трупы складывали рядами на улице. Целая улица мертвых солдат, один к одному. Представляете? Такую картину ничем не вытравить из памяти.

Я был также на станции в тот момент, когда наших девушек и женщин заталкивали в товарные вагоны для отправки в Германию. Я до сих пор слышу их крики и плач...

Вот для того, чтобы отомстить за все эти злодеяния, люди уходили в леса, жили там буквально в первобытных условиях.

В отряде я хорошо справлялся с обязанностями связного, и мне дали карабин. Наш отряд в то время не мог активно действовать против немецких воинских подразделений: немцы были лучше вооружены, и численное соотношение сил было часто один к трем. Но мы защищали близлежащие деревни от грабительских набегов гитлеровцев.

Узнав о намечающихся передвижениях гитлеровских подразделений, мы заманивали фашистов в засаду и брали в клещи. Тогда мы вступали в бой и мстили им за все беспощадно.

Мое первое прямое столкновение с немцем произошло уже после освобождения Минска. На двух захваченных у фашистов машинах мы выехали из лесов в Минск, чтобы принять участие в праздничном параде. По дороге встретили раненую женщину. Она рассказала нам, что впереди, на болоте, скрывается отряд эсэсовцев, человек 20; она знает это совершенно точно, так как работала на немцев и вместе с ними отступала на запад. Теперь, когда приближалась наша победа, она раскаялась в предательстве...

Мы решили выследить немцев и двинулись по болоту. Шли по пояс в воде. Я был небольшого роста, и идти мне было труднее, чем другим. Я начал отставать от отряда. Внезапно в кустах я увидел немца, стоявшего ко мне спиной. Он пропустил всю нашу группу и, никого больше не ожидая, смотрел вслед отряду. Он собирался повернуться, но я опередил его и выстрелил в воздух, закричав: "Руки вверх!" Немец тут же бросил оружие и поднял руки. Я зашлепал к нему и, ткнув его карабином в спину, приказал идти вперед не оглядываясь. Это был здоровый, тяжелый детина. Медленно двинулись мы к проезжей дороге, и, только когда вышли из болота, он увидел, что его взял в плен парнишка лет 15. Немец оказался офицером отряда СД (специального назначения) и, как выяснилось позже, был руководителем карательного отряда. Наш командир сказал мне: "Петр, Петр, ты поймал сегодня важную птицу!"

Да, такой была эта партизанская жизнь... Трудной, но не безрадостной. Мы всегда с нетерпением ждали теплых месяцев. Особенно хорошо помню, как однажды целое лето прожили в палатках, которые сами смастерили из парашютов. Были у нас и свои праздники: 23 февраля, 1 Мая, 7 Ноября. В эти дни женщины пекли вкусные пироги, а крестьяне привозили из деревень дополнительное продовольствие. В честь славных дат члены отряда выполняли особо сложные задания.

ЗОЯ ВАСИЛЬЕВА:

Булочки с "начинкой"

— До войны я мечтала стать балериной, — рассказывала Зоя Васильева. — Училась в хореографической школе при театре оперы и балета. Но все перевернулось в один день. Когда началась война, мне исполнилось 11 лет. Отец сразу ушел в леса к партизанам. В городе было голодно, и моя мать решила отправиться с детьми (нас было трое) по деревням просить помощи у крестьян. Ночевали мы где придется. Наконец какая-то женщина пожалела нас и предложила маме оставить

ей одного ребенка. Мама выбрала меня, я была младшей. Так я попала в семью Петра Варичева. Сам хозяин почти не появлялся; лишь однажды ночью он пришел домой вместе с другими мужчинами. Это были партизаны.

В новой семье мне доверяли. Я знала, что в дом партизаны приносят листовки. Их надо было распространять. Мы решили делать это необычным способом: свертывать листовки и запекать их в булочки. Эти булочки мы хорошо пропекали, чтобы они выглядели особенно поджаристыми. Потом пекли еще несколько партий, уже обычных.

Утром я с двумя ведрами, полными булочек, пошла на Кропоткинский рынок. Чтобы попасть туда, надо было пройти через немецкий патруль, где проверяли каждого. Остановили и меня, спросили, куда иду, заглянули в ведра. Я предложила немцам отвезти по булочке. Если они с удовольствием, а моя цель была достигнута — внимание фашистов отвлечено, я могла беспрепятственно идти на рынок. Торговля у меня шла бойко. Ведра быстро опустели. С тех пор каждую неделю меня с моим товаром можно было найти на Кропоткинском рынке — и каждую неделю мы пекли новые булочки с листовками. У меня сложился постоянный круг клиентов. Хотя никто никогда и словом не обмолвился о листовках, я точно знала, кому можно было доверять "поджаристые" булочки.

Однажды на рынке немцы устроили облаву на детей. Дознались, видно, что детей использовали для подпольной работы. Меня тоже схватили. К счастью, ведра пока оставили при мне. По дороге в комендатуру я съела все поджаристые булочки. Когда мы пришли в участок, в ведре остались только бледные. Здесь были дети с капустой, цыплятами, огурцами и прочей снедью. Немцы взрезали и потрошили все эти продукты на большом столе.

Наконец подошла моя очередь. Меня спросили, куда девались булочки. Я услужливо достала те, что остались. Немец разозлился и ударил меня. Другие разрезали булочки одну за другой. Я знала, что съела все листовки, но как страшно мне было в ту минуту!

Несколько раз мне казалось, что нож слишком медленно вонзается в хлеб. Я думала: а вдруг мы ошиблись при выпечке — тогда все, все кончено. Но немцы в булочках ничего не нашли.

Вернувшись домой, я слегла, пролежала в постели целую неделю. Потом ушла в леса, потому что оставаться в деревне было опасно. В лес меня привели ночью. В тяжелом зимнем пальто, не по росту длинном, с платком на голове — хорошо же я, наверное, тогда выглядела! Но в то время никто не обращал на это внимание. Командир отряда имени Рокоссовского только спросил, сколько мне лет. Я ответила: "16". Он взглянул на меня и коротко, словно отдавая приказ, сказал: "Завтра тебя зачислят в пошивочную бригаду".

Меня отвели в хату, которая больше чем на половину уходила в землю. В середине стояли печки, похищенные у немцев. Спали женщины, прижавшись друг к другу.

В партизанской борьбе по всей Белоруссии принимали участие примерно 5,5 тысячи детей. В нашей бригаде их было пятеро.

Когда командир на следующий день увидел меня, он переспросил: "Так тебе 16?" Я кивнула, хотя и покраснела до корней волос: мне тогда как раз исполнилось 12. Просто я хотела любыми средствами остаться у партизан.

Детей в нашем отряде обучали профессиональные преподаватели. Учеба была организована очень хорошо. Вначале у партизан многого не хватало, но в последующие годы были открыты собственные школы, полевые госпитали, мастерские...

С течением времени к партизанским подразделениям присоединялось все больше и больше детей. Их учили ориентироваться по карте и компасу, обращаться с оружием. Мне вспомнились сейчас 11 моих товарищей, отправившихся на разведку и наткнувшихся на отряд из 600 немцев. Ребята пытались уйти, но немцы их настигли. Все 11 были расстреляны. Когда через два дня юные разведчики не вернулись, на поиски вышел патруль. От него-то мы узнали обо всем, что произошло. Наше горе было огромно. Я плакала

за работой в пошивочной мастерской целые дни напролет. Не могла смириться с такой потерей, не верила, что мои друзья уже никогда не вернуться. Но они не вернулись. Я одна выхаживала осиротевшего лисенка, которого мы вместе нашли в лесу и приручили. В конце войны я отпустила его. Вначале он не мог понять, что происходит, все ждал, что я начну с ним играть. Несколько раз я прогоняла его прочь. Наконец он убежал, и больше я его не видела.

А вот еще один случай из моей партизанской практики: однажды я целый день охраняла пленных немецких солдат. Правда, они вели себя очень послушно: видели, что мой карабин постоянно направлен на них.

Но главным своим делом я считала распространение среди населения подпольных газет. Они были нужны людям как воздух. Фашистская тактика была изощренной; например, они сообщали, что Москва и Ленинград пали, а потом прогоняли по улицам, как скот, пленных русских солдат — босиком, зимой. Они надеялись, что подобные меры позволят им превратить наш народ в рабов. Но к каким бы ухищрениям они ни прибегали, советские люди не пали духом. И не в последнюю очередь это наша заслуга — заслуга партизан. В неимоверно трудных условиях мы добывали радиоприемники, пишущие машинки и множительные аппараты, устраивали в лесной глуши типографии, печатали газеты, рассказывали людям об истинном положении дел и призывали их к борьбе с захватчиками.

ИВАН ЗАХАРОВ:

Партизанская зона

Бывший партизанский командир Иван Захаров поехал вместе с нами в Хатынь. Хатынь — это белорусская деревенька, дотла сожженная немцами, деревенька, в которой фашисты расстреляли всех жителей. Теперь Хатынь — это памятник, символизирующий все разоренные белорусские города и села.

Захаров предложил нам осмотреть остатки партизанских убежищ в лесу, недалеко от Хатыни. День

выдался холодный — 20 градусов ниже нуля, — но это нас не испугало. Шли друг за другом по тропинке, протоптанной многочисленными посетителями. У землянки Захаров поведал нам то, что услышал в те далекие годы от хатынского кузнеца — единственного, кто спасся от немцев. Когда партизаны пришли в Хатынь, чтобы отомстить немцам, там догорало пожарище. Немцы исчезли.

— К началу войны мне было 34 года, — говорил Иван Захаров, — я был директором тракторного завода, занимался, как видите, вполне мирным делом. Было решено немедленно эвакуировать завод в тыл. Особенно большие трудности представляла транспортировка, ведь все средства передвижения находились в распоряжении армии. Но мне все же удалось достать несколько тяжелых товарных вагонов. Предприятие по частям перевезли в более безопасное место. Там вновь его смонтировали, только теперь вместо тракторов стали производить танки. Я не остался в эвакуации, вернулся в родную Белоруссию.

Для пояснения несколько слов о соотношении сил в нашей республике. С 1942 года у нас была создана партизанская зона — район, находившийся полностью под нашим контролем, куда немцы не заходили, — территория в несколько сотен квадратных километров. Ситуация уникальная: в захваченной Белоруссии были большие области, где фашисты не осмеливались появляться.

В "нашем" районе немцы иногда пытались подкупить местных жителей, вынуждали их идти на предательство. Всех, кто выдавал себя за партизан, мы переправляли в партизанские центры в Даугавпилсе и Полоцке. Там они подвергались дополнительной проверке. В результате большинство предателей были разоблачены, и все же в ряде случаев наши люди становились их жертвами. Хочу сказать еще несколько слов о партизанских зонах.

По мере роста наших успехов эти зоны расширялись, и мы старались, насколько это было возможно, создавать в них подобие нормальной, довоенной жизни. В лесах у нас были больницы и школы. По договоренности с правлениями совхозов и колхозов — хоро-

шо организованное снабжение продуктами питания. Из тыла нам регулярно поставляли технику. Оружие посылали преимущественно на самолетах. Мы имели собственные типографии и могли распространять среди местных жителей газеты и листовки с сообщениями об успехах нашей армии.

Находясь в 1942 и 1943 годах в окружении, мы упорно защищали наш район. Три месяца подряд мы сражались против трех немецких дивизий, получивших задание уничтожить нас, и сражались успешно. Я считаю, что партизанское движение в нашей стране отличалось двумя важнейшими особенностями: его широко поддерживал народ, и оно было мобильным.

Если говорить лично обо мне, то после обучения, которое я прошел в Москве, меня послали на север Белоруссии, — продолжал Захаров. — Там я был секретарем подпольной партийной организации и командиром партизанской бригады, насчитывавшей 2 тысячи человек. Мы называли нашу бригаду именем Фрунзе — легендарного полководца времен гражданской войны.

Прежде всего необходимо было поднять моральный дух населения. Как я уже говорил, фашисты применяли к мирным жителям жесточайший террор. Тяжело вспоминать об этом, но все-таки не могу не привести вам такой показательный пример.

У одного еврейского мальчика немцы вырезали на теле пятиконечную звезду; его сестренке сломали все пальцы, а затем заживо сожгли детей. Их матери штыком отрезали груди — она умерла на месте. Я видел все это собственными глазами. Фашисты обрекали людей на муки медленной смерти. Людей вешали так, чтобы они умирали долго и в мучениях. На заостренные жерди из заборов, которыми обычно обносят крестьянские дома, гитлеровцы насаживали маленьких детей. Вы слышите, маленьких детей! Один из наших партизан нашел всю свою семью утопленной в реке: мать и двое детей были привязаны друг к другу.

Мы должны были отомстить за все это! Мы не могли иначе.

После вторжения фашистов наше правительство

позаботилось о том, чтобы тысячи евреев могли эвакуироваться в тыл. Их разместили в республиках Средней Азии. Старых и слабых мы прятали в лесах и кормили из общего партизанского котла. Нам удалось спасти жизнь сотням и сотням евреев...

Я уже подчеркивал, что первоочередной нашей задачей была агитация в деревнях. Мы старались ободрить население, убедить в том, что мы — немалая сила. Наша часть была крупной, но мы старались проводить операции небольшими группами. Мы не испытывали трудностей с передвижением, так как в нашей бригаде не было ни пушек, ни танков. Передвигались пешком и на лошадях. У немцев мы появлялись внезапно, выполняли задачу и быстро уходили. На наши действия они отвечали карательными мерами. Но чем более ужесточался террор, тем активнее местное население поддерживало партизан. Конечно, можно возразить, что, если бы не партизаны, карательных мер не было бы вообще. Однако, с другой стороны, нет сомнения, что без партизан война длилась бы гораздо дольше.

Разумеется, основной вклад в разгром немцев внесла Красная Армия. Но общая борьба народа, сначала стихийная, а впоследствии хорошо организованная, была очень важной и необходимой поддержкой для армии. Так, в 1943 и 1944 годах мы постоянно сотрудничали с Красной Армией. Гитлеровские войска воевали с противником о двух головах: впереди у них была армия, а в тылу действовали партизаны.

Если партизаны попадали в лапы к гитлеровцам, то пощады им не было. Но ни один человек из моей бригады, схваченный немцами, не заговорил. Ни один не совершил предательства, — закончил свой рассказ Захаров.

Наша поездка по Белоруссии подходила к концу. Следующим пунктом путешествия была Украина. В Киев мы должны были вылететь самолетом. Но неожиданно повалил густой снег, повис туман. Шансов на вылет самолета оставалось мало. Пришлось бы ехать поездом, а это ломало заранее спланированную

и подготовленную программу. Настроение у нас упало. И вдруг мы увидели в аэропорту ветеранов, с которыми встречались во время поездки по республике. Эти гостеприимные, милые люди совершенно неожиданно устроили нам проводы.

Теперь мы коротали время с друзьями. Два часа пролетели незаметно, на этот раз уже в более приятных разговорах: об охоте и рыбалке. "Нигде нет такой замечательной охоты и рыбалки, как в Белоруссии, — уверяли нас наши новые друзья. — Приезжайте, убедитесь сами". Однако надо было принимать решение, то ли перебраться на железнодорожный вокзал, то ли ждать, пока рассеется туман в аэропорту. В разговор вмешался Петр Калиновский: "Вы скоро полетите. Я знаю точно: командир экипажа — мой друг Герман Ли; он тоже бывший партизан". Действительно, вскоре нас пригласили на посадку. Мы тепло попрощались с белорусскими партизанами. Герман Ли за полтора часа доставил нас в Киев. Там мы поговорили с ним о прошлом.

ГЕРМАН ЛИ:

Как я просил прикурить у немецкого солдата

— Наша семья, — рассказал нам Герман Ли, — бежала от немцев. Нам не удалось переправиться через Березину. Я был с мамой и бабушкой. Бабушку мы оставили в деревне у знакомых, думали, что там она будет в безопасности. А уже меньше чем через месяц пришли немцы. Они расстреляли всех жителей деревни, убили и бабушку. Мы с мамой присоединились к партизанскому отряду "Пламя". Сначала командир не хотел меня оставлять в отряде, потому что мне было только 13 лет, но маме, расхвалившей мои многочисленные достоинства, удалось уговорить его.

Моим первым заданием были поиски оружия в Березине. Я искал оружие по берегу реки, а иногда и нырял в воду. Течение в Березине достаточно быстрое, так что работа была не из легких. Все же я нашел в реке кое-какое оружие, большей частью в разобранном виде. Я должен был счищать с него ржавчину —

однообразное и скучное занятие. Но командир пообещал, что, если я это сделаю хорошо, мне дадут новое задание.

Так и случилось. Мне поручили выслеживать врага. Я стал разведчиком. Я выходил в разведку вместе с двумя другими ребятами. Немцы не проявляли ни малейшей бдительности, считали, что дети не могут представлять для них никакой опасности. Когда мы приближались к ним, они то хвастливо показывали нам свое оружие, то пугали, делая вид, что собираются в нас стрелять. А мы, включившись в игру, изображали восторг и громко восхищались их оружием. Как следует все оглядев и подсчитав, мы получали представление о мощи данного подразделения. Вот только запомнить информацию было трудно, записывать что-либо нам не разрешалось.

Захват подсчитанного нами оружия был делом другой партизанской группы — группы по вооружению. Выслушав наш рассказ о наличии войск противника и его боевом снаряжении, несколько опытных партизан отправлялись "на работу".

Но не всегда все проходило гладко. Во время одной из встреч с немцами я не на шутку испугался. Мы пошли к ним выпрашивать сигареты. Делая вид, что прогуливаюсь, а на самом деле все запоминая, я попросил прикурить. "У меня есть огонек", — неожиданно очень серьезно сказал один из немцев. Он достал пистолет и прицелился в меня. Выстрелил почти в упор. Попал в самый кончик сигареты у меня во рту. Сам удивляюсь своему самообладанию: я засмеялся. Немцы нашли шутку своего приятеля очень забавной. Можно догадаться, чего мне стоила эта выходка — я чуть было не поплатился жизнью.

Когда Белоруссия была освобождена, мы получили новое задание. Правительство Чехословакии обратилось с просьбой о помощи к нашему правительству, и нас направили в эту страну, где война еще не закончилась. Запись в эти отряды была добровольной.

Меня вместе с 17 другими партизанами переправили в Словакию на "Дугласе". Это был мой первый полет, и тогда же я понял, что хочу стать летчиком.

Нас высадили недалеко от Банска-Бистрицы, где должно было состояться подготовленное словацкими партизанами сражение с восемью немецкими дивизиями.

Была организована большая интернациональная бригада, состоявшая из словаков, чехов, бельгийцев и нас, белорусов. Позже прибыли партизаны с Украины, которая в октябре 1944 года была освобождена. В задачу нашего отряда входила прежде всего подрывная деятельность. Мы должны были задерживать транспорт, предназначенный немецким дивизиям. Дополнительные сложности возникали из-за незнания языка, что затрудняло контакт с населением. Приходилось работать исключительно с нашими словацкими связными. И все же нашей группе удалось взорвать 12 эшелонов с оружием и боеприпасами. Помог нам белорусский опыт партизанской борьбы.

Наряду с подрывной деятельностью было необходимо собрать сведения о вооружении гитлеровских войск, вести непосредственные боевые действия. Мы смогли совершить даже массовое наступление, в результате которого часть немецких дивизий была вынуждена отступить, а часть была уничтожена.

Мы стали вести боевые действия против немцев. Из Советского Союза нам забрасывали много оружия, словацкие партизаны также были отлично вооружены, имелись даже маленькие самолеты. То время, когда я выуживал из Березины ржавое оружие, чтобы партизанам было из чего стрелять, отошло в прошлое. На протяжении последнего года войны меня еще четырежды забрасывали в разные пункты Чехословакии.

В послевоенные годы я неоднократно бывал по приглашению моих старых друзей в этой стране. Мы вместе праздновали День освобождения. Этот праздник всегда проходит в совершенно особой атмосфере. Мы грустим, вспоминая погибших товарищей, и радуемся, что пережили те тяжелые времена и видим друг друга здоровствующими и счастливыми.

ГЕННАДИЙ ЮШКЕВИЧ:

Сброшены под Берхтесгаденом

В 1941 году наша семья жила в Минске: отец, мать, моя шестнадцатилетняя сестра и я — мне тогда было 12, — так начал свой рассказ Геннадий Юшкевич. — Отца направили на Северный фронт, под Ленинград. Мать работала в министерстве культуры, но сразу после того, как немцы захватили Минск, ушла в подполье. В октябре 1941 года мать была арестована и с 70 другими жителями Минска повешена на улице Карла Маркса. На грудь ей прикрепили доску с надписью: "Мы — партизаны, мы стреляли в немецких солдат". Повешенных охраняли часовые, и тела не убрали четыре недели.

Мы с сестренкой видели среди повешенных нашу маму и хотели ее забрать, но мы были слишком малы, чтобы совершить подобный шаг. К тому же у нас не было оружия. Мы остались в доме вдвоем, с отцом связи не имели. Были подавлены горем и очень много плакали. Но вслед за отчаянием пришло желание мстить за мать. Сестра ушла к партизанам в Полесье. Я остался дома один ждать отца. Проходил день за днем, он не возвращался. Наконец я написал отцу записку: "Мы с Юлей ушли в партизаны" (у меня не хватило решимости написать, что мамы нет в живых) — и отправился в лес. Когда я явился к командиру, тот объяснил, что детей в отряд не берут. Он поставил рядом со мной ружье и сказал: "Посмотри, парнишка, ты даже до моего ружья не дорос. Что же ты собираешься делать?" Я твердил, что хочу отомстить за мать. Командир обещал, что сделает это за меня сам, но я стоял на своем. В конце концов меня взяли на испытание. Я гордился тем, что принадлежу к отряду народных мстителей.

Мое первое задание заключалось в следующем: надо было пойти в Минск и обменять у немецких солдат масло и сало на батарейки, которые были нужны нам для взрывной работы. В то время в результате деятельности партизан немцев снабжали продовольствием с перебоями, и такая нелегальная торговля была нам на руку. Я вернулся в лагерь с батарей-

ками, и мне дали новое задание. Предстояло отправиться в немецкий гарнизон неподалеку от Минска и сосчитать, сколько там солдат. И с этим заданием я справился. После выполнения второго задания меня приняли в члены отряда "Чайка".

Отряд делился на три подгруппы. Первая заботилась о продовольственном снабжении, вторая занималась уничтожением небольших немецких отрядов, третья, и важнейшая, отвечала за все, что было связано со взрывной работой. Туда меня и определили.

Наш лагерь находился в глубине леса, и к нему вели потайные тропинки. Каждая группа пользовалась собственной тропинкой. При входе на эти тропинки мы переплетали ветки так, что человек непосвященный неизбежно растоптал бы их. Таким образом мы всегда могли точно определить, ступала ли здесь чужая нога.

В первые месяцы мы занимались в основном взрывом мостов. Так как я был маленький и ловкий, мне поручали закладывать под мосты взрывчатку. Пока четверо других охраняли подходы, я залезал под мост и быстро добирался до середины. Взрывчатка была привязана у меня на животе, прилаживать ее приходилось одной рукой. Однажды я не удержался и свалился в реку. Течение было очень сильным, и я растерял всю взрывчатку. Но такую оплошность я допустил только раз. Обычно же все шло нормально: мы поджигали шнур и, непременно дождавшись взрыва, уносили ноги.

В октябре в лесах все переменялось. Болота, по которым мы шлепали летом, покрылись слоем льда. Выпал снег. Мы ходили на лыжах. Немцы если и отваживались показаться в лесу, то кончалось это для них весьма плачевно. Мы повсюду расставили свои посты, беспрепятственно пропускавшие немцев в лес. А там заводили их в болота. Однажды нас самих чуть было не засосала трясина. Весной 1942 года мы хотели переправить двух лошадей с одного островка на болоте на другой. Ехали вчетвером — по двое на каждой лошади. На одной солнечной прогалине снег растаял. Лошади сразу провалились. Рискуя собственной жизнью, мы попытались спасти их. Но борьба была

бесполезной — лошадей мы потеряли.

По снегу мы, чтобы обмануть немцев, всегда ходили друг за другом гуськом, тщательно ступая след в след. Замыкающий обязательно тащил за собой маленькую елочку, заметая следы. Если же немцы их все-таки обнаруживали, то думали, что здесь шел один человек.

Фашисты выискивали в городе людей, склонных сотрудничать с ними. Они проходили у немцев короткое обучение. Затем их одевали в форму Красной Армии и приказывали ходить по деревням, выдавая себя за заблудившихся военнопленных. Предатели пытались выудить у деревенских жителей местонахождение партизан, чтобы облегчить немцам их уничтожение. Крестьяне не сразу научились распознавать людей подобного сорта, и не раз такой лжесолдат появлялся в нашем лагере. Но партизаны разоблачали провокаторов без особого труда.

После освобождения Белоруссии я заявил о своем желании служить в Красной Армии. Но мне отказали: я был слишком молод. Тогда я решил схитрить: написал себе в метрике четыре года. Так я стал учиться на парашютиста. Пройдя ускоренный курс обучения, я и еще девять человек получили приказ отправиться на маленький аэродром под Сморгонью. Мы получили задание высадиться глубоко в тылу врага, в районе Берхтесгадена — штаб-квартиры Гитлера. Там мы должны были установить связь с подпольными ячейками Коммунистической партии Германии и передавать информацию наступающей Красной Армии.

Глубокой ночью мы ступили на землю Восточной Пруссии; сразу же, под кодовым именем Джек, вышли на радиосвязь с Красной Армией. Блуждание по незнакомым лесам длилось целую неделю. Наконец нам удалось связаться с членом Коммунистической партии Германии. Эта встреча произошла ранним утром на разрушенной ферме. Немецкий товарищ дожидался нас уже пять дней. И здесь нашим конкретным заданием было нарушение снабжения немецко-фашистской армии. У нас имелись с собой значительные запасы тротила и взрывателей, но крайне мало провианта. Работать было сложно. Приходилось действовать

с большой осторожностью, так как немцы перешли к так называемой "тотальной войне". В отличие от Белоруссии в Германии нельзя было принимать в расчет контакт с населением. Мы не знали, на кого можно положиться. Вся связь с Родиной осуществлялась по радио и через нашего немецкого товарища. Мы передавали информацию о концентрации гитлеровских войск, которые вели бои с войсками 3-го Белорусского фронта, об их численности, вооружении и перемещениях. Работали мы с полной отдачей. Из группы в 10 человек, сброшенной в Восточной Пруссии, в живых остались лишь трое.

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВ:

Рельсовая война

Алексей Федоров родился 30 марта 1901 года в Екатеринославле, теперешнем Днепропетровске. Совсем мальчишкой, в 1916 году, начал работать на стройках. В 1920-м вступил добровольцем в Красную Армию. В 1924-м был демобилизован, работал плотником на прокладке железнодорожной линии Мерефа — Харьков. Впоследствии руководил плотницкими работами при постройке туннеля для гидроэлектростанции на реке Риони в Грузии; позже был назначен заместителем начальника строительства. Работу совмещал с учебой в техникуме в Чернигове. В 1932 году Федоров стал председателем областного совета профсоюзов, затем был избран секретарем Черниговского обкома партии, а в 1939-м — его первым секретарем. Когда разразилась война, Федоров возглавил подпольный обком и был одним из организаторов партизанской борьбы.

В крайне трудных условиях, на землях, оккупированных фашистами, Федоров руководил самым крупным на Украине партизанским соединением. Оно действовало в 14 областях Украины, Белоруссии и Российской Федерации, где врагу были нанесены значительные потери в живой силе и технике.

Во время боевых операций соединение Федорова пустило под откос огромное количество вражеских

поездов, взорвало много железнодорожных мостов, военных складов, разгромило много немецких гарнизонов.

В 1943 году под непосредственным руководством Федорова была проведена операция "Рельсовая война", вошедшая в историю второй мировой войны. В ходе ее было взорвано не менее 603 поездов и 8 бронепоездов.

После того как боевые задания в тылу врага были успешно завершены и партизанское подразделение соединилось с частями Красной Армии, Федоров был направлен Коммунистической партией Украины на работу в освобожденных районах республики с целью восстановления разрушенной войной экономики.

За боевые заслуги и самоотверженный труд на благо страны Федоров был дважды удостоен звания Героя Советского Союза. Он награжден шестью орденами Ленина и орденом Суворова первой степени, орденом Отечественной войны второй степени, орденом Богдана Хмельницкого и, кроме того, многими орденами и медалями иностранных государств.

С генерал-майором Федоровым я познакомился еще в 1970 году в Нидерландах, на встрече с ветеранами нидерландского Сопrotивления. Тогда-то мы и договорились, что я разыщу его при первом же посещении Украины. Я сделал это незамедлительно. И не пожалел: то, что я услышал от Федорова, представляло для меня чрезвычайный интерес.

— Начну с цифр, — сказал Федоров, — они помогут вам понять, какой размах имела на Украине партизанская война. Тысячи коммунистов и комсомольцев сразу же после оккупации Украины были направлены партией на организацию партийного подполья и партизанской борьбы. В ходе развития партизанского движения ряды коммунистов и комсомольцев значительно укрепились.

К лету 1942 года на Украине не осталось ни одного пункта, где не действовали бы подпольные группы или партизаны. В оккупированных областях республики с 1941 по 1944 год действовало несколько подпольных обкомов и ряд городских и районных комитетов партии. С 1942 по 1944 год для партизанского движения

было подготовлено более четырех тысяч командиров, политработников и подрывников. Их готовили на Большой земле, а потом перебрасывали через линию фронта в оккупированные районы. Я сам прошел такую подготовку в специальной школе.

В партизанских отрядах существовала гражданская организационная структура. Хотя среди партизан были люди, имевшие военное образование, они составляли меньшинство. К примеру, я тоже не был офицером. Генералом я стал во время войны и в результате войны. Случалось, что командиры партизанских подразделений получали воинские звания за успешно проведенные операции. Конечно, мы многому учились у партизан, имевших за плечами службу в армии.

С помощью подпольных комитетов партия руководила ходом партизанского движения в захваченных районах. Именно это важно подчеркнуть — борьба в нашей стране была не стихийной. Ее организовала Коммунистическая партия. Однако борьба была бы невозможна без прямой поддержки населения. Простой, но красноречивый пример: крестьяне систематически снабжали партизан продовольствием.

На Украине существовало 75 крупных партизанских соединений и несколько тысяч небольших партизанских отрядов, в них входило примерно полмиллиона человек. Еще более 100 тысяч человек работали в подполье в городах. Использовались и другие формы борьбы, в том числе и характерные для нидерландского Сопротивления: саботаж приказов и распоряжений, изданных оккупантами.

В освобождении украинской земли участвовали также братья-партизаны Польши, Чехословакии, Югославии и Венгрии, — продолжал Федоров. — И мы не остались в долгу: во время Словацкого восстания мы оказали помощь повстанцам, послали в Чехословакию 125 опытных партизан из украинских подразделений.

Ежегодно все прогрессивное человечество отмечает годовщину победы над фашизмом. У вас в Нидерландах 5 мая, у нас — 9 мая. Для нас это великий день, день окончательной победы, полного разгрома немецко-фашистских полчищ.

Вероятно, вас интересуется, — продолжал Федоров, —

как наша партия и правительство позаботились об участниках войны, ветеранах Советской Армии, партизанах и подпольщиках. Сразу после войны было принято постановление правительства об оказании помощи инвалидам, в последующие годы установлены льготы участникам боевых действий в Великой Отечественной войне. Народ отдает им дань уважения.

АЛЕКСЕЙ АРТАМОНОВ:

Сны остаются

— Мне предстоит поездка в Нидерланды; я счастлив безмерно, — говорил мне Алексей Артамонов. — Побываю на земле Рембрандта и Ван Гога. Я сопровождаю выставку графики, которая будет экспонироваться в Нидерландах. Тема выставки: "Партизаны и Красная Армия во время Великой Отечественной войны". Я сам художник. Живу в Киеве. Все мои работы связаны с военным прошлым. В годы войны я был заместителем командира партизанского отряда, мы действовали глубоко в тылу врага. На нашем счету немало вражеских эшелонов. Советское правительство наградило меня орденом Ленина.

В 1938 году я был призван в армию. В 1941 должен был демобилизоваться. И тут разразилась война. В то время я находился на границе с Польшей, в Западной Украине, служил в бронетанковых войсках в должности командира подразделения.

Поначалу борьба была неравная. У фашистов техники было больше, чем у нас. В первых боях нашим 300 танкам противостояло примерно 600 танков немцев. В мой танк попал снаряд; я был тяжело ранен. Однако мне и еще нескольким товарищам удалось выбраться из немецкого окружения. Переход был трудный. Все же мы добрались до глухих лесных болот под городом Дубно. Мои раны воспалились, я был совсем плох. К счастью, мы набрали на избушку лесника. Это спасло мне жизнь.

Как только силы мои восстановились, я решил сформировать партизанский отряд. Пять месяцев

блуждал по окрестным лесам и болотам. Чтобы выжить, приходилось вести себя подобно зверю. В лесах я собрал 26 человек. Кроме бойцов Красной Армии, это были жители украинских и польских деревень.

Поначалу наш маленький отряд был плохо вооружен. Поэтому мы начали с организации саботажей. Для этого устанавливали контакты с людьми, работавшими на фабриках, убеждали их саботировать производство. Постепенно раздобыли оружие. Достали и лошадей.

Первое большое нападение мы совершили на полицейский участок, где размещалась зондеркоманда. Мы окружили участок в четыре часа утра. Атака была внезапной. Ни одному немцу не удалось выбраться живым. После этого мы быстро сменили место дислокации.

У нас не было радиоприемника, и мы полностью зависели от сведений, которые нам передавали деревенские жители. Однажды до нас дошли слухи, что в близлежащий район прибыл отряд имени Михайлова — большое партизанское соединение. Нам удалось установить связь и присоединиться к нему. Партизанский отряд был назван в честь советского врача, погибшего в немецком концентрационном лагере. К тому моменту, когда Михайлов оказался в лагере, там уже было уничтожено более 10 тысяч наших людей. Михайлов организовал в концлагере подпольную группу. Группа была раскрыта, и немцы его повесили.

Вскоре меня назначили руководителем группы подрывных работ, — продолжал рассказ Артамонов, — это было в начале 1943 года. В течение 1944 года моя группа взорвала 12 железнодорожных составов с людьми и боеприпасами, и все это практически на глазах у немцев — их посты были расставлены на каждом километре пути.

Из Москвы мы получили задание уничтожить лесопильни. Там для немцев изготавливались понтонные мосты, необходимые для переправы через Днепр.

Первой была лесопильня в Малине. Мы отправились туда впятером. Действовать надо было совершенно бесшумно. Тщательно заложили взрывчатку, предварительно обезвредив шестерых немецких часовых.

Потом обратились к рабочим, работавшим на немцев, — их было человек 200; попросили помочь в поджоге лесопильни, но вначале унести все что может пригодиться партизанам. Так, например, с машин сняли кожаные приводные ремни, из которых позднее сшили башмаки, ведь у большинства из нас обувь была плохая. Время нас торопило — в любой момент могли подойти немецкие патрули. Рабочие спешно покинули лесопильню. Мы подожгли и взорвали здание. Это был огромный фейерверк, самое яркое зрелище из виденных мною в жизни. Лесопильня горела больше суток. Мы с гордостью докладывали: "Лесопильня в Малине уничтожена".

У нас было принято перед операцией оповещать население о предстоящих событиях. Деревенские жители должны были быть готовы к отступлению, так как немцы мстили самым жестоким образом. Нас они выследить не могли, и их репрессии обрушивались на мирное население.

В Западной Украине ситуация была особенно сложной. Там действовали банды националистов, сотрудничавшие с немцами. Для них все средства были хороши ради восстановления крупной земельной собственности. Они знали местность как свои пять пальцев и представляли для партизан большую опасность, так что борьба была нелегкой.

Когда война кончилась, я вернулся домой. Сколь радостной была встреча в семье после долгой разлуки! Однако отдыхать было некогда. Нас ждали новые дела: нужно было восстанавливать разрушенное народное хозяйство. Мужчин не хватало, работали за двоих, за троих. Собственно, мы даже прийти в себя не успели. Но чем дальше мы удаляемся от военных лет, тем чаще возвращаемся к ним в воспоминаниях. И тогда я заново переживаю каждое сражение, каждую схватку. Все, что помню, я, художник, стараюсь воплотить в своем творчестве, полностью посвящая его служению на благо мира. Мы, советские люди, очень миролюбивы. Сражаясь против фашизма, мы защищали свою Родину, воевали ради мира на земле.

АЛЕКСАНДР БУТРИК:

Дни с Таней

Александр Бутрик ждал нас у своего дома, на окраине Киева. Этому невысокому, живому человеку в тот день, как выяснилось в самом начале разговора, исполнилось 52 года. Нам не хотелось обременять его в день рождения, но он решительно пресек наши сомнения. "Ваш визит не помеха, — сказал он. — Я отмечаю свой праздник очень скромно, будут только самые близкие".

В доме царило оживление. Из кухни доносились аппетитные запахи. Там хлопотала жена Александра, она лишь время от времени заглядывала в комнату, где мы беседовали.

— В 18 лет, — начал рассказывать Александр Бутрик, — меня призвали в армию и направили в военную летную школу в городе Кременчуге. Когда сообщили о том, что гитлеровская Германия напала на СССР, я нес службу в казарме. Специальный сигнал, который всесоюзное радио передает лишь в случае сообщений особой важности, донесся из всех громкоговорителей в пять часов утра. Немедленно была объявлена боевая тревога. Зачитали приказ: мы все должны были покинуть Кременчуг в течение недели, а так как летную подготовку мы только начали, нас направляли в пехоту.

К зиме меня назначили заместителем командира пулеметного взвода. Это был самый трудный период войны. Дни и ночи непрерывного грохота, голод, холод. Несмотря на зимнюю одежду и валенки, мы очень сильно мерзли, так как целые дни проводили в поле. Как только светало, прилетали немецкие самолеты. Вы когда-нибудь слышали гул от низко, очень низко летящих 100 самолетов? Самый жуткий звук, который только можно себе представить.

Шло время. В июне 1942 года мы вдвоем с товарищем отправились на рекогносцировку нового района. Мой напарник наскочил на мину и погиб. Я шел в нескольких метрах от него, и меня задело осколком. Должно быть, я несколько часов пролежал без сознания, потому что, когда очнулся, был уже вечер. Рана на

животе сильно кровоточила. Чтобы остановить кровотечение, я залепил рану грязью — больше нечем было. Идти я не мог, на спине отполз немного назад. К счастью, попал в колею от танка; и все же расстояние, которое обычно проходят за 10 минут, я преодолел за два с половиной часа. Потом был госпиталь, операция, отправка в тыл.

В тылу оказалось не многим легче, чем на фронте. Как только рана зажила, я стал проситься на фронт, но меня послали учиться на радиста. Потом вместе с другими выпускниками шестимесячных курсов меня направили из Москвы в Украинский штаб партизанского движения. Каждый из нас получил рацию, автоматический пистолет, четыре ручных гранаты и все необходимое для зашифровки сообщений. Нас сбросили группой в пять человек. Мы разошлись в разные стороны: каждый в свой партизанский отряд. Я оказался в очень маленьком подразделении, перемещавшемся каждый день. За три месяца мы прошли пешком примерно 600 километров.

Потом меня отозвали обратно в Москву и дали новое задание. Вместе с одной девушкой я должен был отправиться в район Умань — Винница, тоже на Украине. Там действовал партизанский отряд, которому не вполне доверяли. В пояснение нужно сказать, что немцы создавали такие лжепартизанские отряды из украинских националистов и эмигрантов, объединявшихся под лозунгом "Свободная Украина под немецким управлением". Внедряясь в партизанское движение, они выдавали немцам сведения о действующих отрядах.

Нам было поручено выследить лжепартизан в районе Умань — Винница.

Девушку, с которой я отправлялся в путь, звали Таней. Она была красивая и стройная. Отлично стреляла и уже была опытным разведчиком: 12 раз ее забрасывали в партизанские районы. Мы высадились неудачно, далеко от назначенного места, и три дня блуждали по лесу. Питались грибами (благо Таня — большой специалист в этой области, знала все съедобные грибы). По вечерам из своей маскировочной накидки я сооружал палатку. Спали мы рядом, свернув-

шись калачиком. Чтобы согреться, по очереди растирали друг друга. Все три дня лил дождь, на нас не осталось сухой нитки. Развести огонь было невозможно: все отсырело. Те три дня запомнились на всю жизнь. Мы привязались друг к другу так, словно были братом и сестрой. Чтобы успокоиться, перед сном мы рассказывали поочередно истории, слышанные в детстве.

Наконец мы добрались до места. На группу, за которой нам поручили следить, подозрения пали не случайно. Лжепартизанский отряд, обученный и вооруженный немцами, готовил нападение на партизанский пост, находившийся от него в 15 километрах. Используя наши донесения, партизаны взяли националистов в плен.

Но война продолжалась, и мы с Таней получили новые, теперь уже разные задания. Как это часто бывало в те годы, мы потеряли друг друга из виду. Позже я пытался разыскать Таню и узнал, что она была убита в 1944 году во время перестрелки в лесу. У меня нет ни одной ее фотографии, ничего от нее не сохранилось. Но она как живая стоит у меня перед глазами. Чувство, которое я испытывал к Тане, наши отношения неповторимы, ни с чем не сравнимы... И я не допускаю мысли о том, что мир существует без нее, предпочитаю думать, что она живет где-то рядом, просто я не знаю где.

Окончив рассказ, Александр Бутрик долго молчал. Мы не решались нарушить молчание, пока он сам не прервал его, пригласив нас к праздничному столу.

На прощание Маттеус Энгел сфотографировал Александра Бутрика при полном параде, со всеми его наградами. Сфотографировал этого мужественного человека в день его рождения.

ЛЮБОВЬ ШЕЧКОВА:

11 тысяч километров вверх

Любовь Шечкова преподает голландский язык в Московском институте международных отношений. Кроме того, она переводчик художественной литера-

туры, переводила произведения Боона, Клауса, Элсхота и Вестдейка.

В годы второй мировой войны она была удостоена двух орденов Красной Звезды и медали "За отвагу".

А вот история Любы — двадцатилетней девушки, воевавшей плечом к плечу с кубанскими казаками.

— С началом войны, — рассказывает Любовь Щечкова, — у всех моих друзей-студентов (я училась тогда на втором курсе вуза) появилось желание действовать. Все мы стремились на фронт, сражаться с врагом. В первые месяцы войны более половины студентов ушли добровольцами в армию. Учеба приостановилась, я и мои друзья были отправлены на уборку урожая. Отработав там два месяца, мы вернулись в Москву. 9 октября 1941 года нас собрали и распределили по группам, чтобы направить на курсы для приобретения военных специальностей. Так я попала в школу военных переводчиков в Ставрополе.

Ежедневно мы занимались по 10 часов. Уроки нам давали люди, прекрасно владевшие немецким языком. Учебным материалом служили трофейные письма и документы.

В январе 1942 года мы получили назначения. Меня и еще пять человек отправили на Южный фронт. Нам выдали обмундирование, и мы должны были по Волге добраться до Куйбышева, где находился штаб Южного фронта. Я попала в 30-ю кавалерийскую дивизию 4-го кубанского казачьего кавалерийского корпуса. Там я служила два года.

В мои обязанности входило читать немецкие газеты, извлекая информацию о передвижениях немецких войск, а также переводить письма и документы, добытые у немцев казаками в ходе специальных операций. После поражения немцев под Москвой мы захватили первых немецких пленных. От них мы получили сведения, представлявшие для нас интерес.

В течение двух лет я находилась приблизительно на одном и том же участке фронта, и случалось, что в разное время в плен попадали солдаты из одного и

того же подразделения. Я использовала этот факт для того, чтобы вызвать немцев на разговор. Например, достаточно было спросить: "Знаете вы такого-то из такого-то подразделения?" — и назвать при этом фамилию взятого в плен ранее, как беседа завязывалась. А каждая такая беседа, как правило, бесценный источник информации.

Каждый казак, каждый командир имел коня. Мне тоже надо было учиться ездить верхом, но я и подумать об этом боялась. В детстве меня как-то лягнул жеребенок, и во мне поселился страх. Однако война заставила сесть на коня: надо было допросить пленного немца, который находился в 20 километрах от нас. Дороги были плохие: наступила весна, а это значит — талый снег и грязь. Проехать можно было только верхом. Я села на коня и крепко вцепилась в него, дрожа от страха.

Но впереди меня ждали еще бóльшие испытания.

Мы вынуждены были отступать и прорываться сквозь линию фронта. Коня подо мной убили. Я отстала. Думала, что осталась одна. И вдруг увидела раненого солдата и медсестру, молоденькую девушку.

Раненого мы решили после наступления темноты тащить на плащ-палатке. Вокруг были немцы. Днем отсиживались в каком-нибудь укрытии, ночью ползли дальше. Раненому становилось все хуже, наши перевязки не помогали. И все-таки он выжил. Мы втроем только и остались в живых из всего отряда.

Но послушайте, чего это нам стоило. Мы знали: чтобы попасть к своим, надо перебраться на другой берег реки Донец. Мы нашли автомобильную покрышку и привязали к ней раненого солдата. Плавали мы с медсестрой хорошо. Плыли и толкали шину перед собой. А вокруг свистели пули. Под перекрестным огнем мы достигли противоположного берега реки. Спасение было близко, но, о ужас, оказавшись на берегу, мы обнаружили, что немцы... переправились через реку раньше нас. Значит, до линии фронта было еще далеко, а враг окружал нас со всех сторон.

И все-таки воля и непреклонность вывели нас к своим. Но где находится наша дивизия, никто не знал. Прошла неделя, прежде чем где-то на Дону, в районе

Ростова, мы разыскали нашу часть. Солдата отправили в госпиталь. А нас, девушек, наградили: меня — медалью "За отвагу", медсестру — орденом Красной Звезды.

Летом 1942 года мы отступали. Никто не мог понять, почему отдан приказ отходить. Вот что я писала в то время в своем дневнике.

"Август 1942 года: поход к Кубани. Ночной марш через поля. По дороге — казачьи станицы, богатейшая земля. Почему, почему мы должны все это отдавать немцам?"

Нам надо идти дальше. Мы миновали реку, где находился оборонительный пункт номер 33. Там многие вступили в партию, поклявшись, что будут бороться с врагом до последнего вздоха. Меня приняли кандидатом в члены партии.

Армавир мы вынуждены сдать. Жители покинули город. По дорогам идут колонны немцев и отрезают нам путь. Ночью мы выходим в направлении реки Лабы. Спрашиваем себя, когда же кончится это отступление. За Лабой стоят немцы. Идем в Черкесск, приближаемся к Кавказу. Обстрелы и многочисленные потери. Поднимаемся в горы: высота — 2150 метров над уровнем моря. Лучше всего было бы остаться здесь партизанами. Почему мы должны делать этот бросок через горы? Неужели так трудно связаться с войсками, находящимися на Северном Кавказе? Почему мы идем через Марухский перевал? Я не могу этого понять. Мы устали и голодны, есть нечего".

Так я думала в то время. Наш передовой отряд, вступивший в горы, насчитывал 129 казаков. Шли осторожно. Шли с грузом, тащили за собой противотанковые ружья. Проходя по узким горным тропинкам, крепко держались за коней. Не удержишься — окажешься в пропасти. Завершить переход было для нас делом чести.

Мы были крайне измучены, в лохмотьях, голодные, но все до единого добрались до Сванетии. Там мы пробыли две недели. Пищу и одежду нам сбрасывали с самолетов. Затем нас по железной дороге Баку — Грозный переправили на другую сторону горного хребта — на Северный Кавказ. Мы остановились не-

подалеку от Кизляра, города в степи.

Нашей задачей было сковать здесь силы фашистов, чтобы обеспечить действия советских войск под Сталинградом. Казаки яростно сражались против немцев. Сначала танки подбивали гранатами или противотанковыми ружьями. Немцы вылезали из них, и тут завязывалась буквально рукопашная схватка.

Кавалерия углубляла бреши, пробитые нашей артиллерией и танками. Последние продвигались быстро, но им приходилось возвращаться за горючим. Кавалеристы же в нем не нуждались. Они входили в прорыв на глубину до 100 и более километров, что давало возможность окружить гитлеровцев. Нередко мы действовали совместно с партизанами: впереди немцев — мы, позади — партизаны. Тактика была хорошо скоординирована. Нередко нас поддерживала авиация. В это время мы добились первых успехов.

Кубанские казаки — отважные и веселые люди, оптимистичны от природы. Никому из них и в голову не приходила мысль о том, что война может быть проиграна. Они сражались с необычайным упорством. Воевать уходили целыми семьями: дед, отец, сын были в одном эскадроне.

В войну я полюбила лошадей. Вначале у меня был конь Сынок, после его гибели — скверная лошаденка по кличке Мулат: непородистая, маленькая, но выносливая.

Последние два года мне служила лошадь, которую звали Грация. Это было чудесное животное, очень умное. Много раз она спасала меня от смерти, во время бомбардировок всегда быстро и безошибочно находила безопасное место. И мы с ней оставались невредимыми. Если я теряла ориентацию и не знала, в каком направлении ехать, моя лошадь всегда находила дорогу. У меня обязательно был припасен для нее кусочек хлеба или сахара. Когда я приближалась к ней, она шла навстречу и клала голову мне на плечо. Так мы приветствовали друг друга. Это была настоящая дружба. На этой лошади я воевала до последнего дня.

Часто мы спали в поле, на бурках, прижавшись к своим лошадям. Животные нас согревали. Нередко мы спали в сараях, разрушенных домах, иногда по 40

человек в одном помещении. Мне, как женщине, обычно доставалось хорошее место — под столом или на подоконнике. Это были счастливые минуты отдыха.

Мужчины всегда посматривали на девушек. Мой муж любит повторять: "Я одержал настоящую победу, если из многих тысяч мужчин на фронте ты выбрала меня". Я ни разу не встретила даже намека на грубость со стороны солдат. Казаки выделяются своим умением виртуозно ругаться, но при мне этого не случилось. Здесь есть, вероятно, и моя заслуга: во время войны я всячески стремилась не огрубеть, оставаться женственной. Например, я не выкурила ни одной папиросы. Как-то у меня разболелись зубы, кто-то мне посоветовал закурить, но я и тогда этого не сделала. Я также не выпила за всю войну и 100 граммов водки.

С мужем я познакомилась во время войны. Застенчивый крестьянский парень, он отвечал у нас в дивизии за радиосвязь. Он мне очень нравился. Как-то раз я хотела купить яблок, а денег у меня с собой не было. Он расплатился за меня. Потом я разыскала его, чтобы вернуть долг... Так мы познакомились поближе. В свободные минуты стали встречаться, говорили о литературе, музыке, о военной жизни. Вскоре поняли, что любим друг друга. Мы нежно заботились друг о друге. Время от времени он приносил мне немного продуктов, а я приберегала для него часть своего пайка. Мы строили планы на будущее.

Но в апреле 1944 года неподалеку от Николаева меня ранило: неосторожно высунула голову из окопа и от удара взрывной волны лишилась речи, слуха и зрения. Меня решили отправить в госпиталь. Я попросила командира отослать меня в Москву — хотела повидаться с родителями. В Москве выяснилось, что у меня затронуты также легкие. Мне пришлось оставаться в столице до конца войны.

После того как я покинула дивизию, мы с моим будущим мужем начали переписываться. Я писала ему каждый день, он мне тоже. Но из-за перебоев в работе связи я подолгу не получала от него вестей. Как же я тогда волновалась! Все его письма тех лет я сохранила, храню и дорогие мне солдатские конверты.

В войну в нашей дивизии допросили примерно 300 немецких военнопленных. Я, с детства любившая немецкий язык и литературу, поначалу никак не могла поверить, что немцы — наши враги, и, уж во всяком случае, те немцы, которые сдались в плен. С немцами я всегда разговаривала очень корректно. Я считала: чем миролюбивее проходит беседа, тем более полезной для нас она может оказаться. Но немцы чаще всего вели себя дерзко и грубо: то отказывались отвечать на вопросы, то притворялись оскорбленными или сумасшедшими... Один из них все время твердил: "Мои дети, моя жена, мои дети..." И я его жалела. Но как только я на минуту осталась с ним одна, он встал, схватил стеклянную лампу и ударил меня ею. Такого коварства я, признаться, не ожидала. А еще помню, как один пленный обратился ко мне: "Ингар, как ты сюда попала?" Оказалось, я была похожа на его знакомую девушку. Он показал мне ее фотографию.

Пришлось мне столкнуться и с эсэсовцем. В ноябре 1943-го под Моздоком, недалеко от Северокавказских степей, казаки передали донесение: в сторону поселка едет немецкая машина. Решили пропустить машину, с тем чтобы захватить ее на обратном пути. Так и сделали. При этом взяли в плен старшего лейтенанта.

Привели его в штаб. В то время я уже имела право допрашивать немцев самостоятельно. Выяснилось, что лейтенант из зондеркоманды Розенберга, группы "Юг". Его цель — Баку: там он должен участвовать в похищении произведений искусств и других ценностей. Под Моздоком он разыскивал своего друга, немецкого полковника. Я доложила обо всем начальнику штаба, хотя рассказ пленного мне показался неправдоподобным. В штабе его тоже не приняли всерьез. И все-таки я настояла, чтобы полученные от него сведения подвергли дополнительной проверке.

Две недели спустя нам доставили газету "Правда", и мы обнаружили в ней огромный материал об этом немце. (Его звали Норман Фюрстер.) На повторном допросе он раскрыл истинное назначение своей зондеркоманды — вывоз из Советского Союза в Герма-

нию награбленных сокровищ. На подразделение Фюрстера, кроме того, были возложены и другие особые задания. Советское правительство наградило всех, кто был связан с задержанием Фюрстера. Я получила тогда орден Красной Звезды.

Гляжу на карту, сохранившуюся у меня с военных времен, и мне не верится, что я, совсем еще девчонка, проделала верхом такой гигантский путь. Впрочем, это был гигантский путь во всех отношениях: в Москву я вернулась уже зрелым человеком.

Каждый год 9 Мая мы встречаемся с фронтовыми друзьями. В этот день мы вспоминаем погибших товарищей. И прошлое оживает.

Наша юность не была ни веселой, ни беззаботной. Пределом наших мечтаний был стакан горячего чая с сахаром. Но мы живем с сознанием того, что совершенное нами в годы войны не пропало даром. Мы разгромили немецкий фашизм, боремся и будем впредь бороться за мир на Земле.

БЕСЕДЫ С ЖИТЕЛЯМИ ЛЕНИНГРАДА

ЕМЕЛЬЯН КОЗИК:

Наш девиз — "Ни шагу назад!"

— До войны я окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе и, став кадровым военным, служил в Москве, — вспоминает Емельян Козик. — В начале войны, 7 сентября 1941 года, меня направили в Ленинград, в 54-ю армию. Днем раньше во время прорыва фашистов погиб командир 286-й дивизии. Я заступил на его должность. Солдаты этой дивизии, позже названной "Ленинградской", накануне провели тяжелое сражение с немцами и вынуждены были отступить. Настроение у них было подавленное. Солдат после поражения — трудный солдат.

Фронт тянулся на 20 километров через болота. Мы находились на западном его участке, недалеко от Ладожского озера, это было место наибольшей концентрации немецких войск. Фашисты, очевидно, провели, что готовится к использованию "Дорога

жизни”, по которой в Ленинград будут доставлять все необходимое. И начали наступление с целью отрезать город от Ладоги. Моя дивизия получила задание остановить немцев и предпринять контрнаступление.

Силы немцев значительно превосходили наши. Кроме того, они располагали гораздо большим числом артиллерийских орудий. Танков у нас не было вовсе. Положение складывалось катастрофическое.

Из Франции для борьбы с нами немцы перебросили 327-ю дивизию “Мертвая голова”: 18 тысяч солдат. И это против 6 тысяч, находившихся под моим командованием. Дивизия “Мертвая голова” заняла окрестности деревеньки Тосно — туда им удалось прорваться. Но тут-то они и угодили в подстроенную нами ловушку.

Командующий 54-й армией генерал-лейтенант И. И. Федюнинский помог нам по моей просьбе артиллерией и танками, и дивизия “Мертвая голова” попала под артиллерийский обстрел. Бой длился с 10 часов утра до 3 часов ночи. Мы потеряли сотни солдат, тяжело раненные оставались лежать в траншеях. Скорбь и гнев владели нами. Но мы не позволили немцам достичь Ладожского озера. Тогда фашисты предприняли новую попытку прорваться. И опять безуспешно. Зная, что осложнилась ситуация под Тихвином и мы вынуждены обходиться без артиллерии, они снова пошли в атаку. Но нам удалось окружить и уничтожить их.

Чуть позже я был назначен командиром 46-й дивизии. В нашу задачу входила оборона правого берега Невы.

Кроме немцев, у нас был еще один страшный враг — холод. Не спасали даже валенки. А вот баня у нас была — мы ее сами построили, — и с питанием было неплохо.

Благодаря тому, что мы удерживали немцев на расстоянии, “Дорога жизни” начала функционировать. На льду разбили палатки, в которых временно разместили обмороженных и раненых, привезенных из города. Отсюда предполагалось отправить их в тыл.

Немцы тут же стали бомбить “Дорогу жизни”. Все эвакуированные погибли. Это глубоко потрясло

меня. Ни до, ни после я не видел ничего ужаснее. Ведь люди думали, что спасение близко — только дождаться следующего этапа транспортировки... Я слышал среди разрывов бомб, как люди в горящих палатках зывали о помощи, но пламя было настолько мощным, что мы были бессильны им помочь. Оставалось — в который уже раз — проклинать фашистов и обещать отомстить им за эти смерти. И мы мстили врагам с оружием в руках.

Мы не питали ни малейших иллюзий по поводу того, что произойдет, если немцы возьмут Ленинград. Они заваливали нас с самолетов манифестами, провозглашавшими конец "большевизма".

Спасти город могла только "Дорога жизни". Мы непрерывно отбивали немецкие атаки, не получая никакой поддержки артиллерии, во всяком случае в первые недели существования "Дороги жизни".

Наши солдаты проявляли чудеса героизма. Однажды во время немецкой атаки мы оказались без боеприпасов, так как "Дорогу жизни", по которой они поступали, немцы бомбили не переставая. Но наш девиз — "Ни шагу назад!" — вел нас в бой, и мы отбивали нападение в рукопашной схватке. В тот день только в моей дивизии мы недосчитались 346 солдат.

На протяжении всей блокады я был связан с Ленинградским фронтом. Потом получил другую дивизию, с которой дошел до Германии.

С тех пор прошло много лет. Но я, все мы, ленинградцы, помним те страшные дни.

МИХАИЛ АНИКУШИН:

Старушка у окна

На южной границе Ленинграда, у выезда на шоссе, ведущего в аэропорт, находится площадь Победы. Здесь в год празднования 30-й годовщины победы над немецким фашизмом установлен величественный монумент в память о всех погибших во время блокады и в честь всех защитников города, оставшихся в жи-

вых. Одним из создателей памятника был Михаил Аникушин, известный советский скульптор. Он автор памятника Пушкину на площади Искусств в Ленинграде, за который был удостоен Ленинской премии.

Мы встретились со скульптором в его огромной мастерской: 17 метров в высоту, 20 — в длину. Повсюду, куда ни кинешь взгляд, изваяния. Обращают на себя внимание многочисленные скульптурные портреты Чехова.

— Сейчас я работаю над памятником Антону Павловичу Чехову, — рассказывал нам Михаил Аникушин. — Честно говоря, работа над ним затянулась. Первые эскизы я сделал 18 лет назад, но все новые и новые срочные заказы не позволяли ее завершить. Эскизов за эти годы набралось множество, но такого, который удовлетворял бы меня полностью, пока нет. Но я не огорчаюсь, ведь говорят: "Сомнение — элемент творчества"...

Когда началась война, я учился в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Женился еще студентом. Мою жену с одной из первых машин через Ладожское озеро переправили на Большую землю. Она была эвакуирована в Самарканд. Все студенты нашего института работали в строительных бригадах, возводили оборонительные валы вокруг города. Но, конечно, никто из нас и мысли не допускал, что немцы когда-нибудь подойдут так близко к нашему городу.

Потом мы строили укрепления на Финском заливе. Мы уже знали, что враг движется в этом направлении и что положение критическое.

Вскоре меня мобилизовали. Я служил в противотанковом батальоне. Позднее стал медицинским инструктором. Дело в том, что в институте я изучал анатомию, а в условиях войны, когда врачей повсеместно не хватало, эти знания могли пригодиться. Сначала я занимался транспортировкой раненых, потом работал в госпиталях.

Всю войну я провел на Ленинградском фронте и в самом Ленинграде. Видел множество бойцов, имев-

ших пулевые ранения, или обмороженных. Как-то раз меня самого покинули силы, и я не мог выбраться из окопа, откуда должен был выносить раненых. С большим трудом я стянул валенки и увидел, что обе ноги у меня сильно опухли — это были отеки от голода.

Врачи поддерживали меня сосновым напитком, содержащим в большом количестве витамин С. Этот напиток они изготавливали сами, по собственной рецептуре. Ели мы и сосновую кору — столь скудным было наше питание. Но молодость взяла свое, и ноги мои пришли в норму.

В начале 1942 года я получил извещение о том, что недалеко от Ростова погиб мой младший брат. Он был еще совсем мальчишкой, студентом-первокурсником. До сих пор вижу его, каким он был в день нашего расставания: я уезжал на фронт, а он оставался на перроне и долго махал рукой мне вслед. Вопреки здравому смыслу я до сих пор не верю, что он мертв. Просто считаю, что судьба меня с ним разлучила.

Образ моего брата, а также не вернувшихся с фронта друзей я воплотил в скульптурной группе памятника на площади Победы.

Помнятся мне разные блокадные эпизоды. Немцы бомбили продовольственные склады города. Небо было черно, как ночь. Над городом висел густой, жирный дым. Гарь не рассеивалась в течение многих дней. Этот пожар означал для Ленинграда начало голода. Люди спрашивали друг друга, как жить...

Однажды на рассвете меня с поручением послали в Ленинград. Утро стояло туманное и очень тихое. Было морозно. В окне старого деревянного дома, полуразрушенного пожаром, я увидел старушку. Я миновал ее, но что-то в ней показалось мне необычным. Я вернулся. И только тогда понял, что у окна сидела не старая женщина, а девочка лет восьми-девяти. Ее серое личико было покрыто морщинами и высушено голодом. Забыть его невозможно.

Или вот такой случай: немцы залегли по одну сторону капустного поля, мы — по другую. Ночью, несмотря на опасность, наши солдаты натаскали с поля капусты. Они рисковали жизнью, зато на дру-

гой день бойцы имели вдоволь свежих щей. А бывало, что мы ели ремни, поджаренные в небольшом количестве жира. Спасаясь от голода, ели даже клей.

После прорыва блокады меня определили в 42-й армейский корпус, и в нем я сражался до конца войны.

В Западной Европе, где мне приходилось не раз бывать в послевоенные годы, меня нередко спрашивали, почему мы, советские люди, так настойчиво напоминаем о второй мировой войне. Мне кажется, я могу дать исчерпывающий, хотя и краткий ответ на этот вопрос: мы потеряли в этой войне 20 миллионов человек.

ГЕОРГИЙ КУЛАГИН:

Город без птиц

Рассказывает Георгий Кулагин:

— В Ленинграде я живу с 1937 года. Когда началась война, я был главным механиком на Ленинградском металлическом заводе. Это было крупное предприятие по производству турбин (10 тысяч работающих). Во время блокады я оставался в Ленинграде и регулярно вел дневник. Несколько лет назад он был опубликован.

Наш завод имел собственную электросеть с двумя небольшими турбинами. От них зависело производство. Мы нуждались в топливе. Запасы угля растаяли. Тогда мы принялись за дерево, за изоляционные материалы — топили чем придется. Но заставлять турбины вращаться становилось все труднее. И тем не менее в течение всей блокады нам удавалось поддерживать работу хотя бы одной турбины. Наш завод, единственный из всех, ни на день не оставался без электричества. Оно давало немного света, немного тепла, горячую воду и, главное, энергию, приводившую в движение станки. Чего только мы ни производили: штыки, ружья, гранаты; ремонтировали бронетранспортеры...

Наш завод был одним из немногих, не подлежащих эвакуации и действовавших всю блокаду. У нас трудились высококвалифицированные рабочие, освобожденные от военной службы; немало было женщин.

Каждый день немцы совершали артиллерийские обстрелы и бомбардировки. Осенью сорок первого их число доходило до 10 — 12 в сутки. Они не прекращались все 900 дней блокады. В первое время мы болезненно воспринимали стрельбу, но потом перестали ее слышать. Она превратилась в шумовой фон. А когда все замолкало, тишина казалась даже странной.

Ни разу во время обстрелов мы не оставляли работы.

Под нашим заводом было несколько убежищ; туда мы во время бомбежек отводили детей, чьи матери работали и жили на заводе. Я не оговорился, именно жили, ибо транспорт перестал действовать, в домах не стало света и отопления. Жить на заводе было легче.

Мы во всем помогали друг другу, делились последним куском. Когда продовольствия не осталось, мы стали варить суп из кожаных ремней, снятых с вышедших из строя станков. Мы съели также всех собак из Павловского научно-исследовательского института. Но накормить восемь тысяч работающих ежедневно было невероятно трудно. Рабочий паек состоял из 250 граммов хлеба. Неработающие получали в Ленинграде 125 граммов хлеба в день. В этом хлебе содержалось только 20 процентов зерна.

Голод косил людей. Место взрослых у станков часто занимали подростки.

Я думаю, что немцам не удалось взять Ленинград по двум причинам. Первая — всеобщая ненависть к фашистам и глубокая солидарность всех защитников Ленинграда.

Вторая причина — большая организаторская и пропагандистская деятельность Коммунистической партии. Наша партийная организация ни на минуту не прекращала своей деятельности, постоянно вела разъяснительную работу среди коммунистов и беспартийных, поднимала наш боевой дух. Ежедневно выходила "Ленинградская правда". Некоторое время — пока была бумага — мы выпускали и свою заводскую газету. Кроме того, существовало радио. В каждом цехе висел громкоговоритель, не только для передачи новостей, но и для объявления воздушной

тревоги. Официально на заводе был введен 10-часовой рабочий день. Но мы добровольно значительно удлинляли его. Работали в две смены. Отдыхали лишь в воскресенье.

Весной стало чуть легче. Привезли тонны земли для разбивки огородов под овощи. Грядки появились повсюду: на территории завода, в городе. Использовали каждый клочок земли. Я сам выращивал капусту и картошку. И никогда картошка не казалась мне такой вкусной, как в те блокадные дни.

Один из моих друзей, преподаватель биологии в высшем учебном заведении, стал специалистом по ловле птиц. Он установил на крышах огромные сети и ловил несметное число воробьев, скворцов и даже ворон и грачей. Воробьи были восхитительны, скворцы еще вкуснее, просто деликатес. Разумеется, мысль ловить птиц пришла в голову не только моему другу.

Все это было в 1941 году, в 1942-м в Ленинграде птиц не осталось.

Через много лет после войны наш завод посетила делегация металлургического предприятия из Карл-Маркс-Штадта. Один из членов делегации отлично ориентировался на заводской территории. Я сказал ему в шутку: "Вы тут прямо как дома!" На что он ответил: "Совершенно верно заметили: я три года работал здесь, будучи военнопленным".

Из дневника Георгия Кулагина

Март 1942 года

Мы шли по строительному участку втроем: директор завода, секретарь парткома и я. Пробирались через сугробы от барака к барaku, закрывали настежь распахнутые двери. Молча, как в зачарованное царство, входили в пустые конторы и мастерские, перешагивали через беспорядочные кипы чертежей и документов, через сваленные друг на друга ящики, обходили перевернутые стулья...

По колено проваливаясь в снег и прищуривая глаза от ослепительного солнца, мы подошли к маленькому дощатому сараю. Вошли. После яркого света глаза с трудом привыкали к полумраку. На полу, в куче, — изоляторы, мотки проволоки, сломанные

резисторы, рубильники... все обледеневшее. На низкой скамье у задней стены, посреди всего этого мусора и хлама, лежал на спине полуодетый человек. Казалось, что он прилег отдохнуть: ноги полусогнуты, руки свисают со скамейки вниз. Солнечный луч, пробившийся сквозь щель в стене сарая, осветил его мертвое лицо, светлое пятно на синем пиджаке, потом скользнул по высохшей руке.

12 мая 1942 года

С горечью я обнаружил, что забыл имена некоторых умерших. Их было так много. Иногда начинаешь думать о знакомых так, словно видел их во сне: жили они в самом деле или нет?

Мать Павла Семеновича говорит, что начался "мор на женщин". В субботу она была в больнице: в одном лишь районе за один лишь день зарегистрировано 300 смертей среди женщин и только шесть — среди мужчин. А ведь женщины держались дольше.

Мужчины от 30 до 40 лет умирали первыми. Я до сих пор не понимаю, почему голод поражал лишь людей этого цветущего возраста. Молодежь сдалась значительно позже. Еще позже пришла смерть к пожилым...

Один врач рассказал мне, что у мужчин смерть от истощения наступала через четыре-пять, а у женщин — через шесть-семь месяцев. Он объяснил это особенностями женского организма, в котором заложен большой запас энергии, необходимый в период беременности и кормления. Голодная смерть поражала прежде всего мужчин, выполнявших тяжелую физическую работу, самых сильных и здоровых. В декабре, когда большинство из них чувствовали себя еще довольно хорошо, их смерть казалась неожиданной и странной. Умирали плотники, каменщики, землекопы, слесари-сборщики — в первую очередь те, кто особенно много и напряженно трудился. На 16-м участке умерло много сборщиков броневиков, работавших с августа день и ночь без отдыха...

Май 1942 года

Многие голодающие выглядят ужасно: кажется, что их высушили. Можно подумать, что они умерли очень давно, сотни лет пролежали в раскаленном

песке и вот неожиданно воскресли из мертвых. У всех истощенных голодом людей крайне напряженное выражение лица, словно они уже долго ждут чего-то, что известно только им одним...

МИХАИЛ ДУДИН:

Своих лучших друзей я приобрел в блокаду

Поэт Михаил Дудин широко известен в Советском Союзе. Это его стихи наряду со стихами Ольги Берггольц высечены на памятниках погибшим ленинградцам. И не случайно.

— Меня призвали в армию в 1939 году, — вспоминает Михаил Дудин. — Я был тогда холост. Мать моя умерла, отец жил в городе Иванове. Но вообще-то я из крестьян.

С первого до последнего дня войны я находился в районе Ленинграда. До декабря 1942 года служил рядовым артиллерийским разведчиком на полуострове Ханко, где сконцентрировались 30 советских дивизий, закрывавших немцам подступ к Финскому заливу. Потом стал корреспондентом газеты "Красный Гангут", а позже — газеты "На страже Родины", которая распространялась по всему Ленинградскому фронту: пропаганда имела большое значение для поддержания духа бойцов. Тираж нашей газеты составлял полтора миллиона экземпляров. Ее ждали и бойцы, и рабочие. И вот что интересно: чем хуже становилось положение в Ленинграде, тем большее мужество проявляли ленинградцы. Ведь Ленинград — город революции, и дух борьбы, дух сопротивления был жив в его людях.

Я писал для газет сообщения о текущих событиях, короткие рассказы, фельетоны, стихи. В годы войны поэзия была нужна людям не меньше, чем в любое другое время. На последней странице был уголок сатиры и юмора. Вместе с художниками вел и его.

Мой первый сборник стихов под названием "Фляга" вышел в блокадном Ленинграде. Стихотворения

этой книги, лирические и суровые, отражали фронтовую жизнь без прикрас. Я много писал в тот период. Во время блокады вышли восемь моих сборников.

Читал тоже немало. Но особое место в моем чтении занимал сборник "Русская поэзия". Я выменял его на три пайка хлеба. Это был толстый том в 600 страниц, и я читал по одной странице каждый день.

Недавно я побывал на полярных станциях СП-22 и СП-23. Там бок о бок трудятся 20 человек. Условия, в которых они живут, не назовешь легкими, но как они привязаны друг к другу, как сплочены! Так и у нас было в военные годы: мы были связаны тесной дружбой, стояли друг за друга горой и бесконечно друг другу помогали.

Редакция газеты находилась на Невском проспекте в доме номер два. В этом же доме жили и сотрудники: я, литработник Борис Флинт, художник Борис Леонов.

Однажды к нам в гости пришли девушки, медсестры. Одна из них (ее звали Лена) увидела на моем письменном столе сборник "Русская поэзия" и тут же начала его читать. Как и я, она не могла оторваться от этой удивительной книги весь вечер. Книга была мне очень дорога, и мне не хотелось с ней расставаться ни на день. И все-таки Лена выпросила у меня ее почитать: "Совсем ненадолго". Через два дня девушка явилась с повинной: ее дом разбомбили, мой сборник пропал. Я был огорчен до крайности и в сердцах наговорил лишнего: "Если хочешь себе что-то присвоить, проще всего придумать, что разбомбили дом". Лена заплакала от обиды — я был к ней несправедлив. Так и ушла в слезах.

После войны, когда Ленинград начали восстанавливать, дом, где жила Лена, разобрали.

В развалинах, в шкафу, нашли ту самую книгу. Установили, кто жил в этом доме, и сборник вернулся к Лене. Но я узнал об этом гораздо позже.

Как-то я опубликовал в "Правде" рассказ об утерянном сборнике и предложил переиздать его. Газета попала к Лене. Она прочитала статью и написала мне письмо. Рассказывала о том, как сложилась у нее жизнь после войны (она вышла замуж за офицера, за многие годы объездила с ним всю стра-

ну), как вернулась к ней книга "Русская поэзия". Она прислала ее мне. Книга хранит следы бомбежки, около 40 страниц пострадали. Сборник, писала Лена, прочитали многие люди, в том числе ее дети и студенты вузов, где она преподавала. Мне стало не по себе. Велика была моя вина перед Леной...

В годы войны люди влюблялись так же часто, как в мирное время, даже, пожалуй, чаще. Любовь на краю жизни была нужна людям, как хлеб. Я сам влюблялся, и неоднократно.

С моей будущей женой я познакомился в Москве в 1939 году. Она работала на Московском радио. В 1942-м она вырвалась по служебным делам в Ленинград и заодно навестила меня. Нас связывало настоящее чувство.

Когда должен был печататься мой сборник, в типографии отключили электричество. Рабочие ушли, остались только трое: я, директор и старый печатник. Старый печатник приготовил набор, вставил его в печатную машину, и мы вручную начали печатать страницу за страницей. Так было отпечатано 30 экземпляров сборника. Сшивали мы их тоже сами, и через неделю сборники были полностью готовы. Когда через два с половиной месяца типографию снова стали снабжать электричеством, отпечатали большой тираж (25 тысяч экземпляров). Стихи в то время покупались нарасхват.

Друзей, приобретенных в блокаду, я сохранил до сих пор. Мы вместе пережили голод, горе и боль, и, наверное, поэтому нас связывают особенно теплые отношения. Это сильные и честные люди. Такими они показали себя в войну, когда грань между добром и злом, белым и черным, жизнью и смертью была очень четкой. Такими же бескомпромиссными они остались и после войны.

Если бы вы знали, как часто я вспоминал в блокаду свою прошлую деревенскую жизнь, как мечтал о ней! Вот здорово-то слушать тишину, думал я. Ни грохота пушек, ни глухих ударов рвущихся бомб, ни треска пулеметов. Мне, как военному, приходилось бывать на передовой. Я привык к этим звукам, но не замечать их так и не научился. Слушал

и вычислял автоматически: если граната свистит, значит, пролетает высоко, если шипит — значит, рядом и можно ожидать неприятностей. Надо не раздумывая бежать в укрытие.

На передовой бойцы спали где придется, стоя, в полном снаряжении: в форме, каске, с автоматом в руке. Фронтальная жизнь — это невероятное напряжение нервов, это состояние души, которое не поддается описанию. Поэтому после недели пребывания на передовой солдаты должны были отправляться на отдых в прифронтную полосу. Никакие их протесты и возражения не принимались, иначе человеку не под силу было выдержать этот ад.

В годы войны с гитлеровцами я видел вещи, от которых волосы вставали дыбом: беременную женщину со штыком в животе, целые ряды повешенных, среди которых были и дети, сожженные дотла деревни...

Я ни тогда, ни сейчас не могу понять, что толкает людей на такое... Недавно я был в ГДР, в Веймаре, посетил дома Шиллера и Гете. А на следующий день побывал в концентрационном лагере Бухенвальд, находящемся всего лишь в трех километрах от этих музеев. Как могли ужиться гениальность и злодейство в одном народе? Вот вопрос, на который я до сих пор не нахожу ответа.

АНАТОЛИЙ КАПЛАН:

Приготовьте себе прощальный ужин...

Художник Анатолий Каплан родился в 1902 году в белорусском городке, где было много еврейского населения. С 1921 года он живет в Ленинграде. Но в своем творчестве не раз возвращался в мир детства и юности.

Он прослушал курс в Академии художеств, в 1937 году был назначен руководителем еврейского отдела Этнографического музея. В Советском Союзе Каплана знают хорошо. Его работы приобретены Третьяковской галереей в Москве. Известен он также за границей: его выставки состоялись в Лондоне и

Париже, Нью-Йорке и Тель-Авиве, Гамбурге и Дрездене.

Весь дом Каплана увешан литографиями и уставлен керамикой. Это плоды его долгой творческой деятельности.

— Часть блокады я провел в Ленинграде, — сказал Анатолий Каплан. — Многое из пережитого мною я попытался воплотить в альбоме "Ленинград" из 55 литографий. Работая над ними, я заново переживал все виденное. Я не выношу насилия и страданий. С болью наблюдал я, как в результате бомбежек и голода терял свое лицо Ленинград. После окончания блокады я старался запечатлеть восстановление города, дух созидания, царивший на его улицах и площадях. В те годы я с семьей (женой и дочерью) жил рядом с Фонтанкой, на улице Чайковского, и зарисовал весь этот район, улицу за улицей.

Перед началом войны я задумал создать большую серию гравюр о жизни евреев при царизме. Началась война, и замысел остался неосуществленным, я был занят совсем другим делом: вместе с группой художников из 12 человек участвовал в эвакуации Русского музея.

Работа не прекращалась ни днем, ни ночью: мы должны были подготовить экспонаты к эвакуации и в очень короткий срок доставить их в тыл в целости и сохранности. Потом я помогал рыть защитные валы вокруг города.

Перед праздником 7 Ноября немцы сбрасывали с самолетов листовки. Написаны они были по-русски. Содержание их поражало своей наглостью. Я сохранил одну и зачитаю ее вам: "Жителям Петербурга (немцы отказывались называть город Ленинградом). Примите теплую ванну. Наденьте в честь 7 Ноября свой лучший костюм или самое красивое платье. Приготовьте себе прощальный ужин и насладитесь им. Потом ложитесь в гробы и готовьтесь к приближающемуся концу. 7 ноября небо будет синим. Синим от наших бомб".

Это не были пустые обещания. Никогда бомбежки и обстрелы не были столь продолжительными и силь-

ными. Почти весь праздник Октября мы с женой и дочерью просидели в убежище. Он был особенно печальным, этот день, — 7 ноября 1941 года.

Вскоре я по поручению дирекции Русского музея отправился в тыл вслед за музейными сокровищами. Надо было позаботиться об их сохранности. В конце ноября я и моя семья по "Дороге жизни" ехали на грузовике под брезентовым тентом через Ладожское озеро. Ехали налегке. Все вещи пришлось оставить дома. Машины обстреливали. Но шоферы творили чудеса! Они лавировали под обстрелом, то замедляя, то ускоряя движение.

Дальше мы ехали поездом до места назначения, города Перми, добирались две недели. Из-за бомбежек поезд часами стоял на месте. В Перми я узнал, что в начале 1942 года немцы заняли городок, в котором жили мои родители. Они убили их, как убили и всех других евреев городка. Тогда я по памяти начал рисовать портреты моих родных. Я работал дни напролет, отдавая все силы, вкладывая душу. Так мне хоть в какой-то степени удавалось заглушить горе.

Я вернулся в Ленинград в феврале 1944 года, после прорыва блокады. Город изменился до неузнаваемости. Все вокруг было пропитано дымом пожаров, который рассеялся лишь весной. Люди, пережившие блокаду, очень состарились. Дети уже не были детьми.

Многие из моих друзей и знакомых всю блокаду оставались в Ленинграде. Когда мы собрались вместе, любого пустяка было достаточно, чтобы снова завести разговор о том времени... Война не отпускала нас. Маленькая радость посреди множества несчастий — наш дом уцелел...

Литографией я, к сожалению, больше не занимаюсь: сильно ухудшилось зрение. Мне сделали операцию на оба глаза и спасли от слепоты, но выполнять тонкую графическую работу я все-таки уже не в состоянии. Поэтому с недавнего времени работаю как скульптор. Моя последняя работа — 38 скульптурных портретов, представляющих персонажей гоголевских "Мертвых душ" и "Ревизора". Все они отлиты в брон-

зе и закуплены Русским музеем. Сейчас я получил предложение одного из московских издательств заново проиллюстрировать произведения Шолом Алейхе-ма. Так хочется работать — только бы глаза не подвели!

ВАСИЛИЙ СЕРДЮК:

Свинец в мандаринах

Рано утром мы с Василием Сердюком и Ольгой Писаренко выехали из Ленинграда по направлению к Ладожскому озеру.

Сердюк во время войны был шофером, Писаренко — медсестрой. Мы долго ехали по пустому в это время дня шоссе, вдоль которого располагается так называемая "зеленая зона". В этой лесной полосе, посаженной после войны вокруг города, много памятников. Каждый из них посвящен тому или иному эпизоду войны. И вот мы у Ладожского озера. На его берегу Василий и Ольга вспоминают события, разыгравшиеся здесь четыре с лишним десятилетия назад.

В ноябре 1941 года положение в Ленинграде становилось все тяжелее: пайки с каждым днем уменьшались. Жители получали в это время лишь по 125 граммов хлеба в день. По Ленинградскому радио передали следующее сообщение:

"Военная комендатура города не хочет скрывать правду от населения. В связи с временной потерей города Тихвина не приходится надеяться на улучшение в ближайшее время продовольственного снабжения. Генерал Мерецков и его герои-красноармейцы сражаются за свою и нашу жизнь. Их героизм, несомненно, не пропадет даром, и Тихвин снова вернется к нам. Городской Совет решил, что необходимо проложить дорогу по льду Ладожского озера, она протянется к востоку на 300 километров. Лишь это позволит снабжать город продовольствием. Освоение дороги начнется, как только ледяной покров озера сможет выдержать необходимый груз".

Никто не знал, насколько реально проложить до-

рогу через Ладожское озеро, длина которого достигает 200 километров, а ширина — 120. Однако на 83-й день блокады дорога была открыта — военная автотрасса № 101. Запрягли тощих лошадей, и первый караван потянулся по льду. Приходилось спешить: продовольствия в Ленинграде осталось на несколько недель — людям грозила голодная смерть. Но лед был еще слишком тонок, чтобы выдержать грузовики. Лошади же были слишком слабы, чтобы тащить тяжелые грузы. Состояние льда проверяли ежечасно. К счастью, он замерзал быстро, и с середины ноября 1941 года по замерзшему озеру пошли первые машины. С тех пор в Ленинград днем и ночью, под непрекращающимся огнем немцев, следовали грузовики с продовольствием и боеприпасами. Из Ленинграда они увозили детей и больных. Так было до тех пор, пока не пришла весна...

Первый памятник, увиденный нами на пути к Ладожскому озеру, посвящен погибшим детям. Он находится возле железнодорожной станции Ржевка в березовой роще, посаженной ленинградцами. 900 берез зеленеют здесь каждую весну...

У озера нам показали маленькую деревеньку Кокорево. Оттуда до Кобоны, первой остановки, совершался переезд в 32 километра. Грузовики, проходившие по этому маршруту, — теперь экспонаты размещившегося здесь маленького музея, рассказывающего о "Дороге жизни".

— Когда началась война, я был красноармейцем, — рассказывал Василий Сердюк. — Служил шофером в транспортных войсках. Наш батальон располагался неподалеку от Смольного. 22 июня 1941 года у меня был выходной, и я с друзьями отправился за город: стояла прекрасная летняя погода. Мы гуляли в парке, когда в 11 часов утра по громкоговорителю Молотов объявил о вероломном нападении немецко-фашистских войск на нашу страну.

Война!

Мы немедленно вернулись в Ленинград. В тот же день нам был дан приказ перевезти оружие на Вол-

ховский фронт. По дороге мы увидели высоко в небе немецкие самолеты.

В первые недели войны наш батальон занимался снабжением пехоты и флота. Во время одной из поездок немецкие самолеты обстреляли колонну наших машин. Как только они появились в небе, колонна остановилась. Но самолеты пролетели высоко над нами — казалось, пилоты нас не заметили. Мы немедленно тронулись дальше. Один из самолетов тут же вынырнул из облаков и начал нас обстреливать. Я лег под машину, ничком на землю. Самолет пронесся очень низко. Когда он улетел, мы увидели, что убит один из наших солдат — Василенко, мой друг, всеобщий любимец, запевала.

Это первое столкновение с немцами, первая смерть пробудили в нас незнакомое ранее чувство ожесточения. Мы торжественно похоронили нашего товарища и поклялись за него отомстить.

Вскоре нам поручили доставку оружия на передовые. Неделями мы взбирались на Пулковские высоты. А через некоторое время всех шоферов направили на "Дорогу жизни".

Затем наш батальон был откомандирован непосредственно в город; мы видели, что происходило с людьми. Часами стояли они в очередях, чтобы получить малюсенький паек... они ослабели настолько, что падали на улицах. Положение было невыносимым. Мы, водители 432-го батальона, дали тогда клятву сделать все возможное, чтобы доставить в Ленинград зерно.

Я приступил к работе на "Дороге жизни" 23 ноября 1941 года. Первое время я чувствовал себя в кабине особенно неуютно. Лед качался под колесами, машина ехала, будто по волнам. К тому же подо льдом была видна вода. Левую дверцу кабины приходилось постоянно держать открытой, чтобы успеть выскочить, если лед треснет. Кроме того, все дороги через озеро постоянно подвергались обстрелу и бомбардировке с немецких самолетов.

Мне до сих пор часто снятся эти дни, и особенно толпы полузамерзших людей, которые в ожидании транспорта топчутся на месте, чтобы хоть немного со-

греться. Мы усаживали детей в машины и укрывали их брезентом; переправляли на Большую землю.

Вскоре я получил более тяжелый грузовик с прицепом. Теперь я мог перевозить за один раз девять тонн: пять в кузове машины и четыре на двухосном прицепе. Езда на такой тяжелой машине требовала высочайшего мастерства и орлиного зрения, чтобы не угодить в полыню. Но самым мучительным были артиллерийские обстрелы и бомбежки... Помню, как однажды ехал со своим товарищем Вармоловым. Мы с ним уже раз пять прошли маршрут на новых грузовиках. Внезапно начался артиллерийский обстрел.

Вармолов увеличил скорость, а я поехал медленнее. Расчет был такой: если уж заденет, то хотя бы не сразу обе машины. И вдруг я увидел впереди, метрах в 100, фонтан воды и льда — машина Вармолова исчезла в глубине. Я остановился, выскочил из кабины и под непрерывающимся обстрелом добежал до того места, где ушла под воду машина Вармолова. Глубина там была не меньше 40 метров. Я ничего не увидел и подумал даже на мгновение, что ошибся, что Вармолов вовсе не ехал передо мной, что я был один, что все это мне привиделось. Я объехал образовавшуюся полыню, благополучно добрался до Ленинграда. Доложил о случившемся, сам не веря в то, что произошло.

У нас были особые листы, куда записывались заслуги шоферов. Выпускались даже специальные номера стенгазет, посвященные нашим достижениям. Для работавших на "Дороге жизни" издавали газету "Фронтной дорожкой". Она выходила ежедневно, и в каждом номере давался подробный обзор нашей текущей работы... Однако, несмотря на все старания, нам не удалось в первые недели хоть сколько-нибудь значительно восполнить запас продовольствия в Ленинграде.

Мы периодически проводили собрания, на которых обсуждали сложившуюся обстановку. Однажды мы собрались поздним вечером в помещении, где горели две коптилки — маленькие самодельные керосиновые лампы без стеклянного колпака. В городе не было, или почти не было, электричества. Сумрачный свет коптилок как бы подчеркивал серьезность ситуации. Первым выступил командир нашей роты. "Сейчас основная

задача, — сказал он, — совершать рейсы без аварий и перевозить в сутки 65 тысяч тонн грузов...” Его слова прервал громкий голос по радио: “Внимание! Район находится под артиллерийским обстрелом!”

Мы услышали короткие, глухие удары взрывов. Годы войны так и сохранились в моей памяти — как непрекращающиеся обстрелы и бомбардировки.

Конечно, это было страшное время, но и время мужества, смелости. Мы практически не выходили из машин, даже спали в них. В коротких перерывах между поездками мы ремонтировали машины, заменяли детали, утепляли по возможности мотор. А потом — снова на лед.

Я по сей день с содроганием вспоминаю о том, что нашими проводниками на ледовой дороге были девушки. Они стояли по одной, на расстоянии 350 метров друг от друга, иногда по щиколотку в воде, — отличные мишени для немцев. Они указывали шоферам на опасные выбоины во льду, оставленные немецкими бомбами. И своей жизнью мы прежде всего обязаны этим девушкам.

На льду были построены пункты оказания медицинской помощи, транспортные посты и ремонтные мастерские. В короткий срок к обслуживанию “Дороги жизни” было привлечено около 20 тысяч человек. Через два месяца связь между городом и Большой землей полностью наладилась, и настал, наконец, день, когда можно было увеличить пайки ленинградцам. Помню, как при въезде в Ленинград вдоль дороги стояли люди с плакатами, на которых было написано: “Родина и Ленинград никогда не забудут ваш труд!”

Мне трудно припомнить, сколько поездок по льду я совершил, их было так много. Все они были вроде бы похожи одна на другую. И все же не существовало двух одинаковых поездок: то вдруг немцы начинали бомбить особенно сильно, то лед “плыл” под колесами.

Запомнилась мне поездка, которую мы совершили вечером в канун Нового, 1942 года; надо было доставить на западный берег Ладожского озера необычный груз — мандарины. Настоящие, сочные мандарины.

Это был новогодний подарок детям Ленинграда от трудящихся Грузии. Мы отлично представляли себе, как обрадуются дети этому подарку, и вышли на трассу с одной мечтой: сдать весь груз в срок и неповрежденным.

Колонна проехала без остановок километров 20, и даже подумалось, что прибудем на западный берег раньше назначенного срока, как тут же появились немецкие самолеты. Хотя каждый из нас пережил уже не одну бомбардировку, эта оказалась особенной. Немцы будто поставили перед собой цель — любой ценой разделаться с нашей колонной. Немецкие самолеты налетали раз за разом, обстреливая наши грузовики из пулеметов.

Несколько грузовиков были повреждены. Мы на ходу чинили машины, помогая друг другу. Те же, что требовали серьезного ремонта, покидали колонну. И все-таки мы, хотя и с некоторым опозданием, сдали новогодний груз. Детям раздавали подарки тут же, и один ребенок сразу обнаружил в мандарине бесформенные, сплюснутые кусочки свинца. Такие кусочки застревали в бортах грузовиков и в досках, из которых были сбиты ящики. Свинец немецких пуль часто находили и в мешках с мукой, и в ящиках с маслом — словом, во всех грузах, перевезенных через Ладожское озеро.

А вот что случилось со мной во время одной из поездок в январе 1941 года. В третий раз за этот день я вышел на трассу. Погода, уже с утра неблагоприятная, окончательно испортилась. Поднялся сильный буран. В двух шагах ничего не было видно. Я с трудом держал скорость 13 километров в час. Вдруг моя машина забуксовала и через пару минут была буквально погребена под снегом. Мотор заглох.

В кузове — 20 мешков муки, дневной паек 10 тысяч ленинградцев. Только бы не потерять драгоценный провиант, думал я. Но все мои попытки выбраться из снежного завала ни к чему не привели.

Этот вынужденный плен длился почти три дня. К счастью, друзья нашли меня. Трактором оттащили грузовик и доставили муку в Ленинград. Я еле дер-

жался на ногах — не спал все это время, чтобы не замерзнуть. С большим трудом мне удалось уговорить врача не отправлять меня в госпиталь. Командир роты предложил мне как следует отоспаться в его землянке, что я и сделал. Придя в себя, я снова включился в работу.

Недели через две-три нам поручили эвакуировать учащихся ремесленного училища. Дети были очень слабые, и мы серьезно опасались за их жизнь. Мороз на Ладожском озере был такой жестокий, что и здоровый человек чувствовал себя не лучшим образом. Во время этой поездки мы, как назло, попали под сильный артиллерийский обстрел.

Ехавший впереди грузовик угодил в воронку от бомбы, и все 16 пассажиров очутились в воде. Чудом нам удалось вытащить из ледяной воды всех ребят. Я взял их в свою машину, а самого маленького устроил у себя между ногами. Постарался доставить их на эвакуационный пункт как можно скорее. Через некоторое время я получил письма от каждого из 16 спасенных мальчишек. Позже наша переписка, к сожалению, оборвалась. Но я часто думаю о них. Интересно, где они сейчас, кем стали?

Я часто выступаю перед молодежью с рассказами о войне. Думаю, что это помогает воспитать в ней прекрасные чувства — любовь к Родине, гордость за нее.

ОЛЬГА ПИСАРЕНКО-МЕЛЬНИКОВА:

Самые горестные воспоминания у меня связаны со встречами с ленинградскими детьми

По дороге на Ладожское озеро мы беседовали с Ольгой Писаренко-Мельниковой. Пока действовала "Дорога жизни", она постоянно находилась на льду озера с госпитальной палаткой. Ольга Писаренко-Мельникова — единственный человек, награжденный орденом Красного Знамени за работу на Ладожском озере, и третья женщина-ленинградка, удостоенная этой высокой награды.

— В Ленинграде я живу с 1931 года, — рассказала Ольга Писаренко. — С первых дней войны и до октября 1941 года я работала медсестрой в 395-м военном госпитале. Потом меня направили в 64-й медицинский батальон, который действовал на правом берегу Невы. Мой муж был командиром; он погиб в начале войны, когда немцы заняли Харьков. Дочка в это время находилась у моей матери в Таганроге.

В госпитальной палатке я оказывала первую помощь раненым и обмороженным, прежде всего бойцам, а затем отправляла их в тыловой госпиталь.

Для меня и моих коллег работа на "Дороге жизни" началась с безнадежных попыток установить на льду брезентовую палатку, в которой мы должны были жить и работать. Все усилия были тщетны: палатка заваливалась то на один, то на другой бок. Тогда кто-то посоветовал нам дать краю палатки как следует вмерзнуть в лед, а уж потом натягивать ее. Так мы и сделали. С берега принесли сосновые ветки и выстелили ими пол. Чтобы лед не подтаивал под горячей печкой, под нее уложили толстым слоем кирпичи.

Под вражеским огнем мы отыскивали разбитые машины, помогали шоферам, сбившимся с пути людям. Нередко накладывали повязки прямо на месте и на носилках тащили раненого в палатку.

Один из таких поисковых рейдов хорошо сохранился в моей памяти. Мы искали моряков, возвращавшихся с боевого задания и попавших в буран. Они должны были находиться где-то неподалеку. Но где? Стояла такая темень, что на расстоянии протянутой руки ничего не было видно.

Нас то и дело буквально сдувало сильнейшими порывами ветра, мы все время натыкались на нагромождения льда. Так мы часами кружили по Ладожскому озеру. Измучились до того, что едва передвигались. Тогда мы привязались друг к другу веревками, чтобы по крайней мере не потеряться. Хотелось только одного — спать, но это было равносильно смерти. И вдруг, когда наши силы были уже совсем на исходе, мы различили вдали силуэты.

Куда только исчезли желание спать и усталость!

Меня это удивляет до сих пор, эти неожиданные резервы человеческого организма. Обнаруженная нами группа состояла из моряков, среди них были раненые и обмороженные. Добравшись с ними до палатки, мы всю ночь провели в заботах об этих ребятах.

Круглые сутки в нашей палатке топились печка, и на ней в котелке постоянно кипела вода. К нам заходили до костей продрогшие шоферы, девушки — регулировщицы движения, другие работники "Дороги жизни". Мы поили их горячим чаем.

На пути в тыл и обратно наша палатка была чем-то вроде перевалочного пункта. Часто возле нее оставались ненадолго грузовики с эвакуированными: у нас можно было отдохнуть.

Самые горестные воспоминания военных лет, да и всей моей жизни, связаны со встречами с ленинградскими детьми. У нас в палатке они немного приходили в себя, прежде чем двигаться дальше. Дети промерзали насквозь: часами они сидели в открытых грузовиках. Лица у них были бледные до синевы, исхудалые и морщинистые.

Особое впечатление производили их глаза: неподвижные, пустые. Дети совершенно не разговаривали, не произносили ни единого слова. Все они были в состоянии дистрофии. Находились люди, которые спрашивали: "Господи, да зачем же эвакуировать этих полумертвых детей? Им уж и жизни-то совсем не осталось".

Но мы давали им по маленькому кусочку хлеба и глотку горячего чая, согревали этих сморщенных, тихих детей — и их взгляд снова оживал. Глядя на них, я ни разу не смогла удержаться от слез. Не только женщины смотрели на детей с болью. Мужчины тоже плакали. Через полчаса — если не было обстрела — детей снова сажали в грузовики и везли дальше. С противоположного берега озера отправлялись поезда, которые увозили их на Большую землю.

Как-то ночью, когда было относительно спокойно, мы переместили палатку на другой участок озера. Высвободили вмерзшие в лед края палатки, собрали кирпичи, на которых стояла печка, перетасили инвентарь. Это было необходимо, так как лед вокруг

палатки раскололся от бомбардировок и до нее стало трудно добираться.

На рассвете, только мы устроились, немцы начали бомбить наше прежнее место. Три бомбы попали как раз в темный квадрат, оставшийся на льду от нашей палатки...

Однажды над Ладожским озером сбили немецкий самолет. Самолет провалился под лед, но летчику удалось спастись. В этот день было очень туманно, и я не разглядела, что это был за самолет — наш или вражеский. Знала только, что пилот ранен и ему необходима помощь. И лишь подойдя совсем близко, обнаружила, что это немец. Он схватился за пистолет. Не раздумывая, я швырнула ему в лицо тяжелую сумку с медикаментами и материалами для оказания первой помощи. Он выронил оружие; в этот момент подошли наши бойцы и взяли немца.

”Кто это?” — спросил он, указывая на меня. Один из красноармейцев ответил по-немецки: ”Это русская женщина, медсестра”. Немец был крайне оскорблен: его обезоружила женщина. Я оказала ему медицинскую помощь — он был ранен в ногу, — и его отправили в тыл.

Я бывала так занята, что не успевала записывать имена раненых. Иногда спала лишь час за всю ночь; кроме меня, в палатке не было профессиональных медсестер; остальные (всего нас было 14 человек) прошли ускоренный курс обучения. Вспоминая обо всем этом, я до сих пор не могу понять, как вынесла такую жизнь.

А вспоминать приходится часто, я ведь работаю в Музее Ладожского озера. Порой мне снится война, снятся замерзшие дети, подруги и родственники, которых я потеряла во время войны. Погибли мои родные в Харькове, дочку и мать расстреляли в Таганроге за то, что мой муж был командиром Красной Армии. После войны я снова вышла замуж. Сейчас у меня два сына и дочь. Может быть, вам покажется, что я слишком спокойно говорю обо всем этом, но за время блокады я видела столько смертей, страдания и горя, что моя собственная трагедия кажется мне от этого менее значительной.

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ:
Мальчик у Невы

Всеволод Азаров родился в Одессе в семье врачей. До 1938 года работал редактором на радио. Писал также стихи (первый его сборник вышел в 1931 году); кроме того, он автор нескольких текстов к песням известного немецкого певца Эрнста Буша, книг "Голос моря", "Город моей юности" и других.

— Когда немцы напали на Советский Союз, я был с семьей на даче под Ленинградом, — рассказывал Всеволод Азаров. — У нас там было много цветов, и, возвращаясь в город, мы обычно срезали их, чтобы раздать соседям и родственникам. В тот летний день мы спешно покинули дачу, не взяв с собой цветов. Мы больше никогда туда не вернулись. Вполне сознательно: больно было бы увидеть пепелище на месте цветущего сада.

Очень скоро жену и дочь (ей тогда было всего несколько недель) эвакуировали на Урал, в Пермь.

Меня же мобилизовали, направили в Таллин и назначили военкором на Балтийский флот. Мне пришлось писать статьи и доклады, сочинять листовки, чего я раньше никогда не делал. Я — поэт, мне нужен "длинный разбег", полный покой. Теперь же я был вынужден писать быстро, кратко, точно и, главное, в боевом духе: воспевать мужество наших солдат, сатирическим пером бичевать врага. Я писал для одной из самых старых советских газет — "Красный Балтийский флот". В новой для себя сфере — агитационной и пропагандистской поэзии — старался следовать традициям Маяковского, "горлана-главаря", как он сам себя называл, создавать доходчивые тексты.

При штабе флота сформировался коллектив художников и писателей, чьей задачей было поднимать дух моряков. Мы часто приходили на корабли и подлодки, поддерживали непосредственную связь с матросами. Все происходившее на Балтийском флоте находило отражение в нашей газете: в кратких сообщениях, доступных рисунках, в отлитых в чеканный слог сти-

хотворениях. Мы писали также сатирические матросские и солдатские песенки.

Из Таллина меня перевели в Кронштадт, где мне было поручено основать новую газету. Все это время я писал также тексты для плакатов. Когда после войны в Таллине обнаружили архив гестапо, в нем нашли полное собрание наших плакатов и приказ: "Авторов этих плакатов в случае их взятия в плен расстрелять немедленно".

Никогда я не писал так много, как во время войны; стихов набралось на целый сборник, он вышел в 1942 году. Все издававшиеся тогда книги были небольшого формата, величиной с ладонь, они легко помещались в кармане.

К сожалению, у меня не осталось ни одного экземпляра сборника 1942 года. После войны пытался его добыть, но безуспешно. И вот недавно мне подарила его одна женщина, тоже бывшая фронтовичка. Она нашла книжку у убитого офицера и хранила ее многие годы как память о войне.

Единственным театром, работавшим в Ленинграде в течение всей блокады, был Театр оперетты. Как-то раз нам поручили написать для него оперетту. Честно говоря, у меня в этой области не было ни малейшего опыта, как, впрочем, и у моих коллег. Для начала мы сделались завсегдатаями театра. Десятки раз мы смотрели одни и те же спектакли. Так мы познакомились с жанром оперетты и узнали артистов.

Мы восхищались этими людьми. Немцы регулярно забрасывали театр зажигательными бомбами. И тогда князя, принцессы, лакеи и другие персонажи в опереточных костюмах бежали на крышу гасить огонь.

Театр не отапливался. Зрители сидели в зале в пальто. А на сцене балерины и певицы в легких платьицах создавали иллюзию солнечной сказки, веселого мира.

Мы приступили к работе, и через 17 дней оперетта была готова. 7 октября 1942 года состоялась премьера. Военно-воздушные силы получили задание позаботиться о том, чтобы в этот вечер немецкие самолеты не помешали представлению. И действительно, премьера прошла без единого сигнала тревоги. Оперетта

называлась "Раскинулось море широко", в ней шла речь об участии матросов в войне. Как мы и задумали, она получилась оптимистичной. Оперетта пользовалась большим успехом и до сих пор сохраняется в репертуаре Центрального театра Советской Армии.

Во время блокады в Ленинграде существовала специальная организация, занимавшаяся культурной работой. Она формировала выездные труппы, выступавшие и в Ленинграде, и на фронте; в них входили певцы, танцоры, декламаторы, музыканты...

В 1942 году вышел следующий сборник моих стихов — "Сердце Ленинграда". В одном из стихотворений речь шла о подводной лодке, в которую попала немецкая торпеда; лодка больше не поднялась на поверхность. В его основе лежит реальный факт. Всего за неделю до этого трагического события я побывал на этой подлодке в гостях у матросов и читал им свои стихи.

Мне запомнился один зимний день в Ленинграде. Зима 1941 года была самой холодной за все столетие, средняя температура декабря достигала 15, а января — 24 градусов ниже нуля. Земля была тверда как камень. Людей, умиравших на улицах, не хоронили. Их ооченелые тела лежали по всему городу.

Несмотря на все беды, у меня иногда возникала потребность побродить вдоль Невы. В тот день я прогуливался неподалеку от домика Петра Великого, там, где сейчас стоит крейсер "Аврора". Я увидел, что на снегу лежит мальчик в форме учащегося мореходного училища. Он был мертв. Я внимательно взгляделся в него: красив, с белым как мрамор лицом, спутанными ветром волосами. Казалось, он спит...

Я никогда не забуду эту картину. И сколько бы раз я ни оказывался на этом месте, я всегда представляю себе мальчика в форме взрослым человеком. У него была бы жена и дети. Он плавал бы на наших кораблях. Я строю всевозможные версии его жизни, и с годами мне начинает казаться, что я хорошо знаю этого мальчика с Невы.

Я необычайно люблю детей, и мне больно было видеть, как они чахли. В блокадном Ленинграде я не раз бывал в школах, читал стихи и сказки. Меня удив-

ляло, как внимательно относились дети к своим урокам. И это несмотря на то, что они сидели без света, без отопления, в пальто. Я организовывал также встречи школьников с матросами Балтийского флота. Матросы отдавали школьникам часть своего пайка, делились с ними горячей водой. Они оберегали детей как зеницу ока.

Война вошла в мою жизнь навсегда. Я много пишу о ней — и стихи, и прозу. Я считаю это своим долгом перед погибшими и перед теми, кто не смирился с утратой близких, кто до сих пор продолжает их искать, продолжает их ждать...

АВETИС АСАТУРЯН:

Женщины! Сколько у них было бессонных ночей!

— Я родом из Армении, — рассказывал Аветис Асатурян, — в Ленинграде изучал медицину. Я окончил Военно-медицинскую академию и собирался возвращаться в Армению, когда началась война. Она перечеркнула мои планы. С первого до последнего дня войны я служил полевым военврачом. Сначала меня послали в левобережный район Невы. В мои задачи входило снабжение медикаментами нашего плацдарма на другом берегу, в непосредственной близости от немецких войск, и организация транспортировки раненых. Зимой мы переправляли их на санях, летом — на небольших лодках.

Я часто думаю вот о чем: внезапно начинается война и меняет всю твою жизнь; неожиданно становишься фронтовым врачом, сталкиваешься лицом к лицу со смертью — а через неделю уже кажется, что никогда не жил иначе...

Транспортировка раненых с плацдарма на Неве была делом крайне сложным. Она всегда проходила под огнем артиллерии, но мы старались относиться к этому хладнокровно. Мы не чувствовали себя героями — просто знали: иначе мы не сделаем свое дело.

Позже я стал командиром медицинского отделения, которое действовало на правом берегу Невы. Там, прямо под Ленинградом, было сконцентрирова-

но несколько наших дивизий. Вместе мы составляли 67-ю армию. У нас было три главных врага: немцы, холод и голод. Мы регулярно обследовали солдат нашего фронта и тех, кто был сильно ослаблен, отзывали с передовой и переправляли в так называемые санатории. Там они проводили от недели до месяца, в зависимости от положения на фронте и состояния их здоровья. Солдаты всегда протестовали против этих — как они говорили — придинок медиков.

Они хотели сражаться против врага, посягнувшего на их город, на их землю.

Мы настроились на длительную оборону. Я, например, провел на одном месте 486 дней и привык к примитивной жизни на природе.

В сильные морозы воевать очень трудно. Мы старались как можно лучше отапливать убежища. Солдатам выдавали длинные, тяжелые овчинные тулупы, валенки. Кроме того, существовала сменная система: полчаса на огневой позиции, полчаса отдыха.

Важной задачей медработников была организация эвакуации раненых. И мы ее выполняли: подавляющее большинство раненых эвакуировали в пределах двух часов. 72 процента из них снова возвращались в строй. Тяжелораненых мы оперировали прямо в полевых госпиталях.

12 января 1943 года начался прорыв. Я находился в тот день в штабе, куда стекались все сведения о ходе сражения. Врачи и медсестры работали непосредственно на линии огня. Наши потери были очень велики.

Как только наши солдаты достигли левого берега Невы и укрепились на нем, я принял решение перенести туда госпиталь вместе с медицинским штабом, хирургами и медсестрами. И хотя немцы еще оказывали сильное сопротивление, через два часа первая госпитальная палатка была установлена.

Достоин восхищения самоотверженный труд наших женщин. Они работали безостановочно, не зная ни сна, ни отдыха. Случалось, что мы силой заставляли медсестер отдохнуть в тылу несколько часов. Большинство из них предпочитали оставаться на передовой...

Организация медицинской службы далеко не всегда была безупречной. В больницах Ленинграда в первую зиму ощущалась острая нехватка перевязочных материалов, топлива, одеял. В палатах было холодно. Стены были покрыты инеем, по ночам вода в стаканах и кувшинах замерзала. Раненые лежали в постелях в одежде, навалив на себя матрасы и подушки. Лекарство было только одно — бромид натрия; против чего его только не употребляли!

И все-таки ленинградцы выстояли. Их не сломило ничто. Весь советский народ гордится ими и глубоко почитает их...

Все участники Великой Отечественной войны окружены в Советском Союзе заботой и вниманием. В этом особое выражение благодарности, которую каждый гражданин нашей страны испытывает по отношению к самоотверженным защитникам Родины.

АННА ЗЕЛЕНОВА:

Немецкие конюшни в Павловском дворце

В последний день пребывания в Ленинграде мы посетили Пушкин и Павловск — бывшие загородные резиденции русских царей. Теперь в этих великолепных дворцах, созданных прославленными итальянскими архитекторами, размещаются ценнейшие произведения искусства.

Когда гитлеровцы вошли в Павловск, они застали дворец совершенно пустым. Все ценности были вывезены или спрятаны. Настоящие варвары, они приспособили одно крыло дворца под конюшни для нескольких сотен кавалерийских лошадей (кстати, позже эти лошади стали партизанским трофеем).

К концу войны от дворца остались руины: большая часть здания была сожжена, остальная — разрушена; в парке срубили и сожгли 70 тысяч деревьев.

Более 400 реставраторов работали над тем, чтобы вернуть Павловску прежний вид.

Мы встретились с директором музея Анной Зеленой в ее кабинете.

— Я работаю в этом музее уже 45 лет, — расска-

зала Анна Зеленова. — В начале войны меня попросили оказать помощь в эвакуации Музея истории Ленинграда. Как только работа была окончена, я вернулась в Павловск и занялась подготовкой своего музея к эвакуации. Мы — 12 женщин — начали работу 6 июля 1941 года. День за днем упаковывали и перетаскивали инвентарь: картины, скульптуры, гобелены, ковры, мебель и другие произведения искусства. Работали две недели, почти без сна. Почти все экспонаты музея были очень тяжелыми. Но мы вынуждены были обходиться без помощи мужчин. Самые тяжелые статуи мы решили закопать в парке. Вырыли глубокие ямы и захоронили драгоценные скульптуры, предварительно завернув их в тряпки. Немцы не нашли ничего из того, что мы там спрятали. Затем спустили в подвалы музея некоторые античные мраморные скульптуры. Тащили их вниз на коврах. Входы в подземные коридоры замаскировали камнями. Эти подвальные помещения немцы тоже не обнаружили.

Достать вагоны или машины для транспортировки остального инвентаря в те дни было очень трудно. В первую очередь вывозили людей, прежде всего — женщин и детей. Павловскую железнодорожную линию вскоре разбомбили, и мы лишились возможности отправить экспонаты в тыл.

Каждый день мы слышали по радио, что фашисты подходят все ближе. Состояние было очень нервным.

Около 3 тысяч произведений искусства, которые мы не могли спрятать на месте, было решено переправить в Исаакиевский собор. Под собором имеется разветвленная сеть коридоров и комнат, обширное свободное пространство есть также под куполом.

Собор — необычайно прочное сооружение. Он выдержал многократные бомбежки. До сих пор на его стенах видны выбоины от осколков снарядов. Они словно живое напоминание о войне.

Я провела в Ленинграде все 900 дней блокады. Работы тогда хватало. Прежде всего необходимо было заново упаковать музейные экспонаты. Мы уезжали из Павловска в такой спешке, что, разумеется, упаковывали их недостаточно тщательно. Картины, например, обкладывали влажной травой: бумаги не

хватало. Мебель, ковры, картины надо было как следует просушить. Мы использовали для этого каждый солнечный день. Между колоннами собора натягивали канаты и развешивали на них картины и гобелены, как белье для просушки.

В Публичной библиотеке, функционировавшей всю блокаду, мы устраивали выставки; летом выносили их в парки. Иногда посетителям не удавалось досмотреть экспозицию до конца из-за бомбежки, приходилось спускаться в убежище.

Одной из самых прекрасных стала выставка детских рисунков под названием "Ленинград — город и фронт". Рисунки присылали из школ. Дети рисовали главным образом свой город, свою улицу, свой дом. Но иногда и людей, защищавших город, быт ленинградцев в блокаду. Один из рисунков назывался "Наша семья за обедом". Мальчик изобразил маму, братишек и сестренку за столом. На тарелках лежат лишь крохотные кусочки хлеба.

Во многих работах рассказывалось о жестокостях войны: танковые бои, самолеты, сбрасывающие бомбы, пожары...

Вообще культурная жизнь в городе не замирала, и городские власти всячески это поощряли.

Командование фронта просило нас выступать перед бойцами и матросами с лекциями. Раз в неделю мы ездили на фронт. Читали лекции об отображении в искусстве темы войны и мира, о Ленинграде как городе Октябрьской революции, о славе русского оружия, об архитектурных памятниках... Это была своего рода просветительская деятельность, ведь среди солдат и матросов Ленинградского фронта воевали люди со всего Советского Союза, некоторые попали в Ленинград впервые.

Мои сотрудники и я с началом войны приняли участие в возведении оборонительного вала вокруг Ленинграда. Кроме того, мы входили в подразделение противовоздушной обороны. Нашей задачей было оберегать собор от зажигательных бомб. Многие дни и ночи провела я на крыше собора. Вдали виднелись огни сражений...

Однажды от жестокого мороза прорвало водопро-

вод Исаакиевского собора. Вода затекла в подвалы, и нам — истощенным, измученным, голодающим — выпала непосильная задача передвигать тяжелые шкафы и откачивать воду из подвалов. И все это в страшном холоде и темноте. Потребовались недели, чтобы с помощью деревянных шестов вытащить все ящики из сырости. Все, что тогда люди делали, все, за что брались, получалось у них гораздо медленнее, чем обычно. Совсем не оставалось физических сил.

Музеи в Павловске немцы полностью приспособили под свои нужды. В левом крыле, где был мой кабинет, устроили конюшню, в правом — госпиталь, в центральной части здания — штаб-квартиру гестапо. По соседству расположился также нидерландский батальон эсэсовцев-добровольцев. Одна из наших сотрудниц, оставшаяся в Павловске, попала в плен к немцам. Из ее рассказов мы получили полное представление о том, что творили фашисты. Гестаповцы допрашивали и истязали всех схваченных... Наша сотрудница, ухаживавшая за немецкими солдатами, лежавшими в госпитале, оказывала помощь и подпольщикам, Немцы заметили это — ее ждала виселица.

Но благодаря тому, что она отлично знала в музее все входы и выходы, ей удалось ускользнуть. По подземному коридору, о существовании которого немцы не подозревали, она выбралась в прилегающий к дворцу парк, где фашисты в это время казнили арестованных. Но и здесь ей сопутствовала удача. Она выбралась из парка незамеченной. Позже она присоединилась к партизанам...

В Павловске стоял памятник Ленину. До войны у памятника летом всегда лежали цветы, а зимой — сосновые и еловые ветки. Немцы взорвали памятник. Но цветы у сохранившегося постамента появлялись все равно.

Чтобы положить этому конец, немцы повесили на деревьях в сквере возле памятника 12 жителей города и установили постоянную охрану.

Однажды пять девочек с капустой в руках проходили мимо памятника. Заметивший их немецкий часовой вообразил, что дети хотят положить зелень к разрушенному монументу. Он застрелил всех пятерых...

Когда я вернулась в Павловск и увидела руины вместо дворца, я заплакала. Впервые за все годы войны. Сотрудники утешали меня: немцы не нашли ни один из наших тайников. Это было действительно так, но музей предстояло создавать заново. Какой-то немец написал на одной из стен прекрасным готическим шрифтом:

„Meine Heimat, meine Liebe,
War ich doch zu Hause geblieben”¹

Реставрация нашего музея длилась 29 лет...

ДАНИИЛ ГРАНИН:

Мертвец с румянцем на щеках

Даниил Гранин — писатель. Перед войной он окончил Политехнический институт и руководил научно-исследовательской лабораторией на заводе им. С. М. Кирова в Ленинграде.

В 1949 году вышла его первая повесть — ”Вариант второй”, потом, в 1954 году, роман ”Искатели”. За ними последовали ”Дом на Фонтанке”, ”Наш комбат” и другие.

Произведения Гранина переведены на 12 языков. По роману ”Искатели” поставлены фильм и спектакль. Действие многих его произведений разворачивается в научных кругах; писатель бичует консерватизм и мещанство в различных их проявлениях.

— Я родился в Курске, — начал свой рассказ Даниил Гранин. — Учился и работал в Ленинграде. Когда началась война, я вместе с большой группой рабочих Кировского завода вступил добровольцем в армию. Мы прошли ускоренный курс обучения по основам военного дела.

Уже в июле 1941 года нас направили на фронт, на защиту небольшого городка Луги. Мы сумели задержать там немцев на шесть недель. Потом нам пришлось отступать за Пулковские высоты. Военное превосходство немцев в первую зиму было огромным.

¹ Родина, любовь моя,
оставался бы я дома.

В то время меня зачислили в 189-ю дивизию, где я служил разведчиком. Наша дивизия находилась на передней линии фронта.

На пути отступления нам случалось сталкиваться с немцами. Иногда между нами не было и 80 метров.

Немцы нередко размахивали перед нами хлебом, склоняя нас прекратить борьбу и сдаться. Они демонстративно, на виду у нас, пили свой утренний кофе, иногда кидали нам банки с консервами — все это для того, чтобы сломить наш боевой дух.

В начале 1942 года я вместе с двумя солдатами пошел по заданию в разведку. Было часов семь-восемь вечера, уже стемнело. Мы пробрались к немецким окопам. Собирались уже бросить ручную гранату, как вдруг заметили стол, уставленный мясом, консервами, картошкой, бутылками вина и фруктами.

Четверо немцев собирались приступить к трапезе. Мы застрелили их, быстро собрали, прямо в скатерти, всю еду и побежали к своим.

На нас наложили взыскание: нам, как разведчикам, следовало не убивать немцев, а брать их в плен. Целый месяц мы дополнительно несли караульную службу. Тот немецкий ужин (мы поделили его с другими солдатами нашего взвода) я помню до сих пор.

Однажды меня послали с донесением к командиру взвода, державшего оборону вдоль берега Невы.

Уже почти добравшись до места назначения, я увидел двух немцев, стоявших ко мне спиной. Я не решился двинуться назад из страха быть обнаруженным — уж слишком близко были немцы. Я снял автомат с предохранителя и разрядил его в фашистов. Они упали, и я побежал назад. Позже выяснилось, что немцы перебили весь взвод.

Потом меня направили в кавалерию, а еще спустя некоторое время, после краткосрочных курсов, я стал танкистом. Командовал танковой ротой. Это было уже в конце войны. Я со своей частью дошел до Восточной Пруссии и принимал участие в двух больших танковых сражениях.

После войны я начал писать, но у меня не хватало мужества писать о войне. И до сих пор в творчестве

я не использую, или почти не использую, свой собственный военный опыт. Не могу решиться на это. А кроме того, всегда помню прекрасные произведения, написанные о войне другими.

Я брал интервью у десятков людей, переживших блокаду. У каждого — собственная история. Я беседовал с 62 ленинградцами; можно было предположить, что наступит момент, когда рассказы начнут повторяться. Но этого не случилось.

Интервью были опубликованы в "Новом мире", потом вышли отдельным изданием под заголовком "Блокадная книга".

Примечательная особенность всех этих интервью: люди, пережившие блокаду, постоянно заботились о других. Казалось бы, выжить должны были те, кто сэкономил силы. Нет, ничего подобного. Выжили те, кто ухаживал за другими, например медсестры, дети. Выжили люди, часами простаивавшие в очередях за двумя кусочками хлеба — для себя и для другого, потому что тот, другой, уже не мог стоять.

Самыми выносливыми в Ленинграде оказались матери, заботившиеся о своих детях. Чувство ответственности придавало им силы...

Во время одного из посещений города я увидел на улице солдата с лошастью. Отощавшее животное плелось по заснеженной мостовой. Вдруг лошадь упала. Солдат ласково заговорил с ней, просил встать, убеждал. Она послушно пыталась подняться, но не могла.

Вокруг животного сразу же собрались люди, они все подходили и подходили. В ожидании стояли они вокруг ослабевшего животного. Когда лошадь издохла, у всех, откуда ни возьмись, появились в руках ножи. Люди принялись разрезать ее на куски. Все произошло молниеносно; через несколько минут от животного остались только кости. Это было в феврале 1942 года.

Во время другого посещения Ленинграда, в декабре 1942 года, я, прячась от бомбежки, остановился в подворотне. Рядом стояла женщина с санками. На санях лежал человек, укутанный в простыни и одеяла. Лицо его тоже было прикрыто, и я не разглядел, была

ли это женщина или мужчина. Подобную картину в те дни можно было увидеть часто. Люди отвозили на санях умерших к местам захоронения.

Но сквозь просвет в одеяле я заметил румяные щеки. Это меня удивило: встречать румянец в то время приходилось не часто. А женщина тем временем, видимо, ослабев, села на санки, прямо на труп. Мне это показалось кощунством. Когда бомбежка кончилась, женщина попыталась встать, но сил не хватило. Я помог ей, и мы вдвоем потащили санки дальше. И тут я обратил внимание на то, какие они были легкие. Я спросил женщину: "Кто это у вас там на санях? Он же почти ничего не весит". Она ответила: "Это Дед Мороз!"

Это и в самом деле оказался Дед Мороз, сделанный из папье-маше, и женщина везла его с одного детского праздника на другой.

КОНСТАНТИН КАРИЦКИЙ:

120 эшелонов — на воздух

Мы едем на встречу с Константином Карицким и Леонидом Яковлевым. Во время войны Карицкий был командиром партизанского соединения из 7 тысяч человек. Яковлев присоединился к партизанам в 14 лет — после того, как немцы убили его отца, — и стал разведчиком. В районе Ленинграда, где силы противника были превосходящими во всех отношениях: больше солдат, больше тяжелых орудий, больше боеприпасов, — партизаны играли важную роль в борьбе с немецкими захватчиками. После первых унижительных месяцев отступления повсюду в лесах начали формироваться партизанские отряды. Вначале маленькие, состоящие иногда из нескольких человек, они постепенно разрастались в целые бригады, действовавшие в тесном сотрудничестве с Красной Армией...

Главное задание Карицкого заключалось в срыве не прекращавшегося ни днем ни ночью подвоза немецких боеприпасов, тяжелых орудий и личного состава. Его соединение систематически разрушало мосты,

минировало дороги и почти ежедневно взрывало поезда.

— В начале войны немцы очень быстро заняли окрестности Ленинграда, — рассказал нам Константин Карицкий. — Меня мобилизовали и зачислили в разведку. Я служил в 42-й дивизии. Однажды мне дали задание разведать тыловые районы немецких войск. Меня сбросили с самолета на парашюте, и я приземлился в лесу. Местность я знал плохо. Был ноябрь, уже наступила зима. За спиной у меня висела рация, и я каждый день в течение шести недель передавал информацию о перемещениях немецких войск. Каждую ночь по железной дороге ехали открытые платформы с танками. Я считал танки и пытался установить, с какой скоростью передвигаются войска...

Первые ночи в лесу я много думал о своей жене. Когда мы расстались, она была беременна, и я очень тревожился за нее. Но эти мысли посещали меня, лишь когда я пытался уснуть. У меня было очень много дел и мало времени, чтобы предаваться воспоминаниям. Спал я час или два в сутки, у костра. Спать было рискованно: мои лыжи в заснеженном лесу оставляли очень четкий след, и мне приходилось все время находиться в движении. Возможность отдохнуть чуть дольше представлялась лишь в тех случаях, когда шел снег — он заметал следы.

Когда батарейки начали садиться, я получил распоряжение вернуться в свое подразделение. Но сделать это оказалось трудно, даже невозможно. Немцы были повсюду. Чуть позже, когда батарейки отказали окончательно, я вовсе потерял связь с подразделением. Вернуться на Ленинградский фронт мне не удалось.

В это время я находился между городами Луга и Гатчина, рядом с важнейшими дорогами и железнодорожными линиями. Это огромная область, почти вся покрытая лесами и болотами.

Я решил присоединиться к партизанскому отряду. Нашел отряд "Лужский", состоящий примерно из 200 человек. Во главе его стоял Дмитриев, секретарь горкома партии Луги. В отряде были мужчины непризывного возраста, женщины и дети. Было также несколько солдат, потерявших, как и я, связь с фрон-

товыми частями. Мы действовали примерно в 140 километрах от Ленинграда.

Первое время жили только в лесах, так как немцы заняли деревни. Они тогда еще наступали. Связи с населением почти не было.

В октябре 1941 года в Ленинграде была основана штаб-квартира партизанского движения, где координировались действия отрядов. Одной из важнейших наших задач была ликвидация железнодорожных составов — снабжение немецкой армии осуществлялось в основном по железной дороге. Закладывали взрывчатку обычно два человека, но после такой операции всей нашей группе приходилось перемещаться на 30 — 40 километров. Зимой — на лыжах, летом — пешком.

В 1942 году — партизаны тогда уже получали значительно больше помощи от деревенских жителей — я стал командиром бригады, состоявшей из 7 тысяч человек. Бригада была разбита на мелкие подразделения; некоторыми из них руководили совсем юные партизаны — парни 16 — 17 лет.

В том же году нам удалось очистить от немцев большой район. На освобожденной территории снова начали действовать колхозы. Это пришлось очень кстати, так как в Ленинграде царил жесточайший голод. По нашему призыву в отряд начали приходить крестьяне с зерном, хлебом, медом — всем, что только имели. Мы составили караван из 200 санных подвод. Он выехал зимой 1942 года, нагруженный 30 тоннами собранного продовольствия. Маршрут наметили самые юные наши разведчики, обнаружившие на заболоченном участке разрыв в кольце немецкого окружения.

На всем пути нам приходилось вести перестрелку с немцами. Мы шли с продовольствием около месяца и наконец достигли Ладожского озера. Из наших погибло 12 человек, но все-таки мы дошли до "Дороги жизни".

Во время одной из вылазок — я шел без друзей — меня ранило: немцы, всегда страшно боявшиеся заходить в леса, бросали гранаты наугад. Я потерял сознание, но, к счастью, фашисты меня не обнаружили.

Товарищи нашли меня в лесу. Из моего тела извлекли 14 гранатных осколков...

Наша бригада уничтожила около 14 тысяч немцев. Мы очень часто сталкивались с ними, особенно в последние месяцы 1943 года. Немецкое командование в это время послало в наш район две дивизии, специально для борьбы с нашей бригадой. Мы потеряли тогда 600 человек, 765 были ранены.

Во время одного из этих боев немцы открыли особенно мощный огонь. Стреляли из автоматов. И вдруг я почувствовал острую боль в левом плече. Товарищи осмотрели плечо, но обнаружили только синяк и легкую царапину. Я продолжал сражаться, хотя боль не прекращалась. В 1948 году я проходил медицинское освидетельствование, тогда-то рентгеновский снимок показал, что у меня в левом плече пуля. Я вначале не поверил, решил, что произошла ошибка. Но после тщательного обследования врачи установили, что пуля у меня все-таки сидит. Восстанавливая в памяти события, я понял, что тогда, в 1943-м, меня задело дважды: сначала в плечо попала пуля, а потом от какого-то удара образовался синяк. Второго апреля 1944 года я получил Золотую Звезду Героя Советского Союза. Это была награда за борьбу против немецкого фашизма в районе Ленинградского фронта и за организацию партизанских отрядов. Звание Героя Советского Союза получили пять человек из моей бригады.

Начиная с зимы 1944 года условия жизни партизан значительно улучшились. Я очень обрадовался, когда в наш район стали летать самолеты с почтой. И я был по-настоящему счастлив, когда в первой же почте обнаружил письмо от жены. Она сообщала, что у нас родилась дочь, Ирина. Впервые я увидел Ирину, когда ей было уже четыре года.

ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВ:

"Иди в партизаны, но останься в живых, сын!"

— Когда началась война, мне было 14 лет, и я горячо желал как можно скорее стать взрослым, чтобы идти сражаться с фашистами, — так говорил нам Лео-

нид Яковлев. — Я проводил каникулы с родителями в Пскове, и мы собирались пробыть там весь июнь. Немцы очень быстро заняли город. Я видел их зверства собственными глазами: например, в присутствии матери они застрелили ее детей — сына и дочь.

В 1942 году за помощь партизанам гитлеровцы убили моего отца. Во мне поселилась ненависть. Глубокая, острая ненависть. Я хотел отомстить за отца, за всех погибших. Я сказал матери, что хочу уйти в партизаны. Она ответила: "Хорошо, иди в партизаны, но останься в живых, сын! Ты — единственное, что у меня еще есть". И повторила, словно заклинание: "Только останься в живых". Рано утром я ушел в леса.

Деревенские жители показали мне дорогу к партизанам. Меня зачислили в 67-й отряд, в подразделение 5-й бригады, командиром которой был мой друг Константин. Сначала меня спросили, сколько мне лет, и я прибавил себе два года. Для своего возраста я был довольно высоким, и мне поверили. Позже партизанами становились даже дети 10 лет, родители которых погибли в боях против немецко-фашистских войск. Куда же еще им было деваться? Все дети-партизаны были разведчиками.

Наша бригада постоянно укреплялась. Значительная часть оружия досталась нам в качестве трофеев после боев с немцами. Кроме того, нам забрасывали оружие из тыла. Новички проходили недельный курс обучения: их знакомили с самыми основными правилами партизанской деятельности.

В общей сложности мы эвакуировали в леса и болота, где немцы не отваживались появляться, 120 тысяч человек. Для них строились убежища. Мы оставляли немцам безлюдные поселки и деревни, спасая жизнь деревенским жителям.

В конце 1943 года меня послали в разведку на автодорогу, где ожидалось движение немецких колонн. Мне дали очень послушную лошадь. Разведчикам запрещалось стрелять во врага. В случае крайней необходимости можно было воспользоваться ручной гранатой, которую давали уходившему в разведку.

Я уже полчаса лежал на обочине в засаде, моя ло-

шадь чуть поодаль мирно жевала кору, когда вдруг меньше чем в 100 метрах от меня остановился немецкий военный автомобиль. Из него вышли пятеро немцев. Бежать поздно: фашисты слишком близко. Я подполз к лошади и приказал ей лечь, а сам спрятался за нею с гранатой в руке. Я слышал только биение собственного сердца и чавканье лошади. Немцы подходили все ближе. Наконец остановились, рассматривая карту и указывая в направлении леса, откуда я пришел. Нервы мои были напряжены до предела. Немцы простояли с полчаса, а потом преспокойно отправились обратно к машине. Все это время лошадь послушно лежала на земле...

В сражении с немцами — при прорыве блокады — я был ранен. Мы планировали напасть на немцев с тыла и попытаться вклиниться между отдельными частями. Мы всегда стремились заманить немцев в болота, где они совсем не ориентировались. Это нам удалось: примерно 600 немцев с танками вошли в болота. Завязалась перестрелка. Немецкая пуля попала в кисть правой руки. Я продолжал стрелять левой. Медсестра запретила мне продолжать бой и перебинтовала руку. Через несколько часов после возвращения в лагерь мне ампутировали сначала кисть, а потом и всю руку.

Лучшее воспоминание тех партизанских лет — 1 мая 1943 года. Стояла чудесная погода. В этот день нам предоставили свободные полдня и выдали дополнительный паек, даже сигареты и водку. Я тогда впервые отведал и то и другое. Впервые с начала войны звучала музыка — у нас нашлись аккордеон и труба. Устроили даже танцы. Это был настоящий праздник. В радиусе восьми километров у нас постоянно стояли караулы, которые в случае опасности сразу же связывались со штабом бригады, и поэтому мы могли отдыхать, ничего не опасаясь.

Когда война завершилась, я продолжил учебу в школе, но сначала пришлось учиться писать левой рукой. Потом был техникум, потом университет. Сейчас я директор крупного завода, на котором производят лифты.

АУСТРА БЛОК:

В очереди за хлебом я услышала, что можно есть обои

— Когда разразилась война, — поведала нам Аустра Блок, — мне было девять лет. Я коренная ленинградка, хотя мои родители родом из Латвии. Отец умер незадолго до войны, и я осталась с мамой и бабушкой. Училась в школе № 210 на Невском проспекте, а жила тогда, как и сейчас, на улице Герцена.

Мы решили не эвакуироваться, потому что бабушка была тяжело больна. Не хотелось оставлять ее одну. Но когда положение ухудшилось, мама решила, что мне надо покинуть город. Всех учеников 210-й школы эвакуировали на Урал.

Каждый ребенок мог иметь лишь по одному чемодану. Я долго колебалась, какие книги взять с собой. На автобусе нас довезли до окраины Ленинграда. Немцы были так близко, что дальше ехать не представлялось возможным. Класс разделили на небольшие группы. По ночам переводили по пять-шесть человек за линию фронта к партизанам. Они должны были позаботиться о том, чтобы нас отправили к месту назначения.

Половина ребят из моего класса действительно достигли Урала. Группе, в которой находилась я, не повезло. Затаившись как мыши, мы провели в болотах почти целую ночь. Присесть было негде, и некоторые заснули стоя, прислонившись к деревьям. После этой ночи было решено, что остальным учащимся нашей школы необходимо вернуться в город. Так я снова оказалась в Ленинграде.

Мою маму зачислили в войска противовоздушной обороны. Она отвечала за наш квартал. Бойцами ПВО были главным образом женщины и дети: все жившие по соседству мужчины были на фронте. За время блокады на наш дом упало в общей сложности 14 зажигательных бомб; мы потушили все. Большую часть времени мы проводили на крышах, где стояли специальные ящики с песком, чтобы засыпать бомбы. Можно сказать, мы просто жили на крышах.

Была сделана попытка продолжить занятия в школе, но это оказалось нецелесообразным, потому

что значительную часть учебных часов мы проводили в до отказа набитых бомбоубежищах. Через некоторое время, когда дети получили собственное убежище, занятия возобновились. Занимались при свете керосиновых ламп и свечей. В качестве писчей бумаги использовались старые газеты. Но и это продолжалось недолго. Примерно через месяц в наше убежище на углу улицы Гоголя попала большая бомба. Я это хорошо помню, так как немцы в тот день бомбили Ленинград непрерывно и по всему городу начались пожары...

Зимой 1941 года в Ленинграде не стало ни воды, ни света, ни продовольствия. К тому же заболела мама. Мне пришлось заботиться о целой семье — маме и бабушке. Я должна была приносить воду. Каждый день с санками я спускалась к Неве; было очень трудно взбираться наверх по обледеневшему склону с полным ведром. Сил у меня почти не оставалось.

И еще я хорошо помню, как по дороге домой нашла под снегом деревянную дощечку. Этим кусочком дерева и газетами я растопила печку, и у нас в доме немного потеплело. Мама и бабушка лежали в постелях почти без движения. Мне приходилось часами стоять в очередях, чтобы получить несколько ломтиков хлеба. Выпадали дни, когда мы стояли в очереди напрасно, потому что хлеб не привозили. Как-то нам не выдавали паек три дня. В стужу стояли мы час за часом, надеясь дождаться хлеба. И тут я услышала, что можно есть обои. Говорили, что в клее, которым были покрыты обои с обратной стороны, содержалась картофельная мука.

Придя домой, я начала сдирать со стен обои и замачивала их в воде. Мы с мамой съедали каждый день по кусочку обоев.

Спали мы тоже очень мало. От бомбежек и стрельбы все время просыпались. Мне кажется, мы спали тогда так, как, наверное, спят звери: настороженно, беспокойно.

Однажды я заболела (отморозила ноги, хотя и не сразу поняла, что произошло), меня лихорадило, и мне снилась еда, которую я видела, но до которой не могла дотянуться. Это были ужасные сны. Остаться в постели я не могла. Мне нужно было ухаживать за мамой и бабушкой.

23 февраля 1942 года бабушка умерла. С большим трудом мы вытащили ее на балкон. Расстояние от комнаты до балкона преодолевали целое утро, понемногу передвигая тело. Оно сразу же замерзло и пролежало на балконе очень долго. Мы остались вдвоем.

У меня на ногах образовались большие язвы, и я не могла больше ходить. Руки начали опухать и растрескались. Я слабела все больше и больше. Соседи время от времени заходили к нам и приносили немного горячей воды. Ровно 25 дней и ночей мы пролежали в ледяной комнате, без еды. Мою маму отвезли в морг: думали, что она умерла. Лишь в последний момент врач обнаружил, что она еще жива. Ее отправили в больницу. Трудно поверить, но через четыре недели моя мама снова встала!

В конце концов меня тоже поместили в больницу, и я провела там два года. Мне ампутировали обе ноги. В 1943 году я выписалась и снова пошла в школу, ту же, 210-ю. Пока лежал снег, мама возила меня в школу на санках. Когда снег растаял, она носила меня в школу на руках. После уроков она приходила за мной и относила домой. И так — месяц за месяцем.

По дороге в школу нам почти ежедневно приходилось прятаться в убежище от бомбежек.

Нашему классу поручили ходить по больницам, развлекать раненых солдат и помогать медицинскому персоналу. Мы устраивали концерты. Я декламировала стихи, я сама их в то время писала. Я пела бойцам, а другие девочки танцевали. Красноармейцам, которые лишились рук, мы помогали писать письма родным.

Наши концерты очень нравились солдатам. На прощание они всегда спрашивали: "Когда вы придете снова?"

В день Нового, 1943 года во Дворце пионеров для детей устроили праздник. Воины Ленинградского фронта привезли дополнительные продукты: каждый получил кусочек хлеба, две конфеты и баночку сметаны.

Дети Ленинграда потеряли в войну свое детство, они жили жизнью взрослых. Обо всем пережитом нами мы рассказываем сегодняшним ребятам. По поручению комитета "Дети блокады" бываем в школах, пионерских лагерях, во Дворцах пионеров.

После войны мне сделали протезы, и я научилась ходить, танцевать, кататься на лыжах. Процесс возвращения к полноценной жизни длился два года. Я не замужем; всю свою жизнь я посвятила матери. Я неопишимо благодарна ей за все, что она сделала для меня после того, как я лишилась ног. Недавно она умерла, и я осталась одна в доме на улице Герцена.

ПИСЬМА ИЗ СТАЛИНГРАДА

В конце января 1943 года последний немецкий самолет покинул позиции под Сталинградом. По приказу Гитлера все находившиеся на борту мешки с письмами были изъяты.

Письма вскрыли, имена адресатов уничтожили. Потом письма рассортировали по содержанию и общей направленности и передали военной разведывательной службе.

Эта служба получила задание создать книгу-хронику о Сталинградской битве. Немецкое командование надеялось, что письма и военная документация оправдают поражение. Надеялись напрасно. Характер писем не оставляет ни малейших сомнений в полной деморализации немецкой армии. Книга так никогда и не была издана. Но письма сохранились.

Советский кинорежиссер Роман Кармен использовал их в документальном фильме "Великая Отечественная". Мы выбрали некоторые из них.

ПИСЬМО КОНТОРСКОГО СЛУЖАЩЕГО

Фрейлейн Ади! Нам пообещали, что эта почта дойдет. Вот я и хочу воспользоваться последней возможностью. Вы всегда писали, что незнакомый солдат должен черпать из Ваших писем силу и мужество. Могу Вам сказать, что я черпал из Ваших строчек как силу, так и мужество, но вера в дело, которому я служил, мертва. Так же мертва, как через 30 дней вместе со мной будут мертвы тысячи людей. Я посылаю

это письмо по двум причинам: во-первых, незнакомый солдат, как и подобает хорошему солдату, должен предупредить о своей смерти. Во-вторых, потому что Вы снова станете писать, но теперь уже другому незнакомому солдату.

А сейчас, фрейлейн Ади, самое главное: веру просто декларировать на бумаге. Но поскольку здесь она навязывается и выставляется как товар, то необходимо предостеречь всех, кого стремятся обратить в эту веру.

Девочка, девочка, это катастрофа! Я хотел присутствовать при взятии Сталинграда. Уже не раз рассказывался я в этом безумном стремлении. Возможно, об этом Вы напишете в шестой главе Вашего дневника. Только ни в коем случае не пишите: "Погиб за Великую Германию". Потому что это неправда. Надежду встретиться с Вами я принес в жертву этой безумной войне.

ПИСЬМО ОФИЦЕРА

Сегодня наиболее подходящий момент еще раз послать привет всем моим любимым домашним. Буду краток. Русские прорвались по всему фронту. Когда я снова оглядываюсь на прожитую жизнь, я испытываю только чувство благодарности. Она была блистательна, великолепна. Она была словно восхождение, где и последняя ступень прекрасна, как венец. Я бы назвал это гармонической завершенностью. Скажите родителям, чтобы не оплакивали меня. Пусть они с радостью хранят в своем сердце память обо мне. Только, пожалуйста, без ореола! Я никогда не был ангелом и не хочу им быть. Пред господом богом я предстаю как солдат, со свободным, гордым духом рыцаря, властителя. Передайте мои последние слова тем, кто придет после нас. Воспитайте их как властелинов, в строгой простоте мыслей и поступков. Чтобы не разбрасывались по мелочам. Я обнимаю вас всех и благодарю за все. Выше голову!

ПИСЬМО ОБЫВАТЕЛЯ

Вокруг меня такой хаос, что я не знаю, с чего начать. Может быть, лучше всего начать с конца.

Милая Энни, ты, разумеется, будешь удивлена, получив это довольно шутовское письмо. Но если ты прочтешь повнимательнее, ты поймешь, что оно вовсе не шутовское. Раньше ты видела во мне обывателя, и в каком-то смысле ты была права. Как я, например, укладывал в портфель свой полдник. Два бутерброда справа, два слева. Сверху яблоки, а поверх всего — термос. Термос должен был наклонно лежать на яблоках, чтобы масло на хлебе не растаяло. Это было, как любил говорить дядюшка Норберт, глубокомысленное время. Сегодня я уже не обыватель. Посмотрела бы ты сейчас, как я хожу на свою "работу"...

ПИСЬМО ПИАНИСТА

Ты должна выбросить из головы эти мысли, Маргарита. Я понимаю, что тебе хочется видеть при себе не только мужа и любовника, но еще и пианиста. Маргарита, ты должна знать правду. Мои руки изуродованы уже с начала декабря. На левой не хватает мизинца; но хуже то, что на правой руке отморожены три средних пальца, так что кружку я могу держать лишь мизинцем и большим пальцем. Я довольно беспомощен. Только когда теряешь пальцы, замечаешь, как необходимы они были для всяких мелочей. Единственное, что я еще могу делать, — стрелять мизинцем. Мои руки обесценились. Не могу же я стрелять всю жизнь! Рядом со мной лежит земляк, тоже из Мюнхена, у него нет носа. Он сказал мне, что теперь ему не нужны носовые платки. Когда я спросил его, что он думает делать, если ему придется плакать, он ответил, что все мы — включая и меня — больше плакать не будем. Скоро другие будут плакать о нас. Чувствуешь ли ты себя теперь, зная правду, лучше, моя любимая?

ПИСЬМО СЫНА СВОЕМУ ОТЦУ, ГЕНЕРАЛУ

Отец, это письмо не только короткое, оно к тому же и последнее. Я хочу напомнить тебе то, что ты сказал мне 26 декабря: "Ты добровольно стал солдатом; легко стоять под знаменами в мирное время, но трудно высоко держать их во время войны. Оставайся верным знамени, и ты будешь праздновать победу". Дорогой отец, ты еще вспомнишь об этих словах, потому что придет момент, когда даже последний дурак в Германии проклянет бессмысленность этой войны. О победе уже нет речи, герр генерал. Хотя мы еще говорим о знаменах и людях. Но в конце концов не станет и их. Сталинград не военная необходимость, а политическая авантюра. И в этом эксперименте Ваш сын не примет участия, герр генерал. Вы отрезали ему дорогу к жизни. Поэтому он выбирает иной путь, который действительно ведет к жизни, но только по другую сторону фронта. Подумайте-ка о Ваших словах. Когда этот идиотизм развалится, Вы, может быть, вспомните о знамени и сами станете его защищать. До свидания, отец.

ПИСЬМО АКТЕРА

Ты можешь подтвердить, что я всегда был против этого, потому что боялся Востока и войны вообще. Я никогда не был солдатом, я только носил форму. Какая мне от этого выгода? Какая от этого выгода другим, тем, кто не сопротивлялся и не боялся? Какая нам от этого выгода? Какая польза нам, статистам в этом инсценированном безумии, от героической смерти? Я десятки раз играл смерть на сцене, только играл, а ты в это время сидел в зале. Я потрясен тем, насколько мало похожа смерть на сцене на настоящую смерть. Ведь смерть всегда должна быть героической, не бесцельной, а служащей большому делу или убеждению. В действительности люди издыхают. Они умирают от холода. Замерзают до смерти. И никого это не трогает. Их даже не хоронят. Они валяются повсюду. Без рук, без ног. Без глаз, со вспоротыми животами.

Надо было бы это заснять, чтобы сделать невозможным миф о красивой смерти. Эту скотскую смерть восславят впоследствии, изображая умирающих солдат с руками и ногами в повязках. На пьедесталах. В церквах будут служить мессы. На родине некоторые господа будут потирать руки, потому что им удалось сохранить свои места. Они будут вечно восхвалять нас. Не дай обмануть себя этим. Я бы все вокруг разнес от злости, но никогда еще я не ощущал такого бессилия. Прощай.

Вероятно, и этих нескольких писем достаточно, чтобы понять, что и среди немецких солдат и офицеров были люди, ненавидевшие войну. Они хотели выжить в той войне, чтобы дать жизнь своим детям. Разве эти письма не являются уроком для нас? Зачем же повторять безумие!

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вначале я собирался написать небольшое заключение, которое подвело бы итог этим драматичным, а подчас и трагическим историям, но потом отказался от этой мысли. Мне кажется, что рассказы бывших советских партизан настолько выразительны и достоверны, что не нуждаются в каких-либо комментариях, в них раскрывается вся бесчеловечность злодеяний гитлеровских палачей, развязавших вторую мировую войну. Об этом нужно напоминать всем, кто постоянно твердит о так называемой "советской угрозе", оправдывая тем самым гонку вооружений и увеличение военных расходов.

Советский народ испытал на себе последствия первой мировой войны, перенес гражданскую войну и военную интервенцию 14 капиталистических государств и, наконец, вторую мировую войну. Нигде в мире не ненавидят войну так, как в Советском Союзе, — таков основной вывод, к которому я пришел, собирая материал для этой книги.

Александр Гёб

**РУССКИЕ
НЕ ПРИДУТ!**

(ИЗ КНИГИ "ТАНЕЦ БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ")

Alexander Goeb

Tanz der weißen Kraniche

Перевод с немецкого Ю. Филиппова

ВВЕДЕНИЕ

Это звучит категорично: "Русские идут!"

Без вопроса, без оттенка сомнения.

В предостережении "русские идут" (оно то и дело слышится, начиная по крайней мере с Октябрьской революции) есть что-то от заклинания, порожденного страхом перед неведомым, загадочным, в нем также чувствуется страх перед логикой нового мировоззрения, которое, родившись на Рейне, впервые приобрело жизненную силу в Советской России.

Однажды русские уже приходили, но лишь после того, как мы пришли к ним с огнем и мечом, с бомбами и гранатами, с пытками и смертью.

Многое из того, что кажется нам в нашей стране, Федеративной Республике Германии, совершенно правильным, поддается объяснению только с позиции почти патологического страха перед "опасностью с Востока". Этот страх — результат определенного воспитания.

Снова и снова нам повторяют: "Русские идут!"

Нам внушают: нужны солдаты — "иначе придут русские".

Мы вступаем в НАТО — "иначе русские скоро будут на Рейне".

Нужны чрезвычайные законы — чтобы "русским нелегко было с нами справиться".

Нужны "запреты на профессии" — чтобы "суметь дать отпор подпольной деятельности русских".

Нужны ракеты — чтобы "устрашить русских".

Мы должны потуже затягивать ремни — "иначе не хватит денег, чтобы держать русских в страхе".

До сих пор русские не пришли. Почему? Потому ли, что существует "равновесие страха"? И что такое "русские"? Это ведь советские люди, а среди них,

кроме русских, украинцы и эвенки, эстонцы и белорусы, армяне и татары, грузины и якуты, литовцы и буряты, калмыки и эвены...

Неужели все эти народы воинственны? Неужели они настолько агрессивны, что мы всегда должны жить в страхе? Неужели оправдан наш апокалипсический страх перед русскими?

В этой книге бузымянный собеседник задает вопросы. Разные. Простые, сложные, глупые и менее глупые. Он не является другом Советского Союза, он в лучшем случае — сомневающийся.

Я отвечаю ему, как могу. Не исключено, что вопросы, которые он задает, некогда одолевали и меня и я разделял его суждения. Под конец этот вопрошающий некто — а мы по-прежнему не знаем о нем ничего определенного — умолкает. И не вполне понятно, отчего он молчит. Может быть, оттого, что его удовлетворили ответы? Неясно. Может быть, да, а может, и нет...

Я совершил путешествие, чтобы познакомиться со страной, которая в значительной степени определяет судьбы нашего мира и в которой одни видят зарю лучшего будущего, а другие, напротив, закат человечества. Так или иначе, это большая, обширная страна. Я был в Киеве, где весной цветут каштаны, был в московском Кремле и суровой Якутии, в центре сибирской тайги и на Амуре, который называют также рекой Черного Дракона. Я видел природу, фабрики, людей, их жизнь и их культуру.

Я подвел итог: русские не придут! Во всяком случае, как воины. Это возможно лишь в том случае, если их вынудят. Как это уже раз случилось.

В Иркутске, где Ангара стремительно убегает от Байкала, спеша навстречу своему возлюбленному Енисею (так гласит сибирская легенда), кто-то сказал мне: "Знаете, у нас мир в крови"...

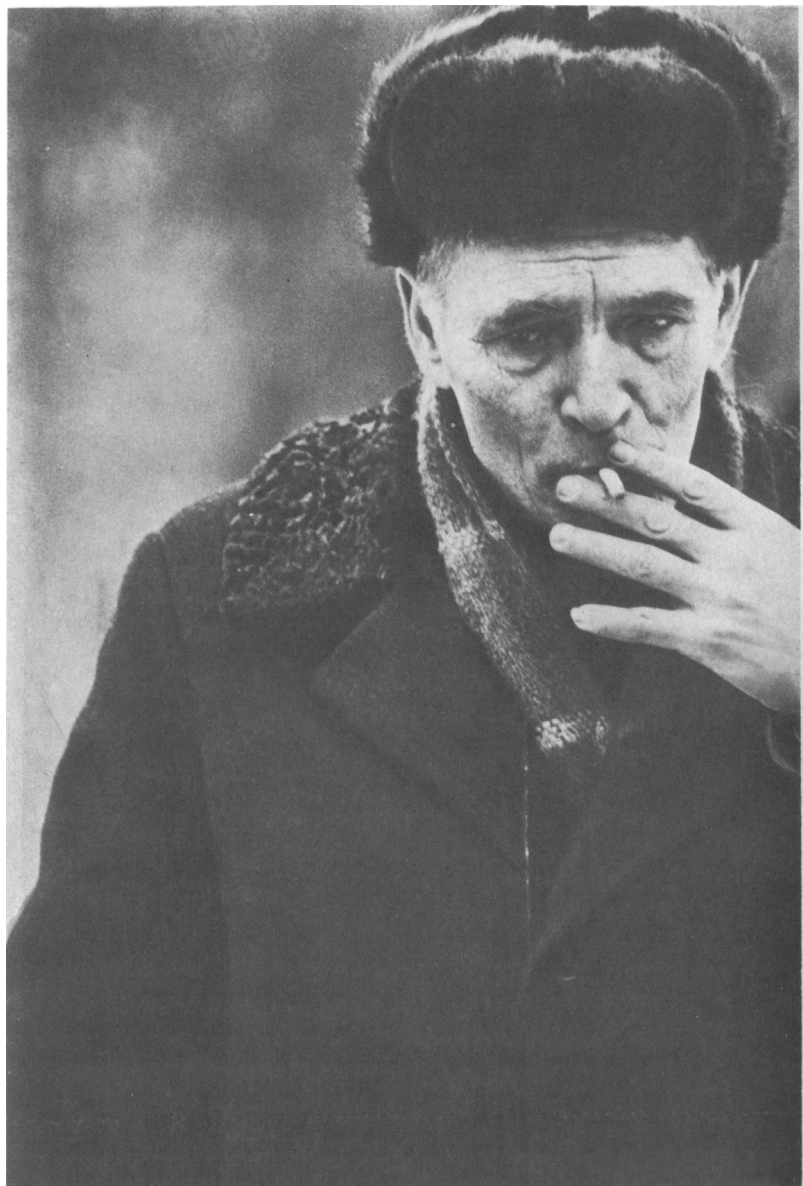
ДНЕПР

— Вопрос касается вашего прибытия в Киев. Как вы туда летели? Расскажите, пожалуйста, поподробнее, мелочи могут быть очень важными.

**КЛЯНЕМСЯ МСТИТЬ
ГИТЛЕРОВСКИМ ЗАХВАТЧИКАМ !**

Клянемся мстить гитлеровским захватчикам!

Петр Ловецкий, директор Минского музея истории Великой Отечественной войны: "Мы никогда не забудем ужасные годы войны, которые не прошли бесследно ни для одного из нас"

**Алексей Федоров —
дважды Герой Совет-
ского Союза, леген-
дарный командир
партизанского движе-
ния на Украине. Он
закончил войну в зва-
нии генерал-майора,
хотя никогда не был
военным**

**Александра Хромова:
"Рассказывая вам об
этом, я старалась избе-
жать ужасных подро-
бностей. Но я их не за-
была. Прошло много
лет, а они продолжают
являться мне во сне"**

Партизаны, бейте врага без пощады!

В партизанском отряде. Постановка задачи перед боем

Гремел бой

Константин Сидякин, партизанский "батька": "Мы не позволяли беспрепятственно проходить через наш район ни одному немецкому эшелону. "Каждый поезд должен быть взорван!" — таков был наш девиз... И я горжусь, что нам, отряду из 13 человек, удалось взорвать многие из них"

"Подарки" врагу

Партизанский дозор

Партизаны уходят на задание

Переход к болоту

Алексей Артамонов, художник: "Все, что помню, я, художник, стараюсь воплотить в своем творчестве, полностью посвящая его служению на благо мира"

Петр Калиновский. Пятнадцатилетним парнем он захватил в плен офицера СД, который оказался руководителем истребительной команды

Короткая передышка перед новым броском вперед

Achtung! Partisanengefahr!

Betreten westlich der Strasse
Karatschew-Resseta für Zivil
und Militär streng verboten.

Wer angetroffen wird, wird
erschossen.

Ortskommandantur
Karatschew.

ВНИМАНИЕ!

ОПАСНОСТЬ - ПАРТИЗАНЫ!

Строго воспрещается для гражданского насе-
ления, а также военным появляться в
районе западнее дороги Карачев-Ресета.

Всякий, кто появляется в запретном районе
будет расстрелян.

Местная комендатура Карачев.

Внимание! Опасность — партизаны! Строго воспрещается для гражданского населения, а также военным появляться в районе западнее дороги Карачев — Ресета. Всякий, кто появляется в запретном районе, будет расстрелян.
Местная комендатура. Карачев

Они стреляли по немецким солдатам... Все трое были повешены. Автора этих фотографий, немецкого солдата, нашли замерзшим под Сталинградом. Фотографии лежали в его солдатской книжке вместе с портретом матери

Товарищи помогают раненым
В походе

Иван Захаров: "Три месяца подряд мы сражались против трех немецких дивизий, получивших задание уничтожить нас, и сражались успешно. Я считаю, что партизанское движение в нашей стране отличалось двумя важнейшими особенностями: его широко поддерживал народ и оно было мобильным"

Связные рассказывают о новостях с фронта

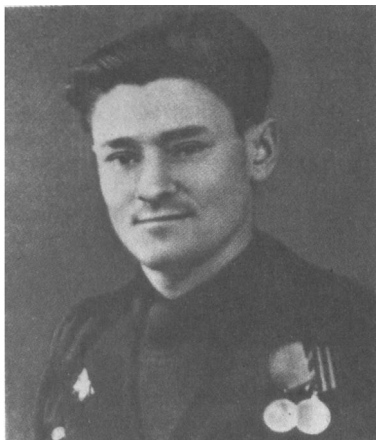

Геннадий Юшкевич: "Мне тогда было 12... Когда я явился к командиру, тот объяснил, что детей в отряд не берут... Я твердил, что хочу отомстить за мать. В конце концов меня взяли на испытание. Я гордился тем, что принадлежу к отряду народных мстителей"

Газета рассказывает о новостях с фронта

Александр Бутрик: "Все, кроме дорог, находилось во власти партизан"

Любовь Шечкова. Она награждена двумя орденами Красной Звезды и медалью "За отвагу"

Письма домой

Небольшой привал, и надо привести себя в порядок

Короткий отдых

— Насколько я помню, самолет Аэрофлота должен был вылететь в Киев около половины второго ночи. Но полет отложили часа на два. Затем еще на семь часов.

— Кто вас сопровождал?

— Александр.

— В конце концов вы вылетели лишь около половины третьего дня — вылет откладывался еще один раз. Чем объясняется такая задержка?

— Безопасностью пассажиров. Мне сказали, что в Советском Союзе к каждому полету готовятся с большой тщательностью. В Киеве посадка производилась в автоматическом режиме: был густой туман. Мы заметили посадочную полосу лишь тогда, когда ее уже коснулись колеса самолета. Признаюсь, было страшновато.

— Как вел себя Александр в этой ситуации?

— Полагаю, что он испытывал примерно те же чувства. Во всяком случае, он был бледен, хотя внешне и спокоен.

— В Киеве у вас были какие-нибудь встречи?

— Да. Мне запомнилась, например, встреча с Галиной, переводчицей "Интуриста", кстати, женщиной очень красивой. Мы совершили с ней экскурсию в Киево-Печерскую лавру. В разговоре коснулись вопроса о том, почему на Руси победила православная, а не какая-нибудь иная церковь. Галина показала мне возвышающийся на берегу Днепра памятник князю Владимиру Святославичу и рассказала следующее:

— В 988 году Владимир Святославич размышлял, какую единую религию ввести на Руси: ислам "допускает многоженство, но запрещает вино" — и князь посчитал его непригодным для склада жизни русичей. Католицизм, напротив, разрешает вино, но проповедует аскетизм в отношении к женщине, поэтому тоже не подходил. Оставалось лишь православие, которое допускало "и то и другое в меру".

Собственно, разговор с Галиной не был в полном смысле слова диалогом. Как профессиональный гид, она говорила быстро и почти без пауз, подробно рассказывала о достопримечательностях города. Я, однако, заметил, что эта работа для нее не обремени-

тельна, она выполняла ее охотно, с удовольствием, и в ее голосе звучала нескрываемая гордость за свой город.

Действительно, Киев красив. Ни одной улицы без каштанов. На левом берегу Днепра на песчаных почвах особым способом возводятся новые жилые кварталы. Дома высокоэтажные, типовые, но они не навевают грусти. Повсюду — утопающие в цветах балконы, обвитые плющом фасады, между домами — пышные скверы, где киевляне любят отдохнуть и поговорить. Ничего подобного я прежде нигде не видел. И вся эта красота сотворена руками самих горожан, населяющих новые районы.

— Имеются и другие оценки социалистического жилищного строительства. Если я не ошибаюсь, вы сами...

— Думаю, мы не решим здесь этот вопрос дискуссионным путем. Да и высотное строительство не является социалистическим или капиталистическим. Главное, для кого дома строятся и как эксплуатируются, а на берегу Днепра как раз это мне понравилось.

В тот же день мы посетили Софийский собор, прекрасное творение архитектуры. Здесь Галина остановилась, приумолкла, задумалась. Вид у нее был почти торжественный. Но, вероятно, не потому, что мы стояли у собора: не думаю, что Галина религиозна, скорее всего, она коммунист.

Вдруг она сказала: "Это было жестокое время..."

— Она имела в виду оккупацию Украины национал-социалистами, события того времени?

— Нет. Она имела в виду другие события, происшедшие задолго до того. Однако, как и последняя война, эти события также были трагическими, и, кто знает, может быть, они тоже остались в сознании русских. Арабский историк Ибн аль-Асир писал об этих событиях: "Со дня сотворения мира для человечества не было более ужасной катастрофы и не будет такой уже до конца мира, до Страшного суда..." Речь идет о нашествии монголо-татар. Сквозь века дошла до нас запись: "От Киева ничего не осталось". Число жителей города тогда сократилось с 60 тысяч до двух тысяч человек, сказала мне Галина.

В народной песне того времени поется: "У кого нет денег, у того берут ребенка, у кого нет ребенка, у того берут жену, а у кого нет жены, того самого берут в плен".

Приведу в дополнение слова летописца XIII века: "Кровь наших отцов и братьев текла, как вода, и поила землю. Много наших братьев и детей попали в плен, кустарником заросли наши деревни, головы наши поникли, красота наша потускнела, нашим богатством, нашим трудом пользовались поганые, наша земля стала собственностью чужеземцев..."

Надо учитывать, что господство монголо-татар продолжалось около 250 лет, что их продвижение на запад было остановлено лишь под Оломоуцем, в Чехии. И именно русские предотвратили разрушение Западной Европы, заплатив за это собственной кровью, собственной жизнью и собственным богатством...

Монголо-татарское нашествие отбросило молодое Русское государство в развитии на несколько столетий назад. Сегодня многие на Западе забыли об этом.

Я сейчас не припомню, как точно называлась та улица. Типичная киевская улица с крутым подъемом, по обеим сторонам плотные ряды каштанов, за деревьями — старый жилой дом.

Валентина Осьмак открыла дверь. Ей было лет 40. Она произвела на меня впечатление женщины серьезной и вместе с тем очень приятной. Как выяснилось в разговоре, по профессии она театральная критик. Она рассказала мне, как в июне 1941 года бомбили Киев и какие наступили потом тяжелые дни. Ее семью преследовало гестапо — отец Валентины был офицером. И еще она рассказала мне о том, что такое Бабий Яр.

На этом следовало бы остановиться подробнее, хотя все это и давняя история. Во имя объективности приведем отрывки из документов Нюрнбергского процесса 1945 — 1946 годов.

Помощник Главного обвинителя от СССР Смирнов:

"Я зачитаю один абзац из документа, который уже представлен трибуналу под № СССР-9 и в котором идет речь о докладе Чрезвычайной Государственной

Комиссии о преступлениях немецко-фашистских захватчиков в городе Киеве. Я начну со следующей цитаты:

”...Гитлеровские бандиты согноли 29 сентября 1941 г. на угол улиц Мельника и Доктеревской тысячи мирных советских граждан. Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а затем расстреляли. Проживающие вблизи Бабьего Яра граждане Н. Ф. Петренко и Н. Т. Горбачева рассказали о том, что они видели, как немцы бросали в овраг грудных детей и закапывали их живыми вместе с убитыми и ранеными родителями. Было заметно, как земля шевелилась от движения еще живых людей...”

— Извините, я вас перебую... Я не ошибаюсь, вы цитируете подлинный протокол? Да? Если так, продолжайте, пожалуйста...

— Помощник Главного обвинителя от СССР Смирнов:

”Таким образом, это были не отдельные случаи, а система. Насаждая бесчеловечный террор по отношению к детям, главари германского фашизма понимали, что эта форма устрашения будет особенно ужасна для оставшихся в живых. Сострадание к слабым и беззащитным является неотъемлемым свойством человечности. Умерщвляя особенно жестокими способами детей, немецко-фашистские злодеи показывали мирному населению, что нет преступлений, перед которыми остановились бы они при ”замирении” оккупированных районов.

Дети не просто разделяли участь своих родителей. Зачастую так называемые массовые ”акции” немцев обрушивались непосредственно на них. При этом детей насильственно отделяли от родных, сосредоточивали в одном месте, а затем умерщвляли...”

— Теперь я понял. Именно об этом говорила вам Валентина. Будьте любезны, прочитайте мне еще несколько отрывков из этих документов...

— Охотно.

Помощник Главного обвинителя от СССР Смирнов:

”Из предъявляемого далее Суду Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Киеву видно, что в Бабьем Яру во время этой чудовищной

так называемой "массовой акции" немцами были расстреляны не 52 тысячи, а 100 тысяч человек.

Страшная резня и погромы были учинены немецкими захватчиками в украинской столице — Киеве. За несколько дней немецкие бандиты убили и растерзали 52 тысячи мужчин и женщин, стариков и детей, безжалостно расправляясь со всеми украинцами, русскими, евреями, чем-либо проявившими свою преданность Советской власти. Вырвавшиеся из Киева советские граждане описывают потрясающую картину одной из этих массовых казней: на еврейском кладбище города Киева было собрано большое количество евреев, включая женщин и детей всех возрастов; перед расстрелом всех раздели догола и избили..."

— Вы не возражаете, если мы вернемся к этой теме немного позже? А сейчас расскажите мне, пожалуйста, как прошел ваш первый вечер в Киеве.

— Я провел его в кругу новых знакомых, и, конечно, за столом. Поднимали тост за Богдана Хмельницкого, за Ярослава Мудрого... Рядом со мной сидел Виталий Москаленко. Он журналист. Виталий молод и войны не видел, но знает о ней много. Один его дед получил на фронте ранение и стал инвалидом, другой вернулся с войны белый как лунь. Его родители жили на оккупированной территории. Им было что рассказать сыну о тех временах. Виталию все это так близко, что кажется, будто он сам пережил войну и нет для него ничего дороже мира.

Другая Валентина, с которой мне довелось познакомиться, — актриса. Ее фамилия Кошелева. Она из семьи горняков. В конце войны ей было всего три года, но кое-что из того периода она хорошо помнит, особенно голод. "В войну я потеряла всех своих близких, кроме отца, — рассказывала мне Валентина. — Но и отец был тяжело болен. В течение 15 послевоенных лет он был прикован к постели. Я за ним ухаживала..."

Валентина спешила в театр, на репетицию, и нам пришлось расстаться. А на прощание она сказала: "Только тот, кто не любит цветы, свет и солнце, может желать войны..."

— Очень поэтично...

— Возможно. Но меня удивило другое: в глазах Валентины Кошелевой я видел слезы. Это значит, что и почти через 40 лет после войны она все еще глубоко потрясена...

— Может быть, вернемся к документам? Они меня очень заинтересовали.

— Что ж, пожалуйста.

Помощник Главного обвинителя от СССР Смирнов:

”Я предъявляю Суду под № СССР-9 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Киеве:

”Немецкие палачи с первых же дней захвата Киева проводили массовое истребление населения путем истязаний, расстрелов, повешения, отравления газом в ”душегубках”. Людей хватали прямо на улицах, расстреливали большими группами и в одиночку. Для устрашения населения вывешивались объявления о расстрелах...”

Прошу Суд принять в качестве доказательства фотостат объявления под № СССР-290. Текст этого объявления гласит:

”В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева... Каждый житель Киева является ответственным за акт саботажа.

Киев, 22 октября 1941 года. Комендант города”.

Под № СССР-333 я представляю фотостат третьего, и последнего по Киеву, объявления:

”Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам.

Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева.

Каждый житель Киева обязан о каждом подозрительном случае немедленно сообщать немецкой полиции.

Я буду поддерживать порядок и спокойствие в Киеве всеми мерами и при всех обстоятельствах.

Эбергард, генерал-майор, комендант города.

Киев, 2 ноября 1941 г.”

— Отвлечемся немного в сторону. Будучи в Киеве,

вы остановились в гостинице "Днепр". Расскажите, пожалуйста, как вам там жилось.

— Гостиница "Днепр" находится в конце главной улицы Киева — Крещатика. Публика здесь интернациональная: американцы, англичане, канадцы, латиноамериканцы, арабы, немцы из Федеративной республики, очень много людей с Запада. Что касается удобств, то в моем номере горячей воды не было. Обслуживание нельзя оценить однозначно. Так, например, среди дежурных по этажу одна молоденькая украинка всегда приветливо улыбалась мне, другие же — пожилые женщины — выполняли свои обязанности, не выражая никаких чувств, лица у них были какие-то неподвижные.

В ресторане я обратил внимание, что на столике рядом с нами стоит канадский флажок.

За этим столом обедал один и тот же канадец, грузный пожилой мужчина. С официантами он разговаривал на украинском языке. Глядя на него, я подумал, что это, по всей вероятности, украинский эмигрант. О судьбе одного из них, быть может, очень похожей на судьбу "моего" канадца, мне рассказывал Виталий Коротич, киевский писатель: этот украинец в 1939 году после воссоединения Западной Украины с Советской Украиной покинул свою страну и уехал в Канаду. Спустя почти 40 лет он в качестве туриста побывал на своей родине.

Он жадно вглядывался в лица людей, смотрел на дома, на город и ничего не мог понять. Все было чужое. Жизнь на Украине представлялась ему трагедией. Его дочь, напротив, восприняла все увиденное спокойно. А пока отец грустил об Украине своей юности, дочь... влюбилась в украинца, беспрестанно общалась с киевлянами. Многое узнала она об ужасах войны, о том, как опустошила война этот богатый край и как, преодолевая трудности, советские люди восстанавливали свою страну.

Именно эту историю я вспомнил, когда смотрел на флажок с кленовым листом.

Коротич положил ее в основу киносценария. Работая над ним, писатель просмотрел множество кадров хроники, где запечатлен Киев накануне войны. Кра-

сивые, веселые люди гуляют по киевским бульварам. Они не подозревают, какая беда надвигается на них, ведь для всякого нормального человека война — всегда неожиданность.

Сам Коротич в конце войны пришел пешком из родной деревни в Киев. 200 километров преодолел он тогда, пятилетний мальчик. Я до сих пор слышу его слова: "Многие сегодняшние сорокалетние остались без детства. Я видел, как фашисты убивали людей, поджигали дома. Убийство было для них своеобразной игрой. Но вместе с тем я помню, как однажды пожилой немецкий солдат подозвал меня, погладил по голове и дал кусок хлеба. "Зачем война, зачем война?" — горько повторял он. Потом отошел в сторону, что-то бормоча про себя".

Мы с Коротичем ровесники. Возраст один и тот же. А опыт?

В конце войны я с матерью и братом, которому был один год, жили в маленьком городе Нойроде, в тогдашней Силезии. Мы переселились туда из Рейнской области года за три, спасаясь от бомбежек. В наш дом попала бомба. Но нам повезло: бомба не пробила подвал, и мы остались невредимыми. Остались ли? Родители, только обжившись, должны были сниматься с места, отец не мог больше избежать призыва в армию, а мы с матерью двинулись в путь. Мать была родом из Силезии, так мы оказались в Нойроде. Но я помню себя еще раньше, когда мне было чуть больше двух лет. Помню пылающие улицы, едкий дым, застилавший все вокруг. Помню красные языки пламени, сирены, бегущих людей.

Когда мне исполнилось пять лет, для меня тоже началось длинное путешествие. Не все его вынесли. Мы шли пешком 700 километров в длинной, бесконечной колонне немецких беженцев.

— Я поражаюсь, слушая вас. Складывается впечатление, будто вы находитесь по ту же сторону, что и герои вашего рассказа, будто на немцах лежит вся вина, а русские окружены ореолом величия.

— Это не совсем так. Попытаюсь пояснить: люди были охвачены страхом. Страхом перед тем, что идут русские. Ни о чем другом они не думали. Только об

одном: русские идут. И мы, как многие, взяли с собой кое-какие пожитки и отправились в путь.

Мы тащились в бесконечной колонне беженцев, ночевали в покинутых домах, голодали. В те дни я часто видел слезы на глазах у матери...

Русских мы встретили лишь однажды. Колонне было приказано остановиться, мы решили, что все будем расстреляны. Многие плакали и причитали. Но я, сам не знаю почему, не испытывал страха. Мать извлекла из детской коляски пачку сигарет (видно, она хранила их там на всякий случай) и послала меня к солдатам раздать им сигареты. Я дал каждому по сигарете — сколько хватило. Солдаты заулыбались, а один даже погладил меня по голове. И лишь один солдат — правда, он был в другой форме, — взяв у меня из рук сигарету, не улыбнулся. Это был поляк. Сегодня я, конечно, знаю, что ни у русских, ни у поляков не было тогда оснований обращаться с немцами вежливо. Сегодня я знаю, что тогда мы были на волоске от смерти. Русские искали нацистских офицеров, скрывавшихся в колонне беженцев, — незадолго до этого эсэсовцы расстреляли большую группу поляков.

Очевидно, поляк и настоял на том, чтобы проверить колонну, убедиться, что в ней лишь невинные гражданские лица.

А теперь позвольте процитировать еще один документ.

“...Убийствам часто предшествовали садистские истязания. Архимандрит Валерий сообщил, что фашисты до полусмерти избивали больных и слабых людей, обливали их на морозе водой, а затем пристреливали в немецком полицейском застенке, находившемся в Киево-Печерской лавре...”

Я позволю себе специально обратить внимание Суда на то, что Киево-Печерская лавра — это один из древнейших архитектурных памятников Советского Союза, что это особо охраняемая культурная ценность, близкая сердцу советских людей, ибо это вещественная память древности...”

— Я надеюсь, вы еще расскажете мне о вашей последней поездке по Советскому Союзу, особенно меня интересует ваша встреча с партизанским командиром Алексеем Федоровым, с партизанами-взрывниками Клоковым и Тутушенко, а также ваше посещение офицерских курсов "Выстрел". Но прежде я прошу вас закончить рассказ об акции "Киев".

— Хорошо.

Помощник Главного обвинителя от СССР Смирнов:

"...Для того чтобы понять объем этих злодеяний, я прошу судей обратиться к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии, уже предъявленному Суду под № СССР-9:

"В Киеве замучено, расстреляно и отравлено в "душегубках" более 195 тысяч советских граждан, в том числе:

1. В Бабьем Яру — свыше 100 тысяч мужчин, женщин, детей и стариков.

2. В Дарнице — свыше 68 тысяч советских военнопленных и мирных граждан.

3. В противотанковом рву у Сырецкого лагеря и на самой территории лагеря — свыше 25 тысяч советских мирных граждан и военнопленных.

4. На территории Кирилловской больницы — 800 душевнобольных.

5. На территории Киево-Печерской лавры — около 500 мирных граждан.

6. На Лукьяновском кладбище — 400 мирных граждан...

...В 1943 году оккупанты, чувствуя непрочность своего положения в Киеве, стремясь скрыть следы своих преступлений, раскапывали могилы своих жертв и сжигали их. Для работы по сжиганию трупов в Бабьем Яру немцы направляли заключенных из Сырецкого лагеря. Руководителями этих работ были офицер СС Топайде, сотрудники жандармерии Иоганн Мэркель, Фохт и командир взвода СС Рэвер".

Свидетели Л. К. Островский, С. Б. Берлянд, В. Ю. Давыдов, Я. А. Стеюк, И. М. Бродский, бежавшие из Бабьего Яра 29 сентября 1943 года, показали:

"В качестве военнопленных мы находились в Сырецком концлагере, на окраине Киева. 18 августа нас

в количестве 100 человек направили в Бабий Яр. Там нас заковали в кандалы и заставили вырывать и сжигать трупы советских граждан, уничтоженных немцами. Немцы привезли сюда с кладбища гранитные памятники и железные ограды. Из памятников мы делали площадки, на которые клали рельсы, а на рельсы укладывали, как колосники, железные ограды. На железные ограды накладывали слой дров, а на дрова — слой трупов. На трупы снова укладывали слой дров и поливали нефтью. С такой последовательностью трупы накладывались в несколько рядов и поджигались... В каждой такой печи помещалось до 2500 — 3000 трупов. Немцы выделили специальные команды людей, которые снимали с трупов серьги, кольца, вытаскивали из челюстей золотые зубы. После того как все трупы сгорали, закладывались новые печи, и т. д. Кости трамбовками разбивали на мелкие части. Пепел заставляли рассеивать по Яру, чтобы не оставалось никаких следов... Для ускорения работы немцы применили экскаватор. С 18 августа по день нашего побега — 29 сентября — было сожжено примерно 70 тысяч трупов”.

Должен сказать, что этот этап новейшей украинской истории мне был известен еще до поездки в СССР. Но здесь, в Киеве, практически в любом разговоре возникала тема фашистских преступлений. Как же советские люди преодолели все это, как погасили ненависть, жившую в них в годы войны? Ибо я ни разу не почувствовал враждебности с их стороны.

— И у вас нет никаких сомнений?

— Никаких. В памяти у меня сохранилась еще одна беседа — с Александром Чангули, секретарем Украинского отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

Чангули — украинец, а вы помните, какое горе принесли немцы на украинскую землю — я читал вам отрывки из протоколов заседаний Нюрнбергского военного трибунала. Так вот, в заключение беседы с Александром Чангули, когда о многом уже было переговорено, я прямо, без обиняков спросил его мнение о немцах вообще и об одном из немецких государств — о Федеративной Республике Германии. И вот что я услышал в ответ:

— Наша цель — пробудить у разных народов интерес друг к другу, преодолеть отчужденность между ними. В Киеве, первом из советских городов, была проведена выставка "Взгляд на Федеративную Республику Германии". Мы хотели, чтобы посетители увидели вашу страну во всем ее многообразии. Но это еще не все. Организовывая конкурс для молодежи, мы включили в анкету вопрос: "Что ты знаешь о Федеративной Республике Германии?"

Я спросил его:

— А сами вы интересуетесь Германией?

— Да, конечно. Мой дедушка после войны был одним из ближайших помощников первого коменданта Берлина. Он-то и пробудил во мне интерес к Германии. Моя мать участвовала в освобождении Германии в составе союзнических войск. Она работала в совместной советско-американской комиссии, которая занималась ликвидацией концлагерей. Таким образом, она была среди тех, кто первыми увидел, какие преступления совершались в этих лагерях. Она рассказывала мне об увиденном. Я испытал невероятное потрясение. Оно не прошло для меня бесследно...

Да, наш народ, наша страна были глубоко изранены войной. Есть раны, от которых мы до сих пор не оправились. Поэтому-то война для нас нечто безумное, противоречащее человеческой природе. У нас выработалось и глубоко укоренилось сознание необходимости исключить войну из жизни — любыми средствами...

Здесь мне хотелось бы вспомнить еще об одной очень важной встрече — встрече с генерал-полковником Давидом Абрамовичем Драгунским, которая состоялась у нас под Москвой.

Итак, Москва. Дождливое осеннее утро. За мной в гостиницу заезжают на черных "Волгах" два советских офицера, полковники. Один из них говорит по-немецки. Он приглашает меня в машину. Мы едем на известные офицерские курсы "Выстрел". Едем по большому шоссе Москва — Ленинград. Минуем памятник Обороне Москвы — на месте, до которого дошла гитлеровская армия, установлены противотанковые ежи.

У входа на офицерские курсы меня уже ожидают.

Спереди пристраивается "джип" со спецсигналом. Едем на довольно большой скорости. Встречные солдаты отдают нам честь.

В программу включен осмотр всех технических классов с устройствами, имитирующими боевую обстановку: танки, пушки, электронные приборы наведения. Офицеры, подтянутые, с молодежательной выправкой, показывали мне все это с видимым удовольствием. Потом меня провели к электронному тренажеру для мотострелков. Солдат, который должен был продемонстрировать мне свое искусство, никак не мог попасть в цель: то ли волновался, то ли был не в форме. Сопровождавший меня офицер не выдержал, сам взял в руки электронную винтовку и два раза выбил "восьмерку". Затем с улыбкой протянул мне оружие. Что же мне оставалось делать, как не подчиниться? Ведь я гость, да и заряды не настоящие! Бог даст, мои друзья-пацифисты никогда не узнают, что я принимал участие в учебных стрельбах в советской офицерской школе. Я дважды выбил "десятку". Наверное, потому, что на ярмарке в Кельне — Мюльхайме, когда представится случай, стреляю по бумажным цветкам или тряпичным куклам, рассуждаю я вслух. Офицеры смеются, и я получаю памятную медаль. Она, как мне объяснили, дает право побывать на офицерских курсах "Выстрел" еще раз.

Меня принимает дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Драгунский, начальник курсов "Выстрел". Ему далеко за семьдесят; во время войны он командовал танковым полком.

Генерал-полковник поднимает бокал и говорит:

— У нас нет ненависти к немцам, но мы ненавидим войну. Я, например, воспринимаю мир как некое живое существо.

Слушая Драгунского, я вспоминаю слова другого генерала — Александра Хейга, изрекшего: "Есть вещи поважнее мира".

Драгунский рассказывает:

— У нас дома все мужчины были портными. И я хотел пойти по стопам отца. Но пришла Октябрь-

ская революция, меня призвали в армию. Я вступил в комсомол, после армии пошел учиться.

Генерал-полковник рассказывает обо всем, и даже о войне, неторопливо, спокойно, эпически, но от этого его слова кажутся еще веселее.

— Во время освобождения Польши Советская Армия потеряла более 600 тысяч солдат, — говорит он. — Четверо моих братьев пали на войне. А сестра и родители были расстреляны фашистами только за то, что были евреями.

Но не похоже, чтобы генерал-полковника Драгунского обуревало чувство мести.

— Я не знаю ни одного советского человека, — говорит генерал, — который хотел бы войны.

После беседы мне предлагают побывать в одном из учебных классов, где обучаются офицеры от старшего лейтенанта до майора. Меня сопровождает седовласый, хотя довольно молодой генерал-лейтенант. Этот дружелюбный, любезный человек — политический руководитель школы. Слушателям не более 40 лет. Войны они не пережили. Но пострадали их родные. Едва ли не каждый из них потерял в войну кого-нибудь из близких. Один из офицеров в беседе со мной упомянул, что его воинская часть находится на месте, где нацисты уничтожили 30 тысяч мирных граждан.

..Расставаясь с генерал-полковником Драгунским, я задаю ему последний вопрос:

— Почему вы после войны остались на военной службе?

— Собственно говоря, — отвечает он, — я не помышлял об этом. Мечтал демобилизоваться, уехать в какую-нибудь глухую сибирскую деревню, поселиться там, в тишине. Я не мог больше выносить никакого шума. Но тут началась "холодная война". Я понял, что еще не пришло время снимать погоны, что новая угроза нависла над нашей страной. И я решил передать все свои знания молодым офицерам...

— Продолжайте...

— Мне хотелось бы снова мысленно вернуться в Киев...

Листья на каштанах еще не опали, но мелкий дождь и туман, окутавший землю, не оставляли сомнений в том, что вот-вот придет зима. Такой вечер лучше всего провести за интересным разговором... На сей раз мой собеседник — Алексей Федоров. Людей, подобных Федорову, дважды удостоенных звания Героя Советского Союза, в СССР не так уж много. Он говорил об успехах советского народа накануне войны, о том, как предполагалось их закрепить. Никто тогда не думал, что очень скоро эти достижения придется защищать от врага. Оккупанты сметали все на своем пути. Украине гитлеровцы нанесли особенно значительный урон.

Шестеро пожилых мужчин, пришедших на встречу со мной вместе с Федоровым, были в числе тех, кто тогда не дрогнул. Эти шестеро были партизанами, Федоров — командиром областного соединения украинских партизан.

— Мы стали партизанами, — начал Федоров, — потому что выбирать не приходилось. До войны у каждого из нас были свои личные планы, планы мирные. Война в один день разрушила их. Я жил в большой семье. В живых осталось три человека: отец, жена и я. Мы, партизаны, особенно ненавидим войну...

В разговор вступает Тимофей Гнедыш, врач. До войны он работал в Новосибирске главврачом больницы. Когда началась война, попросился на фронт.

— Меня доставили на самолете прямо к товарищу Федорову, — рассказывает Тимофей Гнедыш. — Я хирург. Приходилось оперировать тяжелораненых при двадцатиградусном морозе в лесу. Мы боролись за жизнь каждого, возвращали людям здоровье, чтобы они могли воевать дальше. К сожалению, о врачах-партизанах написано немного. Этот пробел предстоит еще восполнить.

Тимофей Гнедыш продолжает:

— Следует сказать, что среди партизан, принимавших участие в освобождении Украины, были представители 63 национальностей.

Мои сегодняшние собеседники — Федоров, Гнедыш, Дрожжин, Квитинский, а также Всеволод Клоков и Семен Тутученко были в одном отряде.

Тутученко, худощавый мужчина лет 60 с небольшим, рассказывал:

— После нападения фашистов меня призвали в армию. Уже в первые дни войны я был ранен. Наши войска отступали, я из-за ранения был вынужден отстать от своих. Выздоровев, я ушел к партизанам...

”Кто же эти люди на самом деле? — думал я, слушая их. — Настоящие воины или, может быть, искатели приключений?” Наблюдать за людьми, отгадывать, чем занимаются, читать их мысли вошло у меня в привычку. Глядя на собравшихся сегодня ради меня товарищей, я вряд ли смог бы определить, что они — бывшие партизаны. Одно только меня поразило, общее для всех шестерых: исходящая от них уверенность, большая уверенность, рожденная сознанием собственной силы. Без заносчивости и без лишних слов.

— Профессия у меня мирная, — продолжал Тутученко, и лицо его озарила улыбка. — Я архитектор. Незадолго до войны закончил институт, начал самостоятельно работать. В Москве в это время создавалась сельскохозяйственная выставка. Мне поручили строительство одного из павильонов. Это был павильон рыбной промышленности. Я работал с увлечением, и, кажется, мой замысел удался. Меня поздравляли, прочили большое будущее. — Улыбка на губах Тутученко тает. — Во время войны я часто думал о дорогах, которые собирался прокладывать как раз в тех местах, где пришлось партизанить.

Тутученко воевал под командованием Клокова. Группе Клокова поручались особые задания, главным образом подрывные. Не парадокс ли: архитектор Тутученко стал специалистом по взрывам.

— Порою я испытывал буквально физическую боль от того, что приходилось взрывать то, что возводили мои коллеги. Разве есть на свете что-либо более несовместимое, чем созидание и разрушение?! — воскликнул Тутученко.

Всеволод Клоков вспоминает историю, которая его особенно взволновала:

— Собственно говоря, это было обычное задание, одно из многих: взорвать эшелон с продовольствием. Гитлеровская охрана была вооружена пулеметами

Бои за Киев

Дети-узники (из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии)

На берегу Днепра ... 1943 год

Встреча воинов-победителей

Москва. Май 1945 года. День Победы!

Парад Победы на Красной площади в 1945 году

Нюрнбергский процесс: суд над военными преступниками

Бывший узник Бухенвальда Степан Бакланов (справа)

и пушкой, однако нам удалось подложить мину. Каково же было наше недоумение, когда поезд благополучно миновал опасное место! Мина не взорвалась. Тут же, на ходу, приняли решение: обстрелять его. Охрана разбежалась. Мы осмелели. Раздвинули двери вагонов. И что же мы увидели? В вагонах оказались русские девчата, которых отправляли в Германию. Подумать только — какой случай, ну прямо-таки чудо, что мина не взорвалась. Почти все девчата стали проситься в отряд. Некоторых из них отговорить нам так и не удалось, и они стали партизанами.

— Вижу, эта история вас взволновала, — комментирует мой рассказ собеседник.

— Да, она меня тронула, и прежде всего потому, что я слышал ее из уст очевидцев.

Уверен, ни один из федоровской "шестерки" никогда не стал бы запугивать тех, кто слабее их. Сильные и здоровые, они защитники, а не устрашители. Впрочем, для этой страны сильные мужчины и женщины вовсе не редкость.

На память о встрече Федоров, Клоков и Тутученко подарили мне свои книги. И хотя эти авторы у нас в стране неизвестны, их книги — своеобразная награда для библиофила. Русским языком я не владею, и мне пришлось попросить сопровождающего Александра перевести их названия. Одна книга, скромная, в простом переплете, называлась "12 березок". Ее автор Семен Тутученко. Книга состоит из 12 глав, посвященных 12 женщинам-партизанкам. Есть также их фотографии. Очень разные это женщины: строгие и по-матерински нежные, смешливые и симпатичные, совсем молоденькие и постарше. Одна девушка — с темными локонами, другая — блондинка, с широким русским лицом, третья — мужественная, с петлицами командира, четвертая, на вид самая женственная, укуталась в пятнистую шаль, пятая — голубоглазая, настоящая красавица... Что с ними стало, какими вышли они из войны? А может быть, кого-то из них уже нет в живых?..

Мне могут возразить: дескать, все это было давно. Верно, давно. Но война подобна чуме. В далекие вре-

мена так оно и было: война непременно сопровождалась чумой. Борься против чумы человек научился. Неужели против войны он не найдет никакого средства? Ведь жизнь сама по себе противостоит войне. Часто сталкиваюсь я с рассуждениями: жить хочется всем, а кто хочет жить, тот, мол, и против войны. Это стало общепринятым понятием. Но почему же сегодня продолжает существовать угроза миру? Сегодня, когда новая война может привести к уничтожению всего человечества! Быть может, причина этому не экономика, а управляющие ею люди-манекены, в которых нет жизни, хотя они дышат, едят, пьют и управляют другими. Эти люди не умеют любить!

Что они защищают? Банковские капиталы? Или свою власть? Думаю, они равнодушны к судьбе нашей планеты, и, даже если она разлетится на куски, они не пожалеют, что покидают этот мир, озаряемый адским пламенем атомного взрыва.

АМУР

...Над Амуром все еще бушевала буря. Это были отголоски тайфуна, пришедшего с Японского моря. Уже смеркалось, когда мы пришли в хабаровский Дом дружбы. Нас встречали Сергей Степанович Травкин, председатель Хабаровской секции Советского комитета ветеранов войны, который работает в бюро по туризму и экскурсиям; Михаил Федорович Паньков, Герой Советского Союза, строитель; Наталья Григорьевна Кудрявцева, бывшая школьная учительница, и Николай Дмитриевич Наволочкин, писатель и главный редактор журнала "Дальний Восток".

Вот что они рассказали.

Михаил Паньков:

— Когда вспыхнула война, я никак не мог это осознать — ведь был подписан "пакт о ненападении" между тогдашней Германией и Советским Союзом. Но очень скоро война для меня стала реальностью. На фронт я попал в 1942 году, в 18 лет, со школьной скамьи. Воевал в расчете противотанкового орудия. Как говорится, смотрел смерти в лицо. Сегодня,

когда меня просят поделиться своими воспоминаниями, я обычно рассказываю о том, как на нас шли 16 немецких танков, а сверху сыпались листовки с лозунгами "Германская армия непобедима!". В конце их неизменно стояло одно слово: "Сдавайтесь!" Нам удалось подбить 10 танков из 16. Но в этом бою погибли 12 наших товарищей. Мы захоронили их в одной братской могиле. Дело даже не в собственно военных потерях. Фашисты массово уничтожали и мирное население. Но в немецком народе мы разделяем друзей и недругов. После войны я был знаком с двумя немецкими военнопленными. Они принадлежали к тем, кто ненавидел войну. Вместе с тем не секрет, что и сегодня в Западной Германии есть люди, которые снова пошли бы с мечом против моей страны, была бы у них такая возможность. Вот уже 30 лет я работаю строителем. В прямом смысле участвую в созидании. А для созидания нужен только мир. Простым людям во всем мире война не нужна.

Сергей Травкин:

— В школе нам много рассказывали о Германии. Мы знали, что там сильный рабочий класс. Мы считали, что немецкие рабочие не позволят правящим кругам развязать войну против Советского Союза. Не верилось, что немецкие рабочие могут пойти против первого государства рабочих с оружием в руках. Как же наивны мы были! В самом начале войны нам удалось взять в плен одного немецкого солдата. Оказалось, что он рабочий. Но Советский Союз он ненавидел люто, как ненавидели нашу страну настоящие фашисты.

Позже я воевал в 62-й армии в Сталинграде. Мы дрались в почти вымершем городе за свою Родину. Даже фашистские газеты поражались мужеству защитников Сталинграда.

Война шла год за годом, и к нам приходила зрелость. Мы видели, как враг разрушал нашу страну и убивал наших людей. Под Смоленском фашисты сожгли мою сестру с ребенком. Ярость вела меня и моих товарищей в бой. Но ненависть не стала в нашей армии преобладающим чувством. Мы часто повторяли знаменитые слова Сталина о том, что гитлеры прихо-

дят и уходят, а народы остаются, как останется и немецкий народ.

Помню, в конце войны мы окружили немецкую часть. Могли бы ее уничтожить, но не хотели бессмысленно уничтожать людей. Эту мысль командиры внушали нам постоянно. В этом и состояло различие между началом войны и ее концом. Это было своего рода воспитание в духе мира. Воспитание в духе мира в разгар войны...

Сейчас я занимаюсь организацией туризма. Мирное занятие, не правда ли? Может быть, именно поэтому я его для себя и выбрал. Моя жена и дочь — врачи. Мы любим свою работу, любим вместе отдыхать, выходные дни проводим на даче. Главное — чтобы этому ничего не помешало.

Николай Наволочкин:

— Я родился в 1922 году. Не многие из моего поколения остались в живых. В войну я был радистом; после войны написал книгу "Радисты пошли". Ее издали большим тиражом, и я надеялся, что ее прочитают мои фронтовые товарищи. А прочитав, откликнутся. Но не пришло ни одного письма. Видно, не осталось ни одного из них на белом свете, да только для меня все они — живые. Я слышал, что вы тоже написали антифашистскую книгу. Что побудило вас обратиться к этой теме?

Я ответил:

— Я не раз убеждался, что молодежь в Советском Союзе много знает о второй мировой войне, о германском фашизме и его истоках. У нас эта история долгие годы замалчивалась, да и сейчас в этом отношении мало что изменилось. Между тем сегодняшние молодые люди не желают мириться с этим "большим молчанием". Они в открытую задают вопросы о фашизме своим родителям и учителям. Они хотят знать правду об этом периоде. Таким образом, я пишу в первую очередь для молодежи. Пишу для тех, чьи ровесники выступили с оружием в руках против нацистов и в 1944 году были казнены фашистским режимом — для устрашения всех его противников. Я делюсь с молодежью информацией, к которой у нее нет доступа и которую я накопил благодаря своей профессии

журналиста. В войну я был ребенком, но тем не менее считаю себя вправе высказываться о нацизме и о войне.

Наталья Кудрявцева:

— Говорят, война — не женское дело. Я бы добавила: она никому не нужна, и мужчинам тоже. Разве что тем, кто на ней наживается. В 41-м я закончила десятый класс. Думала о том, какую профессию выбрать. Но выбор сделала жизнь: в 1942 году я ушла на фронт добровольцем и закончила школу радистов.

Помню (дело было под Воронежем), нас вывели на занятия в поле. Вдруг мы увидели приближающиеся самолеты. Их было очень много, они начали сбрасывать на нас бомбы. Мы разбежались в разные стороны и попадали на землю. Вздохнули, лишь когда самолеты скрылись. Но они очень скоро вернулись. Самолеты летели так низко, что мы могли разглядеть лица пилотов, а пилоты разглядывали нас. Они смеялись и стреляли в нас из бортовых пулеметов. Мы слышали даже их голоса. Самолеты совершили три налета. Из 300 девушек в живых осталось лишь 10. Еще сегодня я слышу этот ужасный смех из кабин самолетов. Иногда я просыпаюсь от этого по ночам...

Наталья Григорьевна побледнела, губы у нее задрожали. Прошло несколько минут, прежде чем она заговорила снова:

— Я участвовала в боях за Днепр. Помню, что Днепр был красным от крови. После войны я закончила педагогический вуз. Затем поселилась в Хабаровске. Вот уже 30 лет работаю в школе. Все, что знаю о войне, рассказываю своим ученикам: о моих родителях, которые были приговорены фашистами к смерти за то, что их дочь ушла на фронт добровольцем, о том, как им чудом удалось спастись, о моем близком родственнике, которого немцы замучили за то, что он отказался взорвать по их приказанию предприятие (они нанесли ему несколько ножевых ран и насыпали в них соли) ... Это страшная правда, но мы не скрываем ее от детей. Чем больше они будут знать о войне, тем больше будут ее ненавидеть.

Сейчас я на пенсии, но дома не отсиживаюсь. В комитете ветеранов войны я отвечаю за работу в

школах. Мы организуем встречи ветеранов со школьниками, помогаем молодым учителям в воспитательной работе. Сегодня я могу сказать, что счастлива. У меня есть муж, две дочери, подрастает внук, правда, иногда он доставляет много хлопот, но это приятные хлопоты. У меня нет времени скучать.

АНГАРА

В Братск мы прибыли на самолете, летели из Иркутска, расстояние добрых 500 километров.

Братское море создано в дикой тайге человеческими руками. Плотина из бетона возвышается на пути быстрых вод Ангары с 1961 года. Ее высота — 125 метров, длина — 924 метра. Около 350 лет прошло с тех пор, как здесь было основано первое поселение.

— Вы хотите, насколько я понимаю, рассказать о строительстве одного сибирского города, о том, как был воплощен в жизнь гигантский проект, о неутомимой творческой энергии и миролюбии советских людей...

— Так оно и есть, поэтому начну свой рассказ.

Был прекрасный день. Я стоял у окна своего гостиничного номера и смотрел на ровные ряды желтых домов, в которых сегодня проживает более 200 тысяч человек. Голубое сияющее небо, большое теплое солнце, а за домами — золотые березы и зеленые сосны; какой бы дорогой из города ни поехал, упрешься в тайгу. На сотни километров вокруг — тайга.

Люди здесь особые. Например, Степан Бакланов. Он вспоминает о том далеком времени, которое нет-нет да и всплывет в памяти.

“Кровавой” называли узники Бухенвальда дорогу, которую они строили недалеко от Веймара, колыбели немецкого гуманизма. Их избивали, травили собаками, заставляли часами стоять под ледяным дождем и на пронизывающем ветру... Таков фашизм для Степана Бакланова.

Я задал Степану Бакланову несколько вопросов.

— Степан Михайлович, как началась для вас война?

— 22 июня я, лейтенант Красной Армии, был в Грод-

но. Собирался провести там несколько часов — осмотреть достопримечательности города. Но сделать это не успел. Началась бомбардировка. Мы были окружены. Пытались вырваться из окружения. 8 июля я был ранен и попал в плен. Побывал в нескольких концлагерях, наконец в марте 1942 года оказался в Бухенвальде.

— Это было давно, и, вероятно, воспоминания о том времени уже стерлись?

— Верно, это было давно. Но я помню все до мельчайших подробностей. Я не смогу этого забыть, даже если бы захотел. В Бухенвальде фашизм предстал в своем обнаженном виде. Только на специальной "стойке", где убивали выстрелом в затылок, погибло восемь тысяч советских людей. Вам приходилось бывать в Бухенвальде?

— Да.

— Тогда вы в курсе дела. В кабинете врача измеряли рост узника, а на уровне затылка в стене было проделано отверстие для пистолета. Выстрел. И все окончено.

После 13-часового рабочего дня пленные обязаны были выстроиться перед воротами лагеря в одну шеренгу. Кто не выдерживал линию, тотчас же получал наказание: часами должен был стоять со скрещенными за головой руками или, например, бесконечно переносить через лагерную площадь тяжелый стул под команду эсэсовца. Не поприветствуешь эсэсовца — избьют плеткой. А если даже и ни в чем не провинишься, то все равно наказания не избежать.

— В Бухенвальде среди заключенных были представители многих национальностей. Общались ли они друг с другом?

— Советским людям не разрешалось входить в какой бы то ни было контакт с другими заключенными. Первыми, за несколько лет до нас, в Бухенвальд попали немецкие коммунисты. Несмотря на строгую изоляцию, немецкие товарищи помогали нам. Мы получали от них хлеб, сигареты, а иногда и похлебку. Они поддерживали нас, как могли. И мы держались из последних сил, не теряли мужества. Позже связи стали более тесными, что позволило поднять в лагере вос-

стание. Во главе его стоял немец Вальтер Бартель.

— Что вы еще можете рассказать о сопротивлении, которое оказывали заключенные?

— Я был членом подпольной организации советских военнопленных, отвечал за военную работу. Особенно помню тот день, когда комендант лагеря приказал — это было в начале апреля 1945 года — выдать 46 заключенных. Речь шла главным образом о немецких и австрийских функционерах различных рабочих партий, прежде всего о членах Компартии Германии. Всем было ясно: их ждет смерть. Подпольный комитет постановил укрыть этих товарищей. В то же время комендант отдал приказ об эвакуации лагеря. Подпольный комитет сделал все, чтобы затянуть ее, насколько было возможно. Мы уже знали, что освобождение близко.

10 апреля советских членов комитета, в том числе и меня, вывели за пределы лагеря. Нас погрузили в железнодорожные вагоны. Поезд тронулся. Мы не имели понятия, куда нас везут. Нам удалось взломать пол вагона и бежать. Мы очутились на территории Чехословакии. Там мы нашли бойцов чехословацкого Сопротивления и боролись плечом к плечу с ними до конца войны.

— Значит, вы не участвовали в восстании заключенных в Бухенвальде?

— Нет. Это случилось на следующий день после нашего побега, 11 апреля. Лишь позже мы узнали, что восстание состоялось и заключенным удалось захватить комендатуру и разоружить охрану.

Итак, по своему жизненному опыту я знаю, что мир не имеет никакой альтернативы. Мы должны бороться со всеми, кто пропагандирует войну. Так думают у нас все, и те, кто сам прошел через фашистское пекло, и те, кого судьба миловала.

РЕКА ЛЕНА

— Вы как-то упомянули о том, что впечатления от последнего этапа путешествия по Советскому Союзу были особенно сильными. Предполагаю, это потому, что Якутия расположена вдали от современного мира

и ее не коснулись дискуссии о войне и мире. Мне кажется, это своеобразный холодный оазис мира, не так ли?

— Попытаюсь опровергнуть эту точку зрения. В 10 часов 30 минут мы прибыли в Якутск. Нас обещали встретить, но никто нас не ждал. Пока Александр, озабоченный, выяснял, в чем дело, я рассматривал людей — узкоглазых, черноволосых. Заметил, что на улице уложена метровой толщины труба, плотно обернутая материалом, напоминающим ветошь. Все кругом желтое: трава, листья карликовых деревьев, стены домов.

Возвращается Александр, говорит:

— Придется подождать.

— Хорошо, — отвечаю я, — подождем.

Напротив аэропорта вижу стоянку. Машин много. В одной сидит молодой человек в синтетической куртке, рядом с ним плотный, коренастый мужчина, темнокожий, волосы с проседью. Посматривает на меня сквозь очки.

Мы ждем 15 минут, 20, полчаса. Александр мрачнеет.

Я не предполагал, что попаду когда-нибудь на восток Сибири. Дикий Запад был всегда мне ближе: битвы под Томбстауном и на Додж-Сити, резня, устроенная генералом Честером; я был влюблен в сестер Виннету и вместе с Эльмаром Гарнишем и Джеком Лондоном мысленно отправлялся на охоту за приключениями, за золотом и богатством, на поиски необычного. Я знал Аляску, хотя там ни разу не был. Но что я знал о Якутии? В школе как-то упоминали Верхоянск и Оймякон, где самая низкая температура на Земле: до минус 73 градусов Цельсия; необжитый край, царство белых медведей...

Вот, пожалуй, и все, что я могу вспомнить о Якутии. Да, еще как-то я познакомился с якуткой Верой Захаровой. Эта пожилая женщина — гостья из "страны холода" — побывала в Федеративной республике, посмотрела, как у нас живут люди. Она делилась со мной своими впечатлениями: Травемюнде ей очень понравился, город красивый, чистый, ухоженный. Однако ее не покидало ощущение, что чего-то там не хватает.

Вот ее рассказ:

— Я была в ФРГ на пасху, но нигде не слышала детского смеха. У нас же в Якутии в праздники люди выходят на улицы, дети галдят без умолку, носятся вокруг.

Однако, ближе познакомившись с людьми, я поняла, что они не хотят войны и вполне доброжелательны. Никто не чурался меня, как в самом конце войны, когда я была в Германии в военной форме. Теперь немцы с участием смотрели на мои шрамы, слушали мои рассказы о том времени, когда я, молодая летчица, была сбита зениткой и, пленная, попала в фашистский концлагерь.

Смотрите, говорили тогда фашисты своим землякам, смотрите, большевикам приходит конец, они уже вынуждены сажать в самолеты женщин, к тому же "монгольских". Меня показывали людям как свидетельство поражения Советского Союза. Пять месяцев спустя меня освободила Красная Армия. Я снова села в самолет и продолжала борьбу.

Так завершила свой рассказ Вера Захарова.

В воспоминаниях время пролетело быстро. Александра не было видно — наверное, он все еще пытался выяснить, почему нас не встретили. Между тем двое вышли из машины, стали внимательно присматриваться ко мне.

— А не нас ли они встречают? — обратился я к появившемуся Александру.

Оказалось, что в самом деле — нас. Тот, что постарше, был якутский писатель Иван Данилов, а высокий парень — его шофер Юра.

Мы поехали в гостиницу. По дороге хозяева показали нам деревянную башню XVII века, только она и сохранилась от двойной городской стены с защитными башнями, которой был окружен Якутск более двух столетий назад. Теперь башня — памятник архитектуры, она реставрируется и охраняется законом...

Гостиница "Лена" расположена на центральной улице Якутска.

...Мы сидим в гостиничном баре. Александр заказывает коньяк.

— Якутия — холодный край, но нам пока везет: температура не падает ниже 10 градусов тепла, — говорит Александр. — О якутских морозах наслышаны все, вот только не уверен, что так же широко известно, насколько богата эта республика. Существует легенда о том, что бог, раздавая землю, лучший кусок отдал Грузии. Раздавая же полезные ископаемые, он утомился и задремал. Мешок выпал у него из рук, раскрылся, и из него высыпались земные богатства. В этот момент бог пролетал над Якутией. Проснувшись, он заметил оплошность и разгневался. Да так сильно, что решил наказать Якутию и покрыл ее вечной мерзлотой. Легенда подтверждается действительностью: в вечной мерзлоте открыты огромные запасы полезных ископаемых.

Я поднимаю гост:

— За то, чтоб на вечную мерзлоту Якутии никогда не ступил враг!

Александр доволен. Мы начинаем все лучше понимать друг друга.

— Я с нетерпением буду ждать выхода твоей книги, — говорит Александр. — Дело не в ее теме — она мне известна. Дело в том, с какой позиции она будет раскрыта.

— Значит, мир на земле и никаких споров до окончания века?! — спрашиваю я.

— Нет, почему же. Споры ведутся, и порой довольно ожесточенные, споры по отдельным вопросам. Например, как ускорить индустриализацию юга Якутии; как развивать промышленность, чтобы не нанести ущерб природе. Разве это не спорные вопросы? Жизнь даст на них ответы.

— Да, об этом же говорил, насколько я помню, поэт Глазков, встреча с которым состоялась накануне. "Мы, поэты Якутии, — говорил он, — много пишем о войне и мире: этот вопрос так или иначе затрагивается едва ли не в каждом художественном произведении. Его корни — в нашей повседневной жизни. Недавно один наш драматург написал пьесу "Тихий океан". Речь в ней идет о трагедии Хиросимы. Тема как нельзя более актуальная. Мы в Якутии, как и наши коллеги в других советских республиках, стре-

мимся своим творчеством служить единению людей, укреплению взаимопонимания между ними. Только в этом залог мира во всем мире”.

Якуты действительно хотят жить в мире. Вот хотя бы такой показательный пример: В Якутское отделение Советского фонда мира постоянно поступают перечисления от советских граждан. Гражданка Иванова внесла 23 тысячи рублей, медицинский работник из ”золотого” города Алдана, китаец по национальности, — 43 тысячи рублей, библиотекарь решила отчислять со своей зарплаты по 20 рублей ежемесячно, якутские художники передали в дар Советскому фонду мира картины стоимостью 4 тысячи рублей, журналисты отчисляли гонорары за статьи. Многие семьи присылали драгоценности. Если в 1973 году в местное отделение Фонда мира поступило 300 тысяч рублей, то в последние годы эта сумма составляет около двух миллионов рублей ежегодно — почти по два рубля от каждого жителя Якутии.

Я спрашиваю председателя Якутского отделения Фонда мира:

— На что расходуются эти деньги?

— Мы финансируем различные мероприятия и международные симпозиумы, проходящие под девизом борьбы за мир и против гонки вооружений. Из этих же средств мы оказываем помощь развивающимся странам, а также патриотам, борющимся против диктаторских режимов. Выплачиваем стипендии студентам из развивающихся стран. Кроме того, из Фонда мира оказывается материальная помощь странам, пережившим стихийные бедствия.

Жители половины Азии и всей России несколько часов назад отошли ко сну и теперь, под утро, переворачиваются с боку на бок. Но в зале вылета якутского аэропорта жизнь не замедляет своего темпа ни на минуту. Когда-то на месте этого аэропорта стояла обнесенная высоким забором резиденция царских правителей, сегодня здесь непрерывная толчея в ожидании самолетов Аэрофлота (расписание полетов этого вездесущего воздушного агентства поистине отра-

жает характерное для здешних людей — потомков ссыльных дворянских революционеров и большевиков, а также представителей многочисленных сибирских народов — бесконечное долготерпение). Глядя на эту толпу, понимаешь, что якуты, эвенки, юкагиры давно сменили нарты на реактивные самолеты.

Одни совершают долгие перелеты, чтобы навестить родителей, другие — повидаться с детьми, которые нередко живут за многие тысячи километров от Якутии. Кто летит по делам в Иркутск, кто — взглянуть на красивейшее озеро Байкал, а кто и в Москву, посетить универмаги столицы, привезти оттуда подарки родным, наряды, будто специально сшитые для жены прямодушного оленевода. Кстати, как мне сказали, каждый оленевод ежегодно жертвует в Фонд мира шесть рублей — в этой профессиональной группе взнос один из самых высоких по стране.

К оленеводам, в тундру, мы и собираемся лететь: я, Александр и Иван Данилов. Добраться до них не легко. На небольшом винтовом самолете сначала нужно долететь до местечка Сангари, что означает "говорящая гора" ("говорящая", потому что здесь уникальное природное эхо). От Сангари надо пролететь еще небольшое расстояние, всего лишь сотню-другую километров на вертолете...

Таковы наши планы. Но тут пришло сообщение: ливни превратили взлетную полосу в Сангари в непроходимое болото. Приземлиться, вероятно, мы еще сможем. Однако что будет, если непогода продлится? Малоприятная перспектива: на несколько дней, а возможно, и недель застрять в глуши. Наконец после долгих раздумий и колебаний Александр сказал свое решающее слово: поездка отменяется.

Настроение испорчено. И чтобы как-то поправить его, Данилов предлагает совершить трехдневное путешествие по Лене. Едем на речной вокзал. И опять неудача: все билеты на пароход "Механик Кулибин" проданы. Дело в том, что пароход зафрахтован профсоюзной организацией; пассажиры получают путевки у себя на предприятии.

Но безвыходных ситуаций не бывает. Вопрос решился положительно и на этот раз. Места нашлись, и

нам предстоит увлекательная поездка — 180 километров вверх по Лене и обратно, как бы компенсация за разочарование, которое мы испытали, когда узнали, что не сможем разбить ночной лагерь под звездами тундры...

Широка река Лена, на пустынных ее берегах — фантастические фигуры из камня: охотники с копьями, животные с короткими хоботами, похожие на мамонтов...

Ленскими Столбами называют их, эти изрезанные расщелинами скалы вдоль берега, выцветшие, отбеленные и отполированные тысячелетиями, теснимые льдами, укрытые снегом, омываемые в шторм разбушевавшимися водами Лены. Северный ветер прорезал в них глубокие морщины, оставил причудливые отметины суровой якутской зимы.

Ленские Столбы — это популярнейший туристский маршрут у жителей Якутска. По отвесным склонам они взбираются на вершины. И тогда под ними простирается их страна: сотни, тысячи километров тайги, сотни, тысячи километров тундры и вечная мерзлота, в которой кроются богатейшие запасы полезных ископаемых. И надо всем этим — бесконечно белая зима, которая вот-вот сменит золотую осень...

Народы Сибири, гордые, сильные, остро чувствующие всякое проявление несправедливости, завоевали свободу и идут по новому пути ускоренного развития и прогресса.

...Уже дважды раздавался призывный гудок парохода. Пора отчаливать. Да и день подходит к концу. Солнце, эта красная птица, летающая днем в поднебесье, опускается на землю. Река — что бежит, хотя и не северный олень, что шелестит, хотя и не лес, — ожидает нас. И скоро, всего через несколько недель, белые снежинки снова начнут свой танец, словно белые мухи, будут они кружиться в воздухе...

...И вот наступает последний день пребывания в Якутске. Едем в тайгу.

Прощание с якутской тайгой... Собираем бруснику, потом сидим у костра. Вдали на горизонте вьется

серебряная лента реки. Иван наклоняется к Александру, что-то говорит ему, глядя на меня. Александр замешкался с переводом, видно, раздумывает, надо ли переводить. Я вопросительно смотрю на Александра.

— Иван говорит, что ты хороший человек, — произносит Александр.

— Но он ведь совсем не знает меня, — говорю я. Да, он показывал мне свой город, был очень дружелюбен, и я старался ответить ему тем же: внимательно слушал его рассказы, поддерживал, как мог, застолье, стараясь доказать, что "огненная водица" не сразу сбивает с ног и европейца; мы пытались понять друг друга и улыбались друг другу. Но достаточно ли этого, чтобы судить, какой я человек? Думаю, что недостаточно. Хотя знать, что тебя считают хорошим человеком, весьма приятно.

Александр продолжает:

— Иван уверен, что ты мог бы быть белым якутом. Он рассказывает, что несколько лет назад здесь был один парень из США, здоровый, как медведь. Он долго жил среди эскимосов, и они прозвали его белым якутом.

— Ну какой из меня белый якут! И ледовую бурю-то не выдержу, — возразил я.

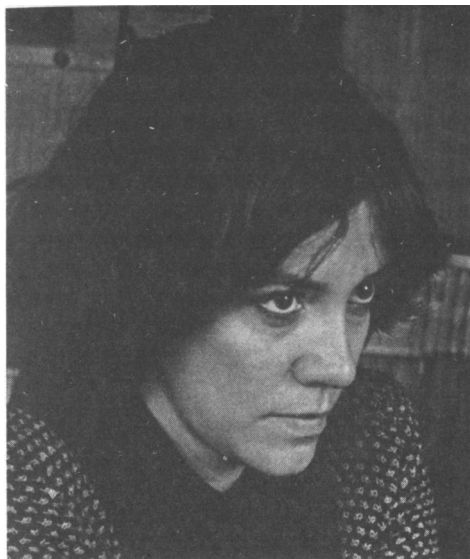
— А все равно якут чувствует хорошего человека, — оставил за собой последнее слово Иван Данилов.

Писатель Иван Данилов стоял на земле, подняв руку в прощальном жесте. А самолет стремительно набирал высоту.

У меня сохранился памятный подарок от Ивана Данилова, деревянная фигурка: якут в тяжелой меховой одежде с копьём охотится на медведя. Иногда мне снится Якутия: темные сибирские ночи, туманные дни и охотник, идущий на медведя с копьём в руке...

Нет, не могут те люди, с которыми я познакомился в Советском Союзе, желать войны. Слишком много страдания и горя принесла им война с фашистской Германией. Нет, не затянулась еще эта рана и, видно, не скоро затянется. Советским людям нужен мир. Мир для того, чтобы осуществить грандиозные планы созидания во всех сферах деятельности.

Монтсеррат Роиг

**БЛОКАДА,
СЕЮЩАЯ СМЕРТЬ**

(ИЗ КНИГИ "МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В БЛОКАДУ")

Montserrat Roig

Mi Viaje al bloqueo

Перевод с испанского Г. Прибыловой

ПРОЛОГ

В Ленинград я прибыла из Москвы поездом. Подъезжая к городу, я видела припорошенные снегом поля. Утро в тот день было промозглое, сырое, и холод пронизывал до костей. По Невскому проспекту под беспрестанно падающим снегом шли мужчины в надвинутых на самый лоб шапках и женщины в цветастых платках. Ртутный столбик термометра не поднимался выше нуля градусов, и я почувствовала щемящую тоску по моему Средиземноморью, по моему городу, его деревьям... Тогда я еще не знала, что, вернувшись в Барселону после знакомства с прекрасным городом на Неве, с его жителями и героической историей, я буду скучать по Ленинграду.

После приезда я сразу же отправилась в Петропавловскую крепость, эту "русскую Бастилию", за глухими стенами которой томились мечтатели и заговорщики XIX века. Отсюда были отправлены на виселицу или в ссылку революционеры-декабристы. Сюда был заточен и Достоевский, переживший инсценированный расстрел, который он помнил до конца дней. В мрачных и сырых подземельях этой тюрьмы до 1917 года погибло много революционеров.

В тот день, когда я оказалась у ворот крепости, она была закрыта для посетителей, так как здесь снимали какой-то фильм. Несмотря на холод, от которого стыли руки и ноги, многочисленные зеваки с любопытством наблюдали за съемками, разглядывали лошадей, реквизит и костюмы прошлого века. В тот день весь город был затянут серовой дымкой, тянувшейся со стороны Балтики. "Серый ангел", как образно назвал Ленинград Пабло Неруда: проспекты, отличающиеся сталью; дома из камня свинцового цвета...

Все вокруг имело этот оттенок: река, тучи и даже знаменитые дворцы, которые, казалось, припали к водам Невы, ее притоков Фонтанки и Мойки, бесчисленных каналов. Александра Косс, специалист по романистике, скажет мне позже, что это обычный для города колорит.

Шаг за шагом я проникала в жизнь сегодняшнего города и в историю тех сеющих смерть дней блокады, которую воскрешала сохранившая все до мельчайших подробностей память моих собеседников. Вскоре я поняла, каким образом Ленинград все еще переживает свою блокаду, каким образом время, в котором он выжил и победил, органически вписывается в историю одного из красивейших городов мира, города великих писателей, ученых, революционеров и рабочих, боровшихся за будущее без насилия и без классов, города, который был колыбелью Великой Октябрьской социалистической революции.

Каждый из жителей Ленинграда носит в сердце свою блокаду, у каждого из них в безымянных могилах Пискаревского кладбища покоятся близкие, каждому есть о чем рассказать: и водителю такси, возившему нас с переводчиком по улицам и проспектам Ленинграда, и незнакомым мне зрителям, вместе с которыми я смотрела фильм о тех трудных днях, и горничной в гостинице... Одни вспоминали погребенных под снегом отца или мать, другие замолкали, замыкались в себе, взор их темнел. Снова и снова обращаются к памяти писатели, стремясь запечатлеть в словах каждый день и час той жизни. Абрам Буров, например, работая над своей хроникой блокадных дней, просмотрел девять тысяч страниц архивных документов. Во время нашей беседы он несколько раз останавливался, не в силах продолжать рассказ, — так тяжело ему было вспоминать прошлое. Затем он привел меня на мост через Фонтанку, к знаменитым "Укротителям коней" А. Клодта, и показал следы осколков на постаменте. "Это нужно сохранить для памяти", — сказал он.

И все же мне было трудно совершать свое путешествие в блокаду. Французская актриса Симона Синьоре как-то сказала, что Ленинград произвел на нее впечат-

ление старого города, полного духов и привидений. И мне, когда я глядела на рыжеватые краски восхитительных творений Росси или на голубизну и позолоту расстреллиевских дворцов, порой казалось, что Ленинград — это только история... Но вот я вижу детей, играющих в многочисленных парках и садах, потоки людей, извергаемые метрополитеном, целые семьи, которые, несмотря на непогоду, с удовольствием едят мороженое, одиноких старушек, погруженных в чтение среди беломраморных скульптур Летнего сада... Я вижу разливающиеся над Невой густые сумерки, и мне кажется, что оживают полотна XVIII века. Я слышу лирические переборы гитары в час, когда в застывшей тишине белой ночи разводятся мосты... И я понимаю, что город, неотделимый от своей истории, вечно молод, что я очарована и старым Санкт-Петербургом, и молодым Ленинградом.

Все, что сегодня совершается в городе Достоевского и Менделеева, Блока и Павлова, Пушкина и Кирова, — все это еще один шаг на пути к осуществлению великой мечты людей. Новое создается постепенно, а завоевания прошлого ленинградцы сумели уберечь в течение почти трехлетней жесточайшей осады их города гитлеровцами, ненавидевшими все то, что символизировал собой Ленинград. Как известно, богатство народа — молодежь, и ее воспитание — одна из главных задач советского общества. Никогда и нигде мне не доводилось встречать так много художников, писателей и артистов, которые всецело посвящают себя работе с детьми. Директор Театра юного зрителя З. Корогодский убежден, что театр — это школа жизни. Советский народ, как никакой другой, знает, что искусство есть постоянное движение вперед к пониманию важнейших конфликтов бытия. "Учиться жить" — вот ведущий мотив высказываний моих многочисленных собеседников.

Ленинград, открывшийся моему взору, очень далек от того Санкт-Петербурга, который морозным январским утром 1905 года впервые увидела Айседора Дункан. Тогда улицы города были запружены толпами людей, провожавших в последний путь рабочих, убитых царскими войсками. Ленинград предстал передо

мною строгим и гордым городом, гордым от того, что выстоял и победил в борьбе за жизнь. В годы второй мировой войны Ленинграду выпала страшная доля. Более полумиллиона его жителей умерли от голода. Такова была месть Гитлера и его приспешников городу Ленина, городу революции, крейсера "Авроры", Смольного, Адмиралтейства и Зимнего дворца, — месть за неприступность.

История борьбы и сопротивления Ленинграда — прекрасный образец стойкости человеческого духа. Прикосновение к трагедии блокады позволяет укрепить веру в будущее человечества.

САМАЯ КОРОТКАЯ И СВЕТЛАЯ НОЧЬ

Белые ночи окутывают Ленинград волшебным покрывалом. Очертания зданий напоминают вытянутые тени, и кажется, что сами они не каменные, а прозрачно-воздушные. Легкий розовый отсвет медленно замирает вдалеке, в Балтийском море, чтобы потом снова вспыхнуть пурпуром. Разводные мосты, словно воздевая к небу руки, пропускают корабли. Острие позолоченного шпиля Адмиралтейства устремляется в небо, а внизу, на скамейках парка, слышатся разговоры и смех. Чуть дальше, на набережной, недалеко от Зимнего дворца, струны одинокой гитары нашептывают песню о любви. Быстрые тени пробегают в сторону набережной: это выпускники школ торопятся встретить первый день своей самостоятельной жизни. Сегодня здесь они совершают переход от мечтаний юности, которая пока кажется беспечной, к будням зрелой жизни. Такова эта самая короткая и светлая ночь — ночь 22 июня.

Такой же она была в 1941 году. Так же бродили по набережным школьники, и Невский проспект, спускающийся к самой реке, так же был заполнен людьми, которые наслаждались красотой самой недолгой ночи года. Той самой ночи, чья похожесть на день сводила с ума героев Достоевского. Говорят, что в то лето в Ленинграде было очень много цветов и повсюду благоухала сирень. Неожиданно небо

задрожало от гула самолетов. Тем, кто пришел к Неве посмотреть на разведенные мосты и встретить новый день, это могло показаться добрым предзнаменованием. Крылья над головой в начале счастливого дня! Но это были самолеты, взлетевшие по боевой тревоге.

В это утро были приведены в полную боевую готовность части Красной Армии и система противовоздушной обороны. Приказа приступить к боевым действиям еще не было. Скоро, очень скоро Невский проспект услышит слова: "Вставай, страна огромная...". "Священная война" заменит песни, которые еще несколько часов назад пел Ленинград.

Однако большинство жителей города, еще не знавших о начале войны, встали утром 22 июня с хорошим настроением, радуясь солнцу, птичьему гомону и тем пустякам, которые составляют счастье каждого дня.

БЛАГОСЛОВЕН БУДЬ, ХЛЕБ...

Никогда прежде жители Ленинграда не ценили хлеб так высоко, как во время блокады; никогда прежде не понимали они так хорошо, почему в древности пришельцам в знак гостеприимства подносили хлеб и соль. Никогда прежде они не осознавали столь ясно, что отказать человеку в хлебе и соли — это значит обречь его на смерть. Ленинградцы дорожили теми тонюсенькими ломтиками черного хлеба, ибо каждая его крошка означала возможность увидеть завтрашний день. "Сегодня мы недоумеваем, когда видим, что молодежь выбрасывает хлеб, — сказал мне профессор Виноградов. — Хлеб казался нам самой большой ценностью в мире". "Да будет благословен хлеб, — бормотали старухи, сидя у "буржук", прислушиваясь к хриплым репродукторам и безучастно глядя на лежащие рядом трупы. — Благословен будь хлеб, — хлеб, который приходит с Ладоги сквозь снега и льды, хлеб любви, который шлет Большая земля".

Около миллиона жителей осажденного города были обречены на страшные пытки. "Они умрут от голода", — таков был приговор Гитлера ленинградцам. "Они

умрут от голода”, — как эхо повторяли за ним немецкие солдаты и генералы. Не сумев взять омываемый водами Балтики и обвеваемый ласковым морским ветром город с боем ни с суши, ни с моря, фашисты обрекли ленинградцев на голодную смерть. Из города улетали птицы, исчезали домашние животные, не осталось даже крыс. С каждым днем уменьшался хлебный паек.

*Уменьшение хлебного пайка летом и осенью 1941 года,
в граммах*

	Рабочие и ИТР	Служащие	Нерабо- тающие	Дети
16 июля	800	600	400	400
2 сентября	600	400	300	300
11 сентября	500	300	250	300
1 октября	400	200	200	200
13 ноября	300	150	150	150
20 ноября	250	125	125	125

Да и хлебом в то время называлась странная смесь, которая состояла из нескольких компонентов:

Мука ржаная дефектная	— 50%
Жмых	— 10%
Солод	— 10%
Соевая мука	— 5%
Отруби	— 5%
Целлюлоза	— 15%
Обойная пыль	— 5%

Д. В. Павлов, уполномоченный Государственного комитета обороны по продовольственному снабжению города и фронта, с отчаянием наблюдал, как пустели склады, как быстро исчезали тонны зерна. До 8 сентября 1941 года, то есть до установления полной блокады, из Ленинграда выехало более полумиллиона человек. Многие не воспользовались возможностью покинуть Ленинград — слишком велика была их любовь к родному городу. Тогда они даже не могли пред-

ставить себе, какие страдания им придется вынести.

Согласно данным, представленным советским обвинением на Нюрнбергском процессе, только от голода в осажденном Ленинграде умерли 641 803 человека. Это намного больше, чем число жертв в Хиросиме и Нагасаки. Особенно тяжелой для ленинградцев была зима 1941 года. Город постоянно бомбила немецкая авиация, некоторые районы города обстреливались тяжелой артиллерией противника. Когда в репродукторах раздавался голос диктора, предупреждавший о налете фашистских бомбардировщиков, многие даже не спускались в бомбоубежища. У них просто не было сил. В городе царил голод, от которого люди умирали целыми семьями.

Только в декабре 1941 года в Ленинграде умерло около 53 тысяч человек — столько, сколько в мирное время умирало за год. В январе 1942 года ежедневно умирало около четырех тысяч ленинградцев. И хотя впоследствии продуктов стали выдавать больше, многие люди, чьи организмы были истощены, а разум померк, были уже обречены. Даже когда открылась спасительная дорога через Ладогу и голод несколько отступил, в Ленинграде было похоронено 102 497 жителей. Добавим сюда тех, кто погиб при артиллерийских налетах, в огне пожаров, под развалинами домов. Многих женщин блокада лишила материнства, а дети, рожденные в годы войны, унаследовали от родителей развившиеся в условиях блокады психические отклонения. У многих женщин, перенесших голод и ужас тех лет, дети рождались мертвыми или неполноценными. Спасение таких детей (их так и называли: "дети блокады") стало одной из важнейших задач, решаемых в городе после войны.

Голод — это всепоглощающая физическая боль. Голод стирает грань между здравомыслием и безумием, между добром и злом. Даже самого благородного человека он может превратить в ничтожество.

Норвежский писатель Кнут Гамсун в романе "Голод" (1890) описывает, как происходит отчуждение голодного человека. Герой погружается в такое одиночество, которое исключает всякое взаимопонимание с благополучным окружающим. Сытые голодного не понимают.

Физиологическая природа голода у героя Гамсуна и голода блокадника одна и та же, но психологически они различны. Голод блокады — это фронт, на котором ленинградцы сражались с фашизмом и человеконенавистничеством. Голод блокады — это оружие.

Так же как и газовые печи концентрационных лагерей, он числился в арсенале главных средств, с помощью которых фашисты осуществляли свои планы истребления целых народов. Борьба с голодом и его моральными и физическими последствиями была важнейшей частью великой битвы за жизнь, которую вели ленинградцы.

Трудно, очень трудно мысленно перенестись в тот исстрадавшийся и голодный город. Трудно человеку, не пережившему ни одной войны, понять, что испытали тогда люди, которые сегодня безмятежно прогуливаются по Невскому и сидят на скамейках в Летнем саду. И все же я попытаюсь сделать это.

Я смотрю на фотографию и вижу лицо голода: человек держит в руке кусок хлеба. У него заострившийся нос, впалые щеки, наводящий ужас отсутствующий взгляд. Мужчины умирали первыми, так как их тела состояли почти из одних мускулов. Женщин и даже маленьких девочек спасал подкожный жировой слой. Женщины были более выносливыми, более жизнестойкими, но и они умирали. Казалось, что все вдруг внезапно постарели. Глаза запали, спины сгорбились, согнулись, на опухших ногах отчетливо проступили вены. Многие во время воздушной тревоги уже не спускались в убежище и безучастно слушали вой сирены; жили рядом с мертвыми и не испытывали страха; проходили мимо трупов, будто не замечая их; жили с одной-единственной мыслью: дожить до того дня, когда можно будет наесться досыта, когда вернется страх темноты и смерти, когда весь этот кошмар отойдет в прошлое, станет воспоминанием. Дожить до победы. "Да, нам сейчас трудно... Но мы верим в победу... Нет, не верим, знаем — она будет... Придет день, когда этот кусочек черного хлеба мы увидим в музее", — слабым, но страстным голосом говорила Ольга Берггольц в один из тяжелейших дней блокады. Сегодня благословенный хлеб блока-

ды — в музее истории города. Маленький кусочек хлеба в музейной витрине дошел до нас немым свидетелем тех дней.

Благословенный хлеб блокады. Люди мечтали о том дне, когда будет вдоволь хлеба. И никто из переживших блокаду не выбросит сегодня даже черствую корку. Хлеб хранят как реликвию. Верующие берут кусочек хлеба и шепчут слова молитвы, с которой они начинают день: "Господи, не забывай о тех, кто умер, не насытившись хлебом..." Когда смерть настигала человека на улице, он ужасающим голосом повторял: "Хлеба, хлеба..." Люди не просили масла или апельсинов, они молили лишь о кусочке хлеба — и умирали. Некоторые ленинградцы до сих пор помнят это ощущение тошноты, отвращения, боли и жжения во рту.

Во всех рассказах блокадников есть одно и то же слово: "дистрофия", "дистрофические лица"... В словарях дистрофия толкуется как отрицательные изменения в организме, вызванные нарушением питания тканей и органов. Ленинградцы очень скоро привыкли связывать это слово со своими страданиями. Дистрофия убивала близких, друзей, пожирала тело, вызывала преждевременное старение.

У Бенедикта Виноградова (о нем мне уже пришлось говорить выше) был друг Олег, одних с ним лет, которого он звал Гулливером. Он был высокого роста и казался великаном. Друзья жили в одном доме, и как-то раз Бенедикт встретил приятеля во дворе. У Олега-Гулливера был довольный вид: он нашел несколько лошадиных костей и сказал Бенедикту, что сварит их для себя и своей матери. Прошло несколько дней. Бенедикт видел, что его друг все больше опухает, а на лице его все явственнее проступает голод. Потом Олег исчез, и Виноградов забеспокоился: "Куда он мог пропасть?" Олега и его мать нашли в их квартире сидящими за столом так, словно они собирались обедать. Крысы уже съели на трупах уши.

Филолог Владимир Бахтин вспоминает, как на складе с хлебом в темноте какой-то человек, обезумев от голода, бросился на хлеб и на глазах у всех стал буквально рвать его зубами. Люди принялись

стыдить его. Но разум уже не был ему послушен.

После четвертого снижения хлебной нормы голод начал косить всех подряд. В течение 36 дней, с 20 ноября по 25 декабря 1941 года, служащие, дети и иждивенцы получали всего по 125 граммов хлеба в день. Наконец наступил день 25 декабря — день всеобщей радости: были повышены хлебные нормы! Служащие и дети теперь получали по 200 граммов хлеба в день, а рабочие вместо 250 граммов — 350.

Голод, заставив людей вести напряженную борьбу за жизнь, обострил их изобретательность. Они научились употреблять в пищу продукты, считавшиеся раньше несъедобными, добывать пропитание самым невероятным образом, извлекать из природы максимум возможного. Из обрезков дерева изготавливали муку, из травы — молоко, чай и кофе заменяла горячая вода. Ученые находили витамины в самых неожиданных растениях. Женщины придумывали рецепты блюд из самых немыслимых продуктов.

Когда в сентябре фашисты разбомбили Бадаевские склады, жители города пытались спасти все, что только было можно. В небе еще метались сполохи огня, еще жар обжигал лицо, а ленинградцы, прильнув к черной земле, уже отыскивали в ней куски расплавленного сахара. Еще долго они ощущали во рту масляно-сладкий привкус той почерневшей земли, из которой делали мармелад и другие сладости, спасавшие людям жизнь.

Началась достойная восхищения героическая эпопея города, который не хотел умирать, не хотел видеть врага торжествующим. В людях часто неожиданно для них самих открывались неисчерпаемые нравственные глубины. Они приходили друг другу на выручку, возвращая первозданный смысл великому слову "дружба". Бенедикт Виноградов рассказывал мне, что, когда один из его друзей доставал хотя бы несколько картофелин, он, не раздумывая, делил их с товарищами. Отдавая кусок хлеба, каждый отдавал с ним частичку своей души. Говорить о еде было не принято; никто не жаловался, не вел злонамеренных разговоров.

В январе 1942 года люди, увидев бежавшую по улице овчарку, не поверили своим глазам. Истощен-

ные голодом, они решили, что это галлюцинация. Жадно и беспощадно смотрели они на животное. Как очутилась здесь живая собака? Да еще такая здоровая. Можно было предположить, что это одна из армейских собак, обученных с взрывчаткой бросаться под танки. Но все равно ее появление не переставало быть событием из ряда вон выходящим, ведь в городе уже давно не оставалось ни собак, ни кошек. Эти верные спутники человека просто исчезли. Дети, родившиеся в блокаду, позднее долго не могли привыкнуть к четвероногим друзьям.

В 1942 году кто-то вспомнил о больших запасах квашеной капусты, которые были закопаны в землю еще до войны. Это были излишки, образовавшиеся в 1935 году. Выкапывали ее более 15 тысяч человек. И ленинградцы получили пять тысяч тонн капусты! Какой замечательный это был подарок!

Ленинградцы часто повторяли, что голод — лучший повар. Ели сено, предназначавшееся для лошадей, предварительно распаривая его. Ели столярный и канцелярский клей (последний называли "блокадным шоколадом"). Существовало 22 способа приготовления пищи из кожаных ремней, сумок, ботинок. Ели масляные краски и известь...

В январе 1942 года советская художница Остроумова-Лебедева писала: "Едим столярный клей. Не так уж он и плох. Иногда от отвращения у меня начинаются нервные спазмы, но я думаю, что причина тому — чрезмерное воображение. Этот клей не так противен, если добавить в него немного корицы или лавровый листик. Едим мы и рыбный клей, а также готовим суп из морской капусты. У советского человека даже в тяжелейших условиях блокады достает сил для борьбы со всеми невзгодами. Его стойкость, его мужество, его способность выдержать все это поистине удивительны". Однажды художникам "Боевого карандаша" повезло: за успешную работу в области военного плаката они в качестве премии получили убитую снарядом лошадь.

Городские жители занялись крестьянским трудом: они завели огороды. Дети видели, как с мостовых снимали брусчатку и на ее месте появлялись тоненькие

зеленые стебельки. У Исаакиевского собора, на Марсовом поле, в Таврическом саду — там, где теперь разбиты клумбы, выращивали картофель, свеклу, морковь. Политрук Владимир Тютин научился выращивать для своих солдат редис. Огороды спасли жизнь многим.

На опустошенный голодом и морозом город обрушилась новая беда — цинга. Ученые-химики из института витаминов нашли способ извлекать витамин С из хвои. Бригады, сформированные из женщин, отправлялись в окрестные леса на заготовку хвои, из которой затем на специальных установках выжимали сок. Ленинградцы помнят этот отдававший горечью напиток, спасший многие тысячи людей от авитаминоза. В школах, госпиталях и столовых хвойный напиток предписывалось пить в обязательном порядке. Потом напиток стал слаще, потому что в него стали добавлять лесную землянику.

Моя ленинградская подруга Раиса Львовская не могла не заплакать, когда узнала, что ее мать потеряла хлебные карточки. В городе было решено не восстанавливать утерянные карточки. Это решение было жестоким, но единственно возможным. Городские власти знали, что некоторые ленинградцы использовали карточки умерших, пропавших без вести, ушедших на фронт. А это могло стать причиной смерти других. Павлов и его помощники ежедневно подсчитывали каждый грамм скудных запасов, имеющихся в городе. Они учитывали умерших и эвакуированных. Чем меньше людей оставалось в Ленинграде, тем больше продуктов доставалось каждому и тем больше было шансов выжить. Одна из многих блокадниц Екатерина Янишевская рассказывает такую историю: "Как-то на проспекте Энгельса я увидела старика с санками, на которых лежало несколько едва прикрытых трупов. Позади, еле передвигая ноги, шла старушка. Она говорила старику: "Подожди, милый, посади". Старик остановился: "Ты что, старая, не видишь, что я везу?" "Вижу, — ответила старушка. — Но нам по пути. Вчера я потеряла карточку, все равно помирать. У моих будет меньше забот, если ты отвезешь меня на кладбище. Я сяду где-нибудь в сторонке,

замерзну, и меня похоронят...” В кармане у меня был кусок хлеба граммов на 150, и я отдала его старушке”.

Солидарность ленинградцев крепла. Люди сплывались во имя самосохранения без всяких на то указаний свыше. В осажденном городе стихийно устанавливались особые моральные нормы, которые находили отклик в каждом. Однажды Абрам Буров увидел на улице развороченный снарядом грузовик с хлебом. Булки рассыпались по мостовой, но никто не тронул ни одной из них. ”Блокада, — рассказывал мне Бенедикт Виноградов, — научила меня любить людей. Я помню моего старшего друга Володю Румянцева. Как-то раз он принес мне тарелку студня, сваренного из сыромятной кожи. Через два месяца Володя умер от голода...” Родители обманывали, что они не голодны, и отдавали свою крохотную долю детям. Солдаты приберегали половину своего пайка для тех, кто оставался в городе; дети делили с матерями суп, который им давали в школе. Все делали вид, что сыты. Это была, по словам Виноградова, ”святая ложь”. ”Главное — остаться людьми. Моя мать, которая чуть не умерла от истощения, старалась незаметно для меня подложить мне кусок побольше. Я делал то же самое по отношению к ней. Тогда легко было превратиться в зверя, и я счастлив, что сумел, встретившись со смертью, остаться человеком”.

Когда человек попадает в исключительные условия, все его качества проявляются особенно отчетливо. В блокаду даже простейшие ситуации ставили человека перед выбором. Однажды Бенедикт Виноградов стоял в очереди за хлебом. Множество людей с ночи ожидали желанного куска хлеба. Одна женщина уронила карточку и не заметила этого. Мальчик, стоявший рядом, поднял карточку и, не говоря ни слова, положил ее себе в карман. Обнаружив пропажу, женщина расплакалась: она подумала о голодных детях, которые ждали ее. И тогда мальчик подошел к ней, молча отдал карточку и вышел из булочной. ”Он не смог оставить чьих-то детей без хлеба; и это чувство оказалось сильнее голода... Быть может, позже он сам умер от голода. Утаив карточку, он съел бы две порции. Но он сумел сделать правильный, хотя и нелегкий

выбор. Поступил, как герой. Стремясь победить голод, мы чувствовали себя борцами. И большинство побеждало его — нередко ценою собственной жизни”.

Бывало, конечно, и иначе. Иногда в припадке безумия люди набрасывались на продавцов, хватали чужой хлеб и прямо на месте, не разжевывая, проглатывали его.

Люди, пережившие блокаду, были способны понять отчаяние, вызванное голодом. Но они ненавидели спекулянтов, наживавшихся на несчастье других. Когда таких обнаруживали, их не щадили. Железная дисциплина и высокая нравственность большинства жителей города позволяли пресекать действия тех, кто в эту тяжелую годину пополнял свои коллекции произведений искусства или выменивал хлеб на фамильные драгоценности, чтобы потом продать их втридорога. Писатель Владимир Дружинин как-то обменял на черном рынке золотые часы на килограмм масла, хлеб и мороженую рыбу, а в другой раз — брюки на булку хлеба. Продукты меняли на вещи и крестьяне из близлежащих деревень. И никто не упрекал их в этом. Но проходимцев преследовали беспощадно. Однажды Дружинин видел, как был задержан человек, который нес полную сумку продуктов: он украл их на продовольственном складе. Рецидивистов расстреливали, сажали в тюрьму или отправляли на строительство военных объектов. Раиса Львовская до сих пор с болью вспоминает тот день, когда она поменяла на хлеб пианино отца. ”После войны я встретила на улице человека, которому мы отдали пианино. Он предложил мне купить его, но запросил очень высокую цену. Я отказалась”.

Подобные случаи были скорее исключением. Сотни тысяч ленинградцев выдержали ужаснейшую из пыток, на которую их обрекло воспаленное воображение Гитлера. Город устоял перед устрашающей мощью этого всадника Апокалипсиса.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Эту главу я начала писать весной на Средиземноморском побережье. Звучала музыка Шопена, один из его полонезов. Мой шестилетний сын рисовал воен-

ный корабль. "Почему ты рисуешь военные корабли?" — спросила я его. От ответил: "Потому что они мне нравятся".

Тогда я показала ему книгу, в которой были рисунки военных кораблей, пикирующих самолетов, рушащихся домов, вырывающихся из окон языков огня, направивших стволы в небо зениток. "Смотри, — сказала я сыну, — это нарисовали дети, которые видели войну. Такие же дети, как и ты".

Перелистывая эту книгу, мой сын остановился на рисунке, сделанном семилетним мальчиком. На нем были изображены прикрываемые самолетами и взбирающиеся на холм танки. Тогда сын спросил меня: "Неужели дети тоже умирают на войне?" И я ответила: "Да, на войне умирают и дети". Сын вернулся к своему занятию. Он старательно срисовывал картинки из книги. Потом он задал мне еще один вопрос: "Почему на танках и кораблях дети нарисовали красные звезды?" И я рассказала ему о детях войны, о детях Ленинграда. Он выслушал меня и сказал: "Я не люблю войну: на войне плохие люди бросают бомбы и умирают дети".

Мой сын родился в мирное время, и войну он знает только по рисункам в книжке. Тогда как дети Ленинграда рисовали то, что видели сами. Это станет участью вьетнамских детей. Маленькие ленинградцы рисовали с натуры и прекрасно знали, как выглядит фашистский самолет, зенитная пушка, пылающий дом. Они знали, как выглядят руины и обуглившиеся деревья на черной земле. Им не нужно было ничего выдумывать. И они не играли в войну. Один из тех, кто пережил блокаду, писал в "Комсомольской правде": "Баталии понарошку — самый надежный признак мира. Блокадные дети — маленькие реалисты! — играли в хлебные карточки, в столовую, в магазин. Но играли они редко. Чаще просто лежали под одеялами, инстинктивно сберегая силы..."

Дети блокады, какими они были? Как жили? Несомненно, эти 900 дней не могли не наложить глубокий отпечаток на всю их последующую жизнь. Им не было дано когда-либо понять, что такое детство — потерянный рай взрослых или реальность.

Я вспоминаю беседу с известным советским актером Роланом Быковым. Речь шла о театре и кино для детей. "Если бы мы внимательно изучили день ребенка, мы бы увидели, что он длиннее дня взрослого человека. Если бы нам удалось проникнуть в тайну гармонии ребенка, понять, как он познает мир, как учится говорить, это были бы открытия намного значительнее, чем разгадка тайн космоса. Ведь познавая мир, ребенок как бы заново повторяет весь путь, проделанный человечеством".

Изучить день блокадного ребенка, проникнуть в детство человечества и тех взрослых, которые сейчас рассказывают мне о том времени... Какими они были? Как жили? Что чувствовали?

Книгу с рисунками детей блокады мне подарил художник Крестинский. В письме ко мне он мечтает: "Когда-нибудь мы будем бродить с Вами по Ленинграду и Вы попытаетесь представить себе, как я — теперешний Ваш спутник, — маленький робкий мальчик, едва передвигавший ноги от слабости, в нескладном зимнем пальто с чужого плеча и тяжелой шапке-ушанке, иду на базар, что на другом берегу Невы, чтобы обменять там на хлеб какие-нибудь вещи. Снаряды свистят над городом (люди уже привыкли к ним), некоторые падают в реку, ломая лед, и фонтаны тяжелой воды медленно поднимаются вверх... Почему-то я запомнил, как выменял красивую майку блузку на полбуханки хлеба. Запомнил покупательницу. Это была молодая женщина, румяная, аккуратно одетая и умытая и очень спокойная. Она взяла в булочной по карточкам буханку хлеба и попросила разрезать ее на две части. Половину дала мне. Еще я запомнил ее руки — чистые и гладкие, как были до войны у мамы, красивые руки. И что мне стало неловко за свои, грязные и синие от холода..."

В музее "Дорога жизни" есть обличающая фотография: на ней в профиль изображен истощенный, стриженный наголо ребенок. У него безжизненные глаза уже ничему не удивляющегося старика. На худом теле выступают ребра. Седоусый доктор выслушивает его. Сопровождающий меня морской офицер показывает мне эту фотографию и говорит: "Глядя

на нее, понимаешь, для чего был нужен Нюрнбергский процесс”.

На другой, очень известной фотографии мы видим светловолосую, длинноногую девочку, на лице которой, кажется, отпечатались все ужасы войны. В ”Блокадной книге” рассказывается, кто снят на этой фотографии. Несмотря на истощение, малышка пытается прыгать, но распухшее колено мешает ей. Теплый солнечный день. Девочка держит за руку мать. Она знает, что после прогулки они пойдут в столовую. Она довольна, потому что слышала волшебные слова: ”Мы пойдем есть”. Дома девочка иногда садится на стул, берет маленький кошелек и рвет на кусочки лист бумаги. Это ее обычное занятие: так она ждет, когда ее позовут к столу. Как и все дети блокады, девочка почти не может есть. Живот у нее распухает. Поев, девочка снова садится на стул и снова рвет бумагу. Она упорно наполняет кошелек этими листочками. Она воображает, что это карточки на хлеб. Эту девочку звали Долорес. Так ее назвал отец, который воевал в Испании и которому это имя очень нравилось.

Лев Толстой говорил: ”Будто мне все еще пятнадцать лет и меня не оставляет мысль, что я понимаю непонятное”. Понять непонятное... Можно ли понять то, что происходило с маленьким Игорем, который видел, как лишилась рассудка его мать? Об этом в ”Блокадной книге” рассказывает Мария Васильевна Машкова: ”В числе детей, с которыми я уезжала, был мальчик нашей сотрудницы — Игорь, очаровательный мальчик, красавец. Мать его очень нежно, со страшной любовью опекала... А потом этот Игорь потерял карточки... И вот уже в апреле месяце я иду как-то и вижу: сидит мальчик, страшный, отечный скелетик. ”Игорь? Что с тобой?” — говорю. ”Мария Васильевна, мама меня выгнала. Мама мне сказала, что она мне больше ни куска хлеба не даст”. — ”Как же так? Не может этого быть!” Он был в тяжелом состоянии. Мы еле взобрались с ним на мой пятый этаж, я его еле втащила. Мои дети к этому времени уже ходили в детский сад и еще держались. Он был страшен, так жалок! И все время говорил: ”Я маму не осуждаю.

Она поступает правильно. Это я виноват, это я виноват, это я потерял свою карточку". "Я тебя, — говорю, — устрою в школу" (которая должна была открыться). А мой сын шепчет: "Мама, дай ему то, что я принес из детского сада". Я накормила его и пошла с ним на улицу Чехова. Входим. В комнате страшная грязь. Лежит эта истощенная, всклокоченная женщина. Увидев сына, она сразу закричала: "Уходи вон!" В комнате смрад, грязь, темнота. Я говорю: "Что вы делаете?! Ведь осталось каких-нибудь три-четыре дня, он пойдет в школу, поправится". — "Ничего! Вот вы стоите на ногах, а я не стою, Ничего ему не дам! Я лежу, я голодная..." Вот такое превращение из нежной матери в такого зверя! Но Игорь не ушел. Он остался у нее, а потом я узнала, что он умер.

Через несколько лет я встретила ее. Она была цветущей, уже здоровой. Она увидела меня, бросилась ко мне, закричала: "Что я наделала!" Я ей сказала: "Ну что же теперь говорить об этом!" — "Нет, я больше не могу! Все мысли о нем". Через некоторое время она покончила с собой".

Дети войны... Исхудавшие, серьезные лица, в глазах — вся скорбь земли. Эти дети слишком рано узнали жизнь. Еще не став взрослыми, они научились бороться и умирать. Мальчик Крестинский вместе с другими детьми осенью, когда еще не выпал снег, собирал в лесах под Ленинградом клюкву. "Мы шли по болоту, — рассказывал он, — ветер усиливался, нам было очень холодно, так как одеты мы были плохо, а укрыться было негде... Болото было большое, как море. По крайней мере так мне тогда казалось". Детские дружины тушили пожары, вызванные зажигательными бомбами. Витя Тихонов был в одной из таких дружин. Он был так мал, что даже говорил еще плохо. Однажды он схватил зажигательную бомбу, температура которой превышала две тысячи градусов, и своими ручонками потушил ее. Когда его спросили, как он это сделал, мальчик ответил: "Я схватил ее за хвост и бросил в песок".

Еще маленькие защитники Ленинграда ходили по квартирам и собирали бутылки. Их наполняли горячей жидкостью, и потом защитники Ленинграда под-

жигали ими танки. Собирали и осколки от бомб и снарядов. 17 августа 1943 года в ходе одного из самых жестоких в то лето артналетов фашисты произвели по городу две тысячи выстрелов. Многие из снарядов разорвались на территории Кировского завода. Дети собирали осколки и отдавали их рабочим на переплавку. Маленькие ленинградцы помогали также разносить почту по квартирам. Но сил у них было так мало, что они не могли подняться в каждую квартиру. Войдя во двор, они подавали пионерским горном сигнал, и жители дома сами спускались за почтой.

...Я побывала в одной из двух школ Ленинграда, в которых преподается испанский язык. В школе № 7 Петроградского района я беседовала с директором и учителями, а потом встретила с ребятами из десятого класса. На прекрасном испанском языке десятиклассники рассказывали мне об основных событиях гражданской войны в Испании, о классических произведениях испанской литературы, о родном, горячо любимом ими городе. Эти ребята во всех своих проявлениях дети мирного времени. Они родились спустя много лет после войны, им был неведом голод, страх, смерть. Директор школы, учителя горячо говорили о будущем своих учеников, о развитии их способностей, о большой помощи общества и семьи в воспитании детей. "Мы хотим, чтобы они стали нормальными, самостоятельными людьми", — сказал мне один из учителей. Этим мальчикам и девочкам здорово повезло: по жизни их ведут взрослые, которые в детстве пережили войну.

Фашисты не жалели детей. В течение 900 дней осады гитлеровцы сбросили бомбы почти на 500 школ и детских садов. Но несмотря на это, занятия продолжались: в 1942 году в Ленинграде работало 39 средних школ. В последний год блокады было открыто уже 123 школы. 3 ноября 1941 года за парты сели более 30 тысяч старшеклассников. Не раз урок прерывался налетом, и при звуке сирены ребята спешно спускались в убежище (их было 60 тысяч), занимались в бомбоубежищах, приспособленных под классы. В самое трудное время урок обычно длился 15 минут. Дети были настолько истощены, что должны были

часто делать передышку. И все же весной 1942 года 532 школьника получили аттестаты зрелости.

Крестинский рассказывает мне в своем письме, что однажды в школу, где он учился, попал снаряд и разрушил три этажа. "В тот момент мы были в убежище, и когда вышли, то увидели, что наша круглая печурка свешивается из пролома в стене и нашего класса больше нет. Сверху, словно красный снег, медленно оседала кирпичная пыль".

Так блокадные дети вступали в жизнь. Один из переживших блокаду рассказывал корреспондентам "Комсомольской правды": "Как-то вечером в руках мальчика Саши оказался первый том собрания сочинений Толстого из домашней библиотеки. В холодном городе, в выстуженном доме мальчик запоем читал книгу за книгой. Удары метронома и Толстой. Стынущая "буржуйка" и Толстой. Девяносто томов подряд — как спасение, как ежедневная добавка к невесомому пайку ленинградца".

Уже упоминавшаяся мною Александра Косс в блокаду училась читать и говорить по-французски (по-русски она читала с четырех лет). Теперь девочке было девять, и от голода она почти полностью потеряла зрение, но все равно целые дни напролет читала книги. Особенно Александра запомнила "Дон Кихота" — издание с прекрасными иллюстрациями.

"Квартиру мы обогревали книгами. Сначала пошли в ход журналы, потом — энциклопедия. Но книги классиков мы сберегли. А потом подошла очередь мебели. Все поглотила маленькая печурка".

"Тогда же я прочитала и Пушкина, — рассказывает мне Александра. — Любовь к книгам спасла нас. Я, например, боялась спускаться в убежище и предпочитала остаться дома с книгой в руках. Книга помогала выстоять, сохранить душевное равновесие, она делала людей сильнее перед лицом тяжелейших испытаний".

Серьезная и одновременно робкая, Александра Косс похожа на подростка, а вместе с тем излучает удивительную силу. У нее большие серые глаза, которые кажутся бездонными. Она прекрасно говорит по-испански, хотя никогда не бывала в Испании. Она

переводила на русский язык Сервантеса, Кеведо, Унамуно и Валье Инклана. Мы разговаривали так долго, что не заметили, как на город опустились сумерки. В окно было видно темнеющее небо, серой пеленой растекающееся над Невой. Александра очень любит серый цвет... Она продолжает свой рассказ: "В понятие войны мы вкладываем опыт всего нашего поколения. В нем отражено и наше мировоззрение".

Вследствие истощения, перенесенного в страшные месяцы голода, у Александры развилась сильная близорукость — 17 диоптрий. На коже у нее остались пятна, и она так же, как некоторые ее подруги, не может иметь детей.

Когда началась война, Александре было 6 лет. Александра вспоминает, как со страхом прислушивалась она к вою сирен, предвещавших бомбежку, как в оцепенении не могла отвести глаз от изуродованных тел людей, погибших под обломками зданий.

Александра продолжает рассказ: "У меня есть подруга, которая в 14 лет видела такой сон: из белого, девственно чистого снега высунулась нога. Одна нога — и больше ничего. Через семь лет у нее родился первый сын. У новорожденного не было одной ножки. Многие из моих друзей, видевшие в блокаду обезображенные взрывами человеческие тела, не могут забыть их до сих пор. И у меня перед глазами все еще стоит такая картина: на детских санках везут труп. Из-под одеяла торчат ноги. Эта картина по нынешний день является мне в кошмарах".

Александра вспоминает мать: это была женщина энергичная и решительная, она не захотела эвакуироваться из Ленинграда. Ей казалось совершенно невозможной мысль, что фашисты могут взять город.

Она всегда была крепкой женщиной и во время войны даже была донором. Работала она медицинской сестрой. 900 страшных дней она пережила только благодаря своей сильной воле и огромному стремлению заставить себя выжить. "Я хочу дожить до дня победы, — упрямо повторяла она. — Я не умру во время войны назло Гитлеру".

Блокада сильно подорвала ее здоровье. Она сильно похудела, и одна знакомая, вернувшись из эвакуации,

даже не узнала ее. Потом болезнь обострилась, и в 1952 году мамы не стало.

В блокаду мы жили недалеко от Смольного. Рядом находился большой военный госпиталь. Он и сейчас находится в этом же здании. Это была излюбленная цель фашистов. Район бомбили нещадно. Наш дом чудом остался цел. В нашей квартире, которая в то время казалась мне очень большой, было две комнаты и кухня. Но большую часть времени мы проводили в кухне, так как там было теплее. Я помню постоянное чувство голода. Ужасно хотелось фруктов. Мы с подругами придумали такую игру: стучали в стену и просили гиппопотама положить нам в живот яблоко. И мы внушали себе, что в животе у нас есть яблоко. Помню, что до войны у меня была любимая игрушка — лошадка с гривой (мне хотелось быть мальчиком). В те времена я кормила лошадку хлебом, а потом, в блокаду, нашла где-то завалившийся, окаменевший кусок. Став школьницей, я участвовала в концертах для раненых солдат. Солдаты подкармливали нас, но мама не позволяла мне брать у них что-либо. Она говорила: "Им еда нужнее". Но как отказаться от ломтя хлеба с маслом и сахаром... Это было настоящее искушение.

В осажденном Ленинграде дети собирали гильзы: они были такие красивые — медные, красновато-золотистые. И дети не понимали, почему взрослые не разрешают им играть гильзами...

Мы никогда не выключали радио и жили от одного информационного сообщения до другого — мы ждали прорыва блокады. Когда появились первые пленные немцы, женщины давали им хлеб. Я спрашивала, почему мы не бросаем в них камнями. Мама объясняла мне, что это несчастные люди, обманутые и побежденные. И вдруг я увидела в немцах обычных людей, которых безжалостно обманули. "Увидела" я говорю с большой долей преувеличения: к тому времени близорукость развилась у меня настолько сильно, что я совершенно не различала их лиц. Страшно было признаваться самой себе в том, что у меня очень плохое зрение.

Тогда же я сочинила о пленных немцах песенку:

Немец-гад, немец-гад,
Ты стремился в Ленинград,
Но подальше ты попал —
Ты в могилу, фриц, упал”.

Александра смотрит на свинцовую Неву и повторяет: ”Я помню снег... везде только снег и ноги покойников... Моя мать отдала свое старинное коралловое ожерелье за сахар. Оказалось, что сахар был только сверху, а под ним — комок снега...”

Воспоминаниям Александры нет конца...

После прочтения ”Дон Кихота” она с неммым восхищением смотрела на тех возвращающихся с фронта солдат, которые выделялись высоким ростом и художавостью. Отец тоже напоминал ей испанского идадьго, и не только внешностью — он был настоящим рыцарем. Когда началась война, ему исполнилось 50 лет. Многие из его друзей, так же, как и он, евреев, погибли на оккупированной Украине от рук фашистов. Он работал экономистом на большом военном заводе, который находился на берегу Ладоги. Однажды он шел с другом по улице. Неподалеку разорвалась бомба. Его спутник погиб, а сам он навсегда потерял слух.

”Мир словно лишился опоры. Каждый день мы видели одно и то же: разрушенные дома, обломки мебели, картин, разбитых детских колясок, торчащих из руин... Эти воспоминания наваливаются на меня всякий раз, когда я вижу подлежащий сносу дом.

Во время бомбежки в щепки разнесло одно крыло Музея А. В. Суворова, который находился у Таврического сада. Глядя на обломки здания, я плакала. Мать утешала меня: ”Не расстраивайся. Вот увидишь, после войны мы восстановим его”.

Так и случилось. Пришел день, когда кольцо окружения было разорвано, налеты прекратились и война стала казаться нам такой далекой...

Но одного я не забуду до самой смерти: блокадного Ленинграда в снегу и свешивающихся с детских санок ног покойника”.

Бывшему шоферу, а сегодня журналисту и детскому писателю Вольту Николаевичу Суслову было 14 лет, когда началась война. Осенью 1941 года, придя

в свою школу на Васильевском острове (мальчик учился тогда в восьмом классе), он увидел, что в ней разместился госпиталь. Из 200 его ровесников в школе осталось всего 24 человека. Большая часть эвакуировалась, о других вообще ничего не было известно. Школу перевели в убежище — помещение без окон. В ноябре 1941 года прекратилась подача электричества. Ребята занимались при свете коптилки — это был стеклянный пузырек, в который наливали хлопковое масло, а в горлышко вставляли металлическую трубочку. Освещение было плохое, но дети продолжали учиться. В декабре замерзли трубы, не стало воды. На занятиях ученики сидели в шапках и пальто, чернила замерзали, но они продолжали учиться. В январе свирепствовал такой голод, что ни у учеников, ни у учителей уже не оставалось сил продолжать занятия. Вновь школа открылась в мае 1942 года. Но в некоторых школах занятия не прерывались ни на один день. Суслов черпал силы в письмах, которые он получал от товарищей, разбросанных эвакуацией по всей стране... Он и сам много писал им. Через десять лет один из его друзей вернулся из Узбекистана с целым портфелем писем, полученных от Суслова.

Каждый день Суслов вставал в пять часов утра и до десяти стоял в очереди за хлебом для себя и для отца. Однажды, подойдя к булочной, он увидел, что ее двери разбиты взрывом. С улицы люди голодными глазами жадно смотрели на заполненные хлебом полки. И никто не взял ни одной буханки. Все ждали прихода продавца. Это был урок жизни...

Маленький Вольт ходил и за водой к проруби на замерзшей Неве. Он наполнял ведро кувшином: если бы он зачерпывал воду ведром, то у него не хватило бы сил вытащить его из проруби. К проруби тянулась очередь, и люди поторапливали друг друга. Они знали, что в любую минуту могли налететь самолеты. К проруби вел скользкий, обледеневший спуск, люди часто падали на нем. Суслов, хотя и сам обессиленный, помогал встать тем, кто упал.

Вольт ходил за дровами для "буржуйки" — маленькой прожорливой печки. Дрова нужны были всем, но никто не срубил ни одного дерева ни в парках, ни в

садах Ленинграда. Однажды на Большом проспекте Васильевского острова кто-то сорвал цветы акации и начал их есть. Увидев, что цветы съедобны, их отважились попробовать и другие. "Акация отдавала нам свою душу", — говорил мне Суслов. И это тоже был урок жизни.

Находясь в эвакуации в Ташкенте, Анна Ахматова вспомнила о маленьком Вале Смирнове, который погиб от фашистской бомбы. Анна Ахматова не могла забыть детей Ленинграда, детей войны:

Постучись кулачком — я открою...
Твоего я не слышала стона...
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинок зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

Дети Ленинграда, дети войны — они были вынуждены научиться умирать. Всем известна история Тани Савичевой, девочки с огромными черными глазами и тонкой линией губ.

Она смотрит с фотографии на нас, словно вопрошая, почему так абсурден мир взрослых. Как и маленький Вольт, Таня жила на Васильевском острове. Однажды своим детским почерком она сделала первую запись в дневнике: "Мне страшно, падают бомбы". Это были первые бомбежки Ленинграда. Таня росла в большой семье. Ее старшая сестра Евгения дежурила на крыше дома, тушила зажигательные бомбы, рассчитала улицы от завалов.

В 1942 году Таню эвакуировали в Горьковскую область. У нее была хроническая дизентерия, и врачи уже не могли спасти девочку. Таня умерла в 1944 году. Ее могила была найдена совсем недавно. Из большой семьи Савичевых в живых остались только два брата.

В Ленинграде было много девочек по имени Таня, было много мальчиков и девочек, которые видели, как умирали их матери, бабушки, братья.

Мальчишки и девочки с посиневшими руками, с черневшими лицами, с застывшим взглядом — такими

их находили в квартирах и не могли оторвать от тел умерших родственников. Мальчики и девочки, дрожащие от холода и хранящие в душе нестерпимую боль, — такими они уезжали в эвакуацию. Дети, рассказывающие о смерти отца или матери так же просто, как об этом писала Таня Богданова. Без слез, с печалью в лице, с неизъяснимой болью, запрятавшейся в самом дальнем уголке их души.

Галина Петровна, жена писателя Юрия Рытхэу, тоже осталась одна. Сначала умер ее отец, потом брат, а 31 августа 1942 года от двустороннего воспаления легких — мать. Девочка бродила по улицам, пока ее не подобрала соседка и не отвела в детский сад. Таких детей — голодных, одиноких, молчаливых, часто не знающих даже, как их зовут, — подбирали на улицах комсомолки. Девушку, спасшую 39 детей, звали Вера Чекина. Она мягко разжимала руки ребенка, обхватившие мертвого отца или мать, и отводила его в детский сад. Фамилии семерых из спасенных Верой детей неизвестны, их нарекли Чекиными. Другим дали фамилии по названию той улицы, на которой их нашли.

Число детей, оставшихся, как и Таня Богданова, без родителей, постоянно росло. В 1942 году было открыто 85 детских садов, в которые в течение пяти месяцев поступило более 30 тысяч детей. Здесь они получали усиленное питание.

Между тем жизнь продолжалась.

30 марта 1943 года в городе разорвалось 562 артиллерийских снаряда. Было много убитых и раненых. В одну из больниц привезли окровавленную женщину, раненую в живот и в ноги. Женщина была на последнем месяце беременности. Врач немедленно начал операцию, и через 14 часов она благополучно родила. Затем пришлось оперировать новорожденного. У ребенка в крестце оказался осколок...

Дети, которые, как Таня Богданова, должны были научиться умирать...

Тане Богдановой было 13 лет, когда она, предчувствуя смерть, написала отцу прощальное письмо: "Дорогой папа, я болею и пишу тебе это письмо, потому что жду смерти и потому что она приходит так неожиданно и тихо. Прошу никого в моей смерти не

винить. Я должна признаться, что виновата только я сама, потому что не всегда слушалась маму. Дорогой папа, я знаю, что тебе будет очень трудно перенести весть о моей смерти, да и мне самой не хочется умирать, но сделать ничего нельзя, такая уж судьба...

Мама сказала, что она сделает все возможное, чтобы я осталась жива. Она даже отказалась от своего пайка и отдавала мне все, что получала по карточке. Но так как эта попытка поддержать меня не очень получилась, я должна умереть. Папа, я болела в апреле, когда на улице было так хорошо. Я плакала оттого, что не могла выйти погулять. Мне очень этого хотелось, но я не могла встать с постели. Я должна сказать спасибо маме, которая одевала меня и выносила во двор, на солнышко. Папа, дорогой, не огорчайся очень из-за меня, мне и самой не хочется умирать. Мне хотелось бы жить, потому что скоро придет лето и все снова расцветет. Пишу тебе это письмо и плачу, потому что мне страшно, руки и ноги у меня начинают дрожать. И как мне не плакать, если так хочется жить... Я изо всех сил стараюсь не потерять сознание, но ничего не могу сделать, у меня нет никаких желаний, и я жду, что сегодня или завтра я потеряю сознание навсегда. Я стараюсь ни о чем не думать, но не могу отогнать разные мысли. Так что, дорогой папа, ты не должен особенно расстраиваться, и, когда тебе сообщат о моей смерти, прошу тебя встретить это известие хладнокровно. Я очень благодарна моей дорогой маме, моим сестрам и братишкам за заботу обо мне, особенно маме, которой я не смогла сказать эти слова. Большое ей спасибо, она сделала все, что могла".

Когда солдат Богданов вернулся с войны, он узнал, что пятеро его детей умерли, умерла и Таня.

Осенью 1942 года большая часть оставшихся в городе детей пошла в школу. Они уже привыкли к бомбежкам и к воздушным тревогам, научились в годы войны новым играм. Постепенно на их лица возвращались улыбки. Учителя с радостным удивлением отмечали, что дети снова принялись за свои проделки. Женщина, бывшая в годы войны ребенком, рассказывает: "Мы удрали с урока. Вдруг нам захотелось совершить такую проказу. А двери закрывали, чтобы мы не вы-

ходили на улицу. Мы сломали дверь на черный ход и убежали с урока. Мы натолкнулись на нашего заведующего роно. Он сказал: немедленно идите в школу! Потому что были обстрелы и нам не разрешали ходить на улице. Мы вернулись в школу, пришли к завучу, а она вдруг заплакала... Теперь я понимаю, что учителя радовались, потому что это был первый детский проступок и, в общем, дети возвращались к жизни; это было ясно и чрезвычайно приятно”.

Да, дети войны возвращались к жизни. Они еще столкнутся лицом к лицу со смертью, будут умирать под фашистскими бомбами, но они больше не будут свидетелями ледящего душу зрелища медленного умирания от голода. Они начнут немного лучше питаться. Они поймут, что у них есть будущее. Гитлеру не удалось сломить их.

Владимир Бахтин вернулся в школу весной 1942 года. Он шел туда через огороды, радуясь их свежей зелени. Он любовался первыми листиками на деревьях и солнцем, отражавшимся в окнах домов. Учителя, которых он встретил в школе, были истощенными и опухшими от голода... Но как радостно было снова встретиться с ними! С тех самых пор Бахтин хранит как реликвию тетрадку, исписанную мелким, бисерным почерком. Это сочинения о творчестве Блока, Горького и первые упражнения по тригонометрии. ”Несмотря ни на что, — рассказывал он мне, — мы были уверены в победе, нисколько в ней не сомневались. Пессимисты говорили: ”Я болен, я не доживу до победы, я не продержусь до этого дня”, но многие школьники начали писать сочинения и стихи о Дне Победы, издавать свою газету. Они уже знали, что выстоят”.

... В последние дни июня, когда близился день моего отъезда из Ленинграда, я вдруг заметила, что улицы и площади города опустели. Я чувствовала, что чего-то не хватает, но не знала, чего именно. Скоро я поняла, что мне не хватает резвящихся детей, которых совсем недавно я видела в парке у Смольного, в Летнем саду и в сквере на площади Искусств. Более 400 тысяч маленьких ленинградцев уехали из города, чтобы провести лето у Черного моря или в окрестностях

Ленинграда. Исчезли длинные очереди ребят у входа в Эрмитаж, не видно было малышей, играющих в песочницах и на горках под присмотром бабушек, мирно беседующих друг с другом. Однажды я увидела старушку, которая одиноко сидела в уголке парка под золотыми листьями тополя. С мягкой улыбкой она смотрела на играющих детей. Позже мне рассказали, что многие из женщин, потерявшие детей в блокаду, приходят в парк полюбоваться чужими внуками. Жизнь шла вперед, и они были счастливы этим.

Недалеко от Финского залива, в густом березняке, находится чудесное имение. Некогда оно принадлежало графине Буровой. В 1945 году правительство открыло здесь санаторий для ленинградских детей, здоровье которых было подорвано блокадой. Таких лечебниц под Ленинградом немало.

Сегодня бывшее владение графини Буровой — ансамбль утопающих в зелени и радующих взор зданий — служит детям.

Перед отъездом на каникулы школьники собираются во Дворце пионеров — великолепном здании, которое принадлежало фавориту царицы Елизаветы Петровны графу Алексею Разумовскому. Из сада, обращенного одной стороной к Фонтанке, а другой — к Невскому проспекту, доносятся веселые детские голоса. Советские дети, никогда не знавшие войны, очень рано начинают понимать, какое горе, какие разрушения принесли их стране фашистские варвары. Дети знают о 20 миллионах погибших советских людей.

В один из последних дней пребывания в Ленинграде я побывала в Театре юного зрителя. Смотрела пьесу для детей. Это была пьеса о войне и детях военного времени. Маленькие зрители как зачарованные следили за приключениями героев. Ребята в зале переживали вместе с героями их жизнь: вместе с ними боялись и вместе преодолевали страх, не желая ни в чем уступить взрослым.

После спектакля с помощью переводчика я обратилась к некоторым юным зрителям с вопросом: "Нравятся ли вам пьесы на военные темы?" Один из зрителей, пятнадцатилетний мальчик, ответил:

”Пьесы на военные темы смотрятся с интересом. Но вы даже не представляете, как я ненавижу войну!”

ПУШКИН И БЛОКАДА

Город на Неве неразрывно связан с именем Пушкина. Образ Петербурга ярко запечатлен во многих произведениях поэта. И все в городе — дворцы, памятники, сады — напоминает о гении русской поэзии. Дух Пушкина незримо присутствовал в Ленинграде и в суровую пору блокады.

В Ленинграде, разрушенном бомбами и артиллерийскими снарядами, где не было ни электричества, ни отопления, ни хлеба, книги стали оружием. Несмотря на то, что из 27 ленинградских издательств во время войны продолжали работать только семь, было издано 1500 наименований книг самого разного характера.

Разумеется, особое внимание уделялось изданию военно-патриотической литературы, но заметное место при этом занимали и книги по искусству, художественные произведения. В то время как немецкая артиллерия превращала в руины великолепные памятники зодчества в окрестностях города, издательство ”Искусство” выпускало серию книг под названием ”Архитектурные ансамбли Ленинграда”, а группа художников подготовила серию открыток с изображением неповторимых видов старинного Петербурга и нового Ленинграда. Чем ближе подходил к городу враг, тем больше издавалось книг и брошюр, посвященных защите города. Вот некоторые из них: ”Как уничтожить врага, пытающегося взорвать город”, ”Как защитить детей от воздушных налетов”, ”Содержите улицы в чистоте”, ”Стрелок! Учись стрелять без промаха”... Жители дома № 29 по улице Халтурина обратились в издательство с просьбой выпустить брошюру под названием ”Наш дом готов к защите”. Они хотели, чтобы все ленинградцы знали, как нужно защищать свой дом.

Во время тревожных ноябрьских дней 1941 года политическое руководство Ленинградского фронта

Враг у ворот! Народное ополчение

Ленинградцы на строительстве оборонительных сооружений

Эвакуация детей из Ленинграда

Защитники Ленинграда

**Невский проспект.
Жертвы артобстрела**

**Умершего от истощения
везут на кладбище**

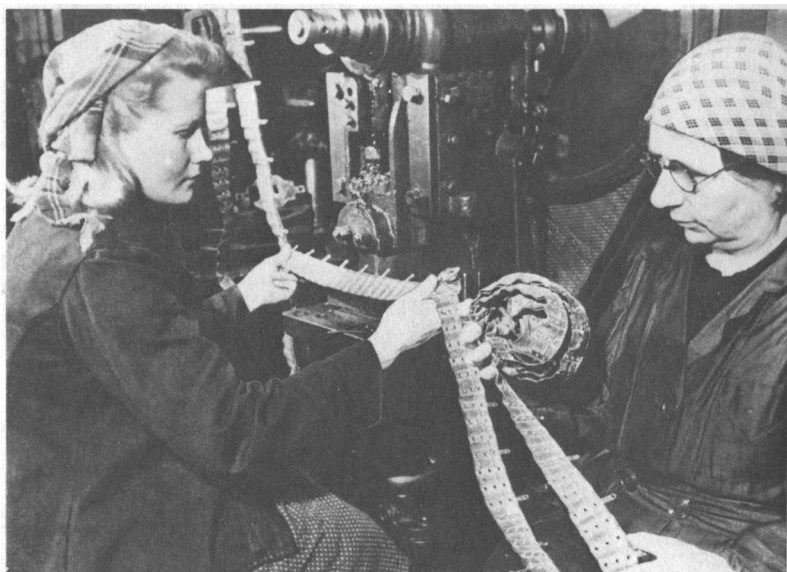
За водой

Помощь ослабшему от голода

“Дорога жизни”. Зенитное прикрытие

На обувной фабрике “Скороход” делали пулеметные ленты

Продажа билетов в филармонию

День поэта. Ольга Берггольц подписывает свои книги ленинградцам

Памятник "Разорванное кольцо"

принимает решение о переиздании тиражом 100 тысяч экземпляров эпопеи Льва Толстого "Война и мир". Это выдающееся произведение стало любимой книгой солдат в окопах, балтийских моряков, рабочих в осажденном городе. Люди находили в этом романе много общего с современной эпохой, с войной, очевидцами и участниками которой были сами. Роман стал для них своего рода учебником этики. "...Для моего поколения, которое видело немцев на подступах к Москве и у стен Ленинграда, — вспоминал К. Симонов, — чтение "Войны и мира" в тот период навсегда запомнится как нечто волнующее, имеющее не только эстетическое, но и моральное значение. Эта книга отвечала на важнейшие вопросы нашего времени: что есть подлинная храбрость и что — настоящая трусость? Кто борется против врага на деле, а кто — лишь на словах? И наконец, она давала ответ на самый главный вопрос: сможем ли мы уничтожить тех, что дошли до Москвы и до Волги?"

Летом и осенью 1942 года в Ленинграде вышла в свет серия небольших брошюр по сельскому хозяйству, столь необходимых для решения неотложной проблемы питания жителей осажденного города: "Как выращивать овощи в домашних условиях", "Уход за овощами на личном участке" и пособие, рассказывающее о дикорастущих съедобных травах. Последнее предназначалось солдатам, партизанам, мирному населению и позволяло им добывать дополнительное пропитание.

Были изданы биографии гениев русской культуры: Глинки, Чайковского, Пушкина; рассказы и очерки Николая Тихонова, "Пулковский меридиан" Веры Инбер, "Поэма о Ленинграде" Ольги Берггольц (повествующая об ужасах блокады, эта поэма облетела весь мир). Произведения Берггольц, Инбер, Дудина, Тихонова, страстные выступления Вишневского поднимали дух и прибавляли сил людям, которые по приказу Гитлера и его сообщников подлежали уничтожению.

В общей сложности было опубликовано 23 миллиона экземпляров книг и брошюр — число само по себе колоссальное, не укладывающееся в сознании

западного человека. И это несмотря на острейшую нехватку в городе бумаги!

Кроме книг, ежедневно выходили три газеты: "На страже Родины", "Ленинградская правда" и "Новая смена".

Героически трудились типографские рабочие, большинство из которых составляли женщины. Книга выдающегося советского ученого Е. В. Тарле "Крымская война" была напечатана вручную в течение суровой зимы 1941/1942 года. Истощенные рабочие-женщины без усталости крутили рукоятку машины. Не раз они падали возле машины от голода и усталости, снова вставали и продолжали работу под грохот артиллерийских снарядов. Для отправки книг в Москву использовались все виды транспорта: автомашины, пароходы, поезда и самолеты. Были изданы учебники для таджикских школьников на их родном языке, и работники книжной торговли сделали все, чтобы эти книги дошли до адресата.

28 февраля 1942 года. Рабочие типографии имени Володарского печатают "Ленинградскую правду". Они устали, но сегодня же необходимо отпечатать продовольственные карточки на март месяц — иначе люди останутся без хлеба. Наконец и эта работа закончена. Рабочие получают новое задание: напечатать книгу — вовсе не о войне. Это вторая часть истории музыкальной культуры профессора Романа Грубера. Кажется непостижимым, но рабочие, не сомкнув глаз, стоят у машин всю ночь, чтобы книга вышла в свет. Остается только добавить, что 28 февраля 1942 года в городе разорвалось 115 тысяч артиллерийских снарядов.

Тысячи людей умирали от холода, только бы не сжечь книги любимых авторов. В Ленинграде почитают книгу. Я сама видела в его скверах и парках читающих стариков и старушек, видела в метро спешащих, но не выпускающих из рук газету, журнал или книгу людей. Видела парней, увлеченно поглощающих толстые учебники, и девушек, которые не могли оторваться от захватывающих романов о любви. Я побывала в огромном Доме книги, где ленинградцы подолгу стоят у прилавков, выбирая нужную им книгу, и оживленно обмениваются мнениями по поводу того или иного издания.

Книжные магазины продолжали работать и во время блокады. Они всегда были полны покупателей. Увеличивалось число проданных книг, и в кассах книжного магазина иногда набиралось в день до семи тысяч рублей. Библиофилы толпились и в букинистических магазинах, где можно было найти книгу на любой вкус. Уцелевшие от сожжения, пережившие своих владельцев, они доставались другим людям, в ком продолжала жить любовь к книгам.

Леонид Осипович Мисюк работает переплетчиком. Книги — его страсть. В его библиотеке есть экземпляры, особенно дорогие ему: это книги, спасенные им во время блокады. Дом, где жил маленький Леонид, был разрушен взрывом бомбы. В тот день шел сильный снег и дул холодный ветер, а мальчику нужно было проделать большой путь от Васильевского острова до Невского проспекта. Он совсем выбился из сил, но не бросил ценный груз, который вез на своих саночках. Это были книги, подобранные им на развалинах родного дома.

В один из блокадных дней в Пушкинский дом, где работал ученый Мануйлов, пришли моряки-подводники с просьбой дать им почитать стихотворения Есенина. Но поскольку в библиотеке оказался единственный экземпляр есенинского сборника, Мануйлов не мог выдать им книгу. Долго ломал он голову, как помочь морякам, и вдруг его осенило: переписать от руки томик Есенина! Так он и сделал. Обессиленный от голода, Мануйлов всю ночь переписывал при свете свечи книгу, и на следующее утро удивленные моряки получили от него прекрасный подарок. В знак благодарности они протянули электрокабель от своей подводной лодки, стоявшей у самой набережной Невы, до Пушкинского дома — и в нем зажегся свет.

Мы побывали в отделе рукописей Центральной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. В этой библиотеке провел много часов молодой Ленин.

Когда-то в библиотеке был один читальный зал на 46 человек и 238 тысяч книг; сейчас здесь более 20 миллионов книг на 89 языках народов СССР и 156 языках народов мира. Отдел рукописей, расска-

зал нам профессор Даниил Аль, был основан в 1805 — 1806 годах, а пять лет спустя открыта библиотека. В настоящее время этот отдел располагает самым богатым в мире печатным фондом по вопросам славянской культуры, в нем хранятся книги и рукописи на 85 языках.

Строгое, сосредоточенное лицо профессора оживает, когда он говорит о рукописях. Этому делу он, историк, отдал многие годы жизни. Профессор показал мне выставленные в витринах рукописи меровингского и каролингского периодов, последнее послание Ивана Грозного, бумаги, принадлежавшие Гёте, Гейне, Бальзаку, Достоевскому, Диккенсу, Тургеневу, Пушкину, Л. Толстому, письмо Наполеона Кутузову, в котором он, поняв, что война проиграна, предлагает русскому полководцу перемирие. В отделе хранятся 2500 автографов партитур Моцарта, Баха, Шопена, Бетховена, Грига...

Все эти рукописи, все эти библиографические сокровища были спасены во время блокады. До войны отделом заведовал Иван Афанасьевич Бычков. Здесь же до него работал его отец, и в общей сложности они руководили отделом 104 года. Бычков был человеком старой закалки, рассказывал профессор Д. Аль, и к своим подчиненным обращался неизменно по старинке: "господа". Бычков оставался на должности заведующего и в советское время. Замену ему найти было непросто: его эрудиция была поистине огромна. Иван Афанасьевич полагал, что нет нужды эвакуировать из Ленинграда книги и рукописи. Немцы — высококультурная нация, говорил он, и должны с уважением отнестись к памятникам письменности. И тем не менее большинство книг и рукописей было вывезено на Урал. Наиболее ценные из тех, что оставались в Ленинграде, спрятали в подвалы. Фашисты сбросили на библиотеку сотни зажигательных бомб. А в планшете немецкого летчика, сбитого над городом, нашли план Ленинграда, где библиотека была обозначена как один из главных объектов бомбардировки. Здание сильно пострадало и от артиллерийского обстрела. Одна из бомб упала рядом с библиотекой на трамвайной остановке. Погибли десятки людей. Доктор Аль показал

мне в зале рукописей один из оконных проемов, еще хранящий следы осколков.

Зимой 1941 года работать в библиотеке стало невыносимо трудно. В книгохранилище проникал снег, и температура в помещении падала до 25 градусов мороза.

В период с 1 августа 1941 года по 1 мая 1942 года умерли 50 работников библиотеки. Во время участвовавших воздушных налетов читатели библиотеки укрывались в бомбоубежище и там продолжали чтение. В этот читальный зал заходили не только постоянные посетители библиотеки, но и прохожие, застигнутые сигналом воздушной тревоги.

Сотрудники старались спасти не только фонды, но и само здание библиотеки — замечательный памятник архитектуры. Начальник пожарной охраны библиотеки Т. И. Антонец вспоминает: "Мужчины и женщины, не ушедшие на фронт, проводили целые дни на библиотечном дворе, сколачивая ящики для эвакуации книг. Девизом нашей работы стали слова: "Каждый гвоздь — это гвоздь, вбитый в голову Гитлера". Ночами люди по цепочке передавали мешки с песком и складывали их у библиотеки, чтобы предохранить здание от бомб и артиллерийских снарядов. Потолки покрасили краской из суперфосфата, чтобы спасти их от пожара. Сначала эта работа нам показалась несложной, но краска разъедала лицо и руки. Несмотря на защитные очки, попадала в глаза. Руки у нас болели, мы ведь не привыкли подолгу держать большие, тяжелые кисти. Эта изнурительная работа длилась 27 дней".

Сотрудники библиотеки подбирали для ленинградцев книги, которые помогали им выжить. В 1942 году они организовали выставку литературы о травах, пригодных для употребления в пищу, разыскали в старинных книгах рецепт изготовления свечей в домашних условиях и способ сохранения тепла в неотапливаемом доме. Зимой 1942/1943 года температура в залах библиотеки держалась на отметке минус десять градусов, и книжные полки покрылись инеем. Сотрудники библиотеки обкладывали книги мешками, чтобы защитить их от холода.

Несмотря на все страдания и лишения, в библиотеку изо дня в день ходили закутанные в пальто ученые. Истощенные, они с трудом поднимали тяжелые тома, окостеневшими от холода пальцами переворачивали страницы, но занятий своих не оставляли. Они словно не замечали взрывов бомб и свиста снарядов.

Сотрудники библиотеки обходили квартиры ученых, умерших от истощения, чтобы спасти и сохранить для потомства их труды. В 1942 году абонементом библиотеки пользовались 13 023 читателя, а книжный фонд значительно пополнился. Из 150 человек, работавших в библиотеке, в живых остались только 38. Как только блокада была снята, рукописи выставили в витринах, а книги вернулись на свои полки.

В Ленинграде работали и другие библиотеки. В детских библиотеках Свердловского и Фрунзенского районов читатели собирались вокруг маленьких печурок и при их слабом, неверном свете читали свои любимые книги. Библиотека Дома техники ни на день не прерывала своей работы. Туда за необходимой информацией обо всех видах производства и ремонта военной техники приходили инженеры. Когда была открыта "Дорога жизни", библиотекари подбирали для водителей литературу о физическом строении льда, о соответствии его толщины весу груза и так далее.

Читали все и повсюду. Сотрудники библиотек доставляли книги рабочим на заводы и раненым в госпитали. Крайне ослабленные, они с трудом тащили тяжелые санки с книгами и часто добирались до места такими измученными, что впору их самих было оставлять в госпитале на лечение. Михалина Петровна Бронсте работала в библиотеке, расположенной в доме № 92 на проспекте Стачек. А дом № 146 по той же улице был занят немцами.

Михалина Петровна вспоминает такой необычный факт:

"Однажды во время особенно сильного артобстрела в библиотеку пришли несколько человек: им срочно понадобилась книга о Льве Толстом, чтобы решить возникший между ними спор".

Всю войну библиотеки служили местом встречи

для писателей, художников, поэтов, которые нуждались в творческом общении. ”В библиотеке, — рассказывает одна из постоянных читательниц, — мы отдыхали душой, мы жили другой жизнью, далекой от ужасной действительности. Эта разрядка давала нам новые силы, чтобы продолжать борьбу”.

ГОРОД ЛЮБВИ, ГОРОД НЕНАВИСТИ

Последние дни июня, последние дни моего пребывания в Ленинграде... Мне предстоит поездка в окрестности города.

Пушкин. Люди толпятся у входа в Екатерининский дворец. Бело-голубые колонны и карнизы дворца — любимые цвета Растрелли — ослепляют своей яркостью. С Камероновой галереи открывается прекрасный вид на парк, где строгость французского искусства сочетается с изысканным беспорядком английского стиля. Затем прогулки по Павловску, пышные романтические сады, густые леса с затерявшимися в них павильонами, лужайки и водоемы... Экскурсия по Петродворцу — летней резиденции Петра I, которая по красоте может соперничать с Версалем. Знаменитые фонтаны, золотая фигура Самсона, статуи античных богов. А вдали серо-стальные волны Финского залива... Кажется, что Прекрасное нашло здесь свое прибежище.

Видеть все это сегодня мы можем благодаря тем, кто умел безмерно любить свой город и безмерно ненавидеть врага, на него посягнувшего.

Что мог сделать враг? Разрушать и убивать. Не более. Что противопоставили ему ленинградцы? Любовь к дому, к улице, к городу, а шире — любовь к людям, к Родине. И еще — силу ненависти. Ленинградцы знали, что у ворот их города разыгралась битва не на жизнь, а на смерть, что фашисты обрекли их на гибель. Но они знали, что нужно выстоять. И выстояли.

Сейчас нам трудно это представить. Особенно трудно человеку с Запада, где проповедуется относительность всего сущего, человеческие чувства обесценены

и даже граница между добром и злом подчас весьма неопределенна.

Как же все-таки выстояли ленинградцы?

Они выработали свой нравственный кодекс. Они боролись за жизнь, но не только за то, чтобы выжить физически. Опасность моральной деградации таилась в чувстве ненужности, уклонении от повседневных больших и малых дел. В холодном, изнывающем от голода городе индивидуализм означал смерть. И двери домов открывались для чужих людей, семьи пополнялись новыми членами — ленинградцы одаривали друг друга душевным теплом. Город тогда представлял собой огромный, единый, сплоченный коллектив.

Это была не только война оружия, но и противоборство духа и борьба идеологий. "Мы боремся как за нашу Родину, так и за наши идеи", — записал в своем дневнике 8 марта 1942 года писатель Всеволод Вишневский.

"Патриотизм советского народа неотделим от духа революции, — как бы развивая его мысль, говорил Бенедикт Виноградов. — Любовь к отчизне и ненависть к врагу удесятерила силы..."

И казалось, не будет прощения ленинградцев тем, кто поджигал их дома, разрушал их дворцы, сбрасывал с самолетов издевательские листовки, безжалостно бомбил госпитали и школы, тем, кто приговорил их к голодной смерти. Но когда в городе появились первые немецкие пленные, гнев ленинградцев сменился состраданием, негодование — жалостью. В немецких солдатах, которые восстанавливали дома, ими же самими превращенные в руины, они видели жалких оборванцев. Женщины, изведавшие столько лишений, так настрадавшиеся, протягивали им кусок хлеба.

Советские люди знали, что были немцы, ненавидевшие фашизм и войну так же, как они, испытывавшие чувство стыда за варварство и дикость нацистов. 15 января 1943 года Томас Манн обратился по британскому радио к немецким радиослушателям: "Что принесли немецкому народу эти смутные годы? Есть только один ответ, достаточно полный: войну. Войну с последствиями, которые она имеет для немецкого

народа уже сегодня, и с теми последствиями, которые она еще будет иметь. Войну, развязанную Гитлером, на которой проливают кровь миллионы ваших сыновей и которая несет опустошение всему континенту, включая Германию...”

Ленинградцы видели в этих солдатах жертвы фашистского режима, людей, обманутых фанатиком, возмечтавшим создать новый мир на пепелище. ”Да, немецкий народ позволил обмануть себя, — говорил профессор Виноградов, — и нам пришлось отстаивать свою свободу в беспощадной борьбе. Но дух ненависти к другим народам нам не свойствен, и мы не будем прививать это бесплодное чувство нашим детям. Гёте, Бах, Бетховен — это ведь тоже немцы! А месть, она ничего не решает”.

ГОРОД, ЛЮБЯЩИЙ МИР

Весенним днем 1944 года Вольт Суслов увидел на улице толпу людей. Заинтересовавшись, он подошел ближе и понял, что причина всеобщего внимания — кошка. Люди с умилением разглядывали ее и приговаривали: ”Киска, кисочка”. Такое счастье — снова увидеть кошку, преспокойно разгуливающую по городу.

Позднее Суслов случайно узнал, откуда взялась кошка. В Ленинграде, оставшемся в блокаду без домашних животных, в невиданном количестве расплодились крысы. Городской комитет партии обратился к жителям Кирова и Вологды с просьбой прислать в Ленинград кошек. Те откликнулись. Сразу же после прорыва блокады в Ленинград прибыло два вагона кошек. Но дело даже не в том, что так была решена проблема крыс: само появление домашних животных означало возвращение к мирной жизни. Дети снова играли с собаками, старушки возились с кошками. На высоких башнях устраивались голуби, а над Невой летали чайки.

Освобождение Ленинграда была завершено в четверг, 27 января 1944 года. Войска противника были отброшены на 65—100 километров, и, хотя предстояло

еще много тяжелых боев, хотя еще суждено было погибнуть многим советским людям, победоносное шествие к Берлину остановить уже было нельзя. В тот день, 27 января, Москва предоставила Ленинграду честь впервые произвести салют. В восемь часов вечера на улицах города, где еще недавно рвались снаряды и горели зажигательные бомбы, прозвучали 24 залпа из 324 орудий. Это была самая мощная канонада, которую слышали ленинградцы. Небо посветлело от отблесков фейерверка. Залпы орудий слились с радостными возгласами ленинградцев. Они ликовали, а с ними ликовал весь советский народ, другие народы, еще находившиеся под властью фашистских захватчиков. Газета "Нью-Йорк таймс" писала: "Трудно найти в истории пример подобного героического сопротивления, продемонстрированного в течение столь длительного времени ленинградцами. Их подвиг будет записан в анналы истории как своего рода героический миф. Ленинград воплощает непобедимый дух народа России". Президент США Франклин Рузвельт направил в освобожденный город специальную грамоту, в которой, в частности, говорилось: "...В память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, и женщинах, и детях, которые, будучи изолированными захватчиками от остальной части своего народа... с успехом защищали свой любимый город... и символизировали этим неустрашимый дух народов СССР, всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии".

Они выжили, выстояли, победили. Сияя от радости, почтальон Ирина Кочергина шла в рядах колонны почтовых работников на первой послеблокадной демонстрации к Зимнему дворцу. С домов исчезли надписи, указывающие, какая сторона улицы наиболее опасна в случае артобстрела. На обожженной земле, из которой еще совсем недавно торчали сухие обгоревшие деревья, вновь зацветали сады.

Но прошлое нельзя предать забвению. Нужно помнить о войне, чтобы жить в мире. "Никто не забыт, ничто не забыто". Эта строка из стихотворения Ольги Берггольц до сих пор обжигает сердца ленинградцев. В память о блокаде, длившейся 900 ужасных дней, в

мемориальном комплексе на Московском проспекте горят 900 свечей и раздается мерное тиканье метронома, будто вечное биение сердца самого города. У подножия скульптуры этого мемориала всегда лежат цветы. Цветы и на Пискаревском кладбище, и на братских безымянных могилах.

Те, кто пережил блокаду, кто был почти три года на грани между жизнью и смертью, ведут особый отсчет времени, у них своя, особая система ценностей. "Наш опыт трагичен, — говорил мне профессор Виноградов, — но, может быть, он понадобился человечеству, чтобы оно поняло, что такое война... Мы же, ленинградцы, будем бороться за мир, сколько станет сил".

Такие слова я слышала в Ленинграде множество раз. Они были понятны и дороги мне, не видевшей войны.

Пришла пора прощаться с Ленинградом, с замечательным городом, с друзьями, со всеми, кто помог мне совершить путешествие в прошлое. Я никогда их не забуду — они преподали мне колоссальный урок. Урок стойкости, мужества, несокрушимого человеческого достоинства.

Пусть же навсегда останется в памяти всех людей героическая борьба ленинградцев против фашизма! И пусть наполнятся их сердца ненавистью к войне и любовью к миру.

Эмиль Карлебах

**НИКТО НЕ ЗАБЫТ,
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО**

(ИЗ КНИГИ "МЫ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ")

Emil Carlebach

Reise in den Bolschewismus

Перевод с немецкого П. Куриленко

КРАСНАЯ АРМИЯ

Как была создана Красная Армия? В конце 1917 года, через несколько недель после победы в России Октябрьской революции, царская армия была распущена Советским правительством. В знаменитом ленинском Декрете о мире предлагалось немедленно прекратить все военные действия и без промедления заключить мирный договор. Если бы Германия, Франция, Англия и США приняли это предложение, Советскому правительству достаточно было бы одной милиции, чтобы поддерживать внутренний порядок.

Но произошло обратное. Как хищные звери, набросились эти державы на Советскую Россию. По варварству действий их превзошел, пожалуй, только Гитлер. На Украине и в Белоруссии германские и австро-венгерские генералы сооружали виселицы. В Прибалтийских странах хозяйничали ландскнехты. В Одессе бросили якоря французские корабли; французские офицеры, не прячась, выступали в роли палачей. На берегу Каспийского моря англичане расстреляли 26 бакинских комиссаров. В Грузии они вооружали контрреволюцию. На Дальнем Востоке японские интервенты сжигали коммунистов в топках паровозов. Американские, турецкие, румынские войска — всего в интервенции участвовало 14 государств — атаковали со всех сторон страну, ставшую беззащитной. Таким образом, Советской России надо было обороняться не только против собственной контрреволюции, но и против контрреволюции, подготавливаемой Вашингтоном, Берлином, Парижем, Лондоном и Токио. Войска интервентов бесчинствовали на занятой ими территории, словно гангстеры в Чикаго.

Защитить социалистическую революцию могла только армия. И правительство, во главе которого стоял

В. И. Ленин, обратилось за помощью к народу. Народ поддержал этот призыв и поднялся на борьбу. Интервенты были изгнаны. Изгнаны вновь созданной Красной Армией...

Хочу остановиться еще на одном моменте. Ни одно другое государство в мире не имеет такой протяженной границы, как Советский Союз, — свыше 60 тысяч километров; ни одно не имеет столько граничащих с ним стран, и ни одно не пережило за такой короткий исторический период столько жестоких войн.

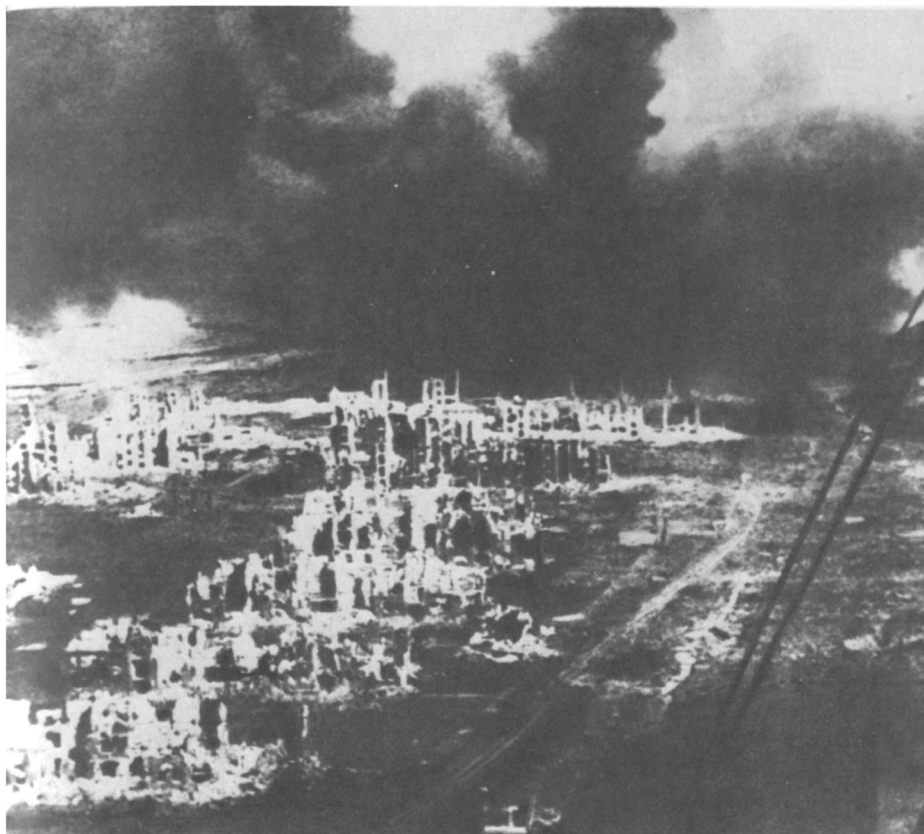
США, граничащие лишь с двумя государствами: Канадой и Мексикой, — содержат крупнейшую в мире армию, имеют сотни военных баз на других континентах. Удивительно ли в этой связи, что Советский Союз стремится поддерживать равновесие сил?..

Чтобы судить о какой-либо армии, недостаточно знать ее мощь и вооружение, необходимо знать ее моральный дух и традиции. Традиции складываются в боях, а места, где происходили важнейшие сражения, становятся символами военной доблести армии. Для Советской Армии это, например, Псков и Нарва, где 23 февраля 1918 года были разгромлены вторгшиеся в Россию германские войска — этот день и считается днем создания регулярной Красной Армии; во второй мировой войне это Москва, Ленинград, Сталинград, Курск... Как видим, все эти города находятся на территории Советского Союза.

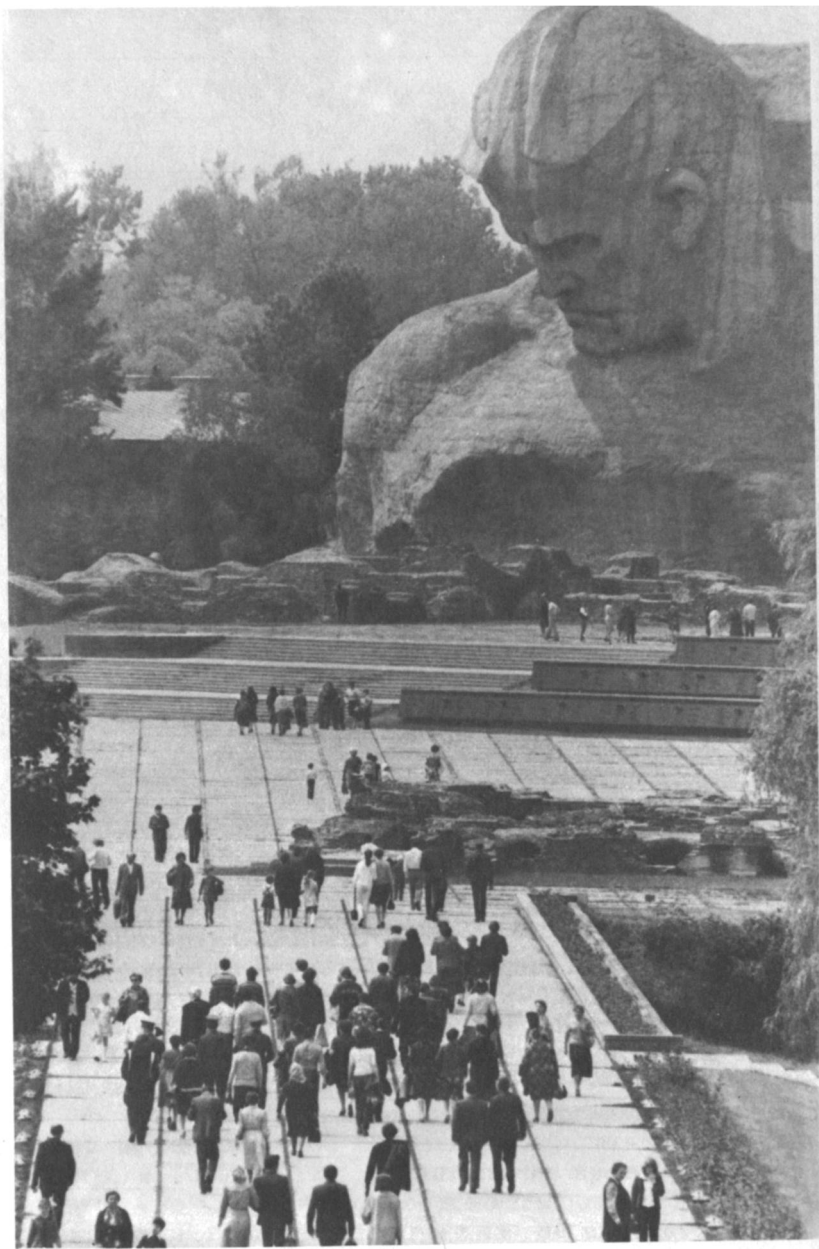
А солдатам бундесвера и сегодня все еще говорят о победах вермахта в Польше в 1939 году, во Франции в 1940 году под Дюнкерком, под Тобруком в Северной Африке, о битвах, происходивших в чужих странах, далеко от их родины.

О Красную Армию, о силу сопротивления советских людей более 60 лет назад разбили армии Антанты, а 40 лет назад — фашистские армии. СССР не может не укреплять обороноспособность страны, пока переговоры по разоружению не приведут к успеху.

Однако стремление США постоянно подстегивать гонку вооружений имеет не только военный, но и со-

Брестская крепость сражается

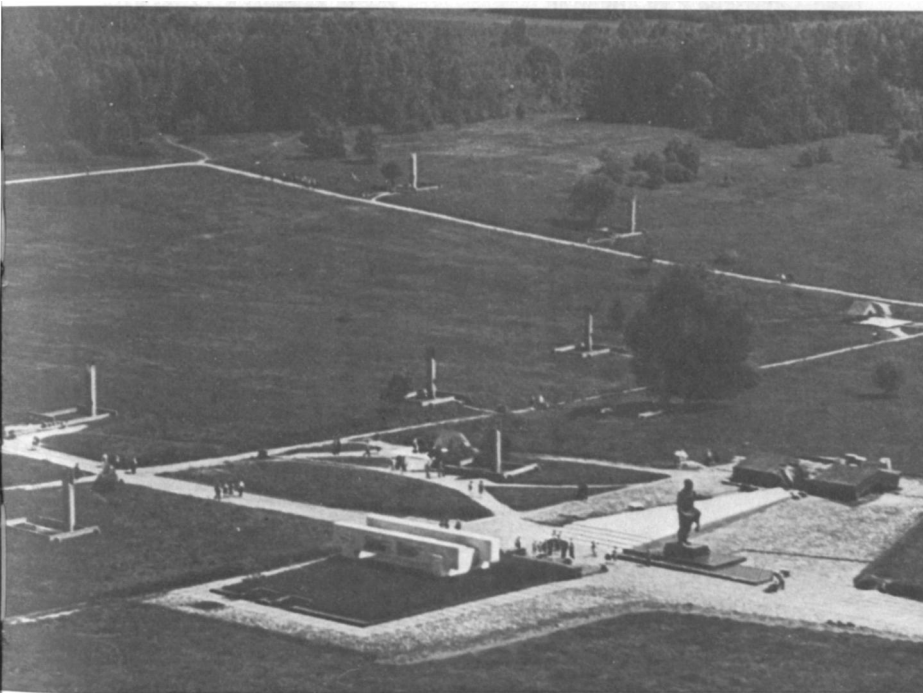
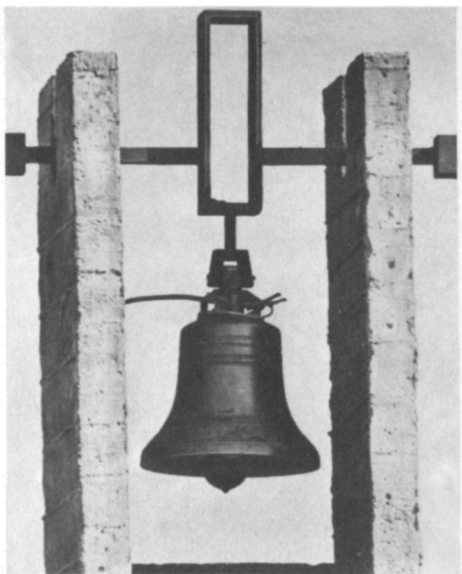

Площадь Победы в Минске

**Фрагмент мемориального
комплекса "Защитник цита-
дели" в Брестской крепости**

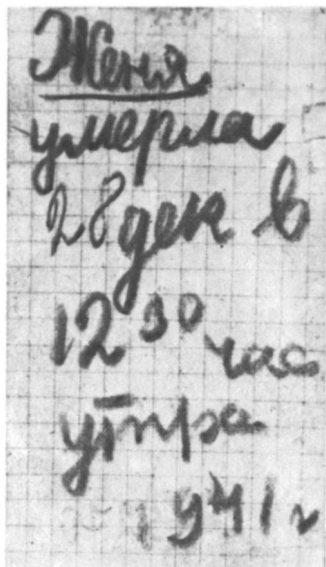

Набат Хатыни

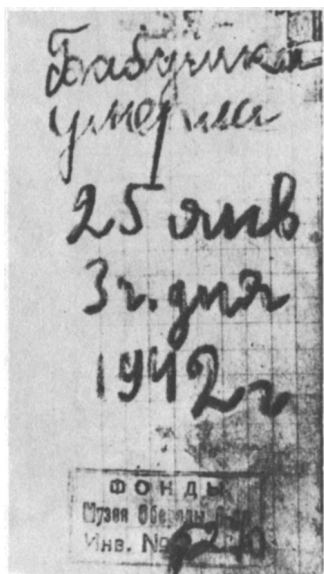

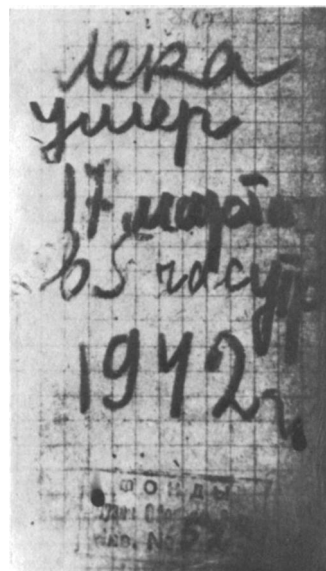
Таня Савичева и ее дневник

Женя умерла в 12.30 утра
28 декабря 1941 года

Бабушка умерла в 3 часа
дня 25 января 1942 года

Лека умер в 5 часов утра
17 марта 1942 года

Дядя Ва-
-ся умер
в 13 апр
в 2 часа
ночи
1942г

Дядя Вася умер в 2 часа
ночи 13 апреля 1942 года

Дядя
Леша
умер
в 4 часа
ночи
10 мая
1942г

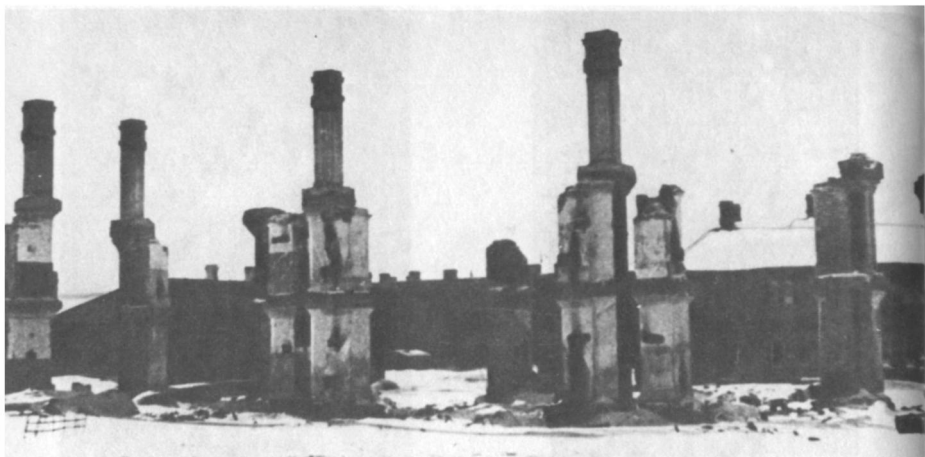
Дядя Леша 10 мая в 4 ч.
ночи 1942 года

Савиче-
вы
умер-
ли

Савичевы умерли

Остала
одна
Таня

Осталась одна Таня

Так выглядели многие районы Ленинграда после освобождения

Сегодняшний Ленинград

циально-экономический аспект: если в Советском Союзе никто не наживается на производстве оружия, ибо здесь нет ни промышленных, ни банковских магнатов, то в США, как и повсюду на Западе, определенные промышленные и финансовые круги греют на этом деле руки. Таким образом, и в мирное время гонка вооружений является целенаправленной атакой на развивающееся социалистическое общество. Что же касается Запада, то здесь реакционные правящие круги внушают народу мысль о том, что, дескать, благодаря гонке вооружений им удастся предотвратить поступательное развитие Советского Союза. Для любой же социалистической страны мир и разоружение — краеугольные камни политики и залог успехов в экономике.

БЕЛОРУССИЯ, ВОЗРОЖДЕННАЯ ИЗ РУИН

Мы едем по автомагистрали Москва — Брест, протянувшейся на 1099 километров. Справа и слева деревья, за ними обширные зеленые поля. Деревни построены вновь, потому что здесь все было разрушено, была пустыня. Почему, собственно, ни одному западногерманскому телерепортеру не пришло в голову показать, как выглядела Белоруссия в 1944 году и как она выглядит сегодня? Почему жителям моей страны не дано увидеть Белоруссию, поднятую из руин советским народом, советскими коммунистами?

В Белоруссии прошлое напоминает о себе повсюду.

В 40 километрах восточнее Минска находится крупное предприятие. На нем трудятся 10 тысяч человек. Это автомобильный завод БелАЗ. Напротив административного корпуса, в окружении цветочных клумб, стоит памятник пятерым молодым мужчинам. Напротив — бюст женщины. Это Анастасия Куприянова. Пятерых сыновей потеряла эта крестьянка во время последней войны. Сама она пережила их: умерла в 1979 году, когда ей было 107 лет.

Чего только не видела эта женщина на своем веку! Голод и эпидемии. Крестьянские волнения 1905 года и их кровавое подавление с помощью нагайки и виселиц. Германское нашествие во время первой мировой войны. Революцию 1917 года, гражданскую войну и затем постепенные, мучительные, трудные годы восстановления разрушенного хозяйства. И вот, когда мечта о мирной, безопасной и благополучной жизни была близка к осуществлению, в страну вторглась гитлеровская армия. Защищая Родину, погибли все ее сыновья.

Однако жизнь победила смерть.

БелАЗ, основанный в 1947 году на месте развалин, является символом возрожденной жизни. В чистых, светлых цехах на Досках почета висят портреты лучших рабочих. Среди них много молодых — с дерзким взглядом и длинноволосых, как повсюду в мире. А рядом поздравление: "Александр и Татьяна стали мужем и женой, желаем счастья!"

Вместе с Дмитрием Сроковашом, 47-летним директором завода, а также с секретарем парткома и председателем профкома мы идем по заводу. Цеха огромные — более сотни современных станков.

— Все модели машин, которые вы здесь видите, — говорит секретарь парткома завода Николай Телебук, — разработали мы сами. Ни одна деталь в наших машинах не изготавливается по зарубежным лицензиям. Свою продукцию мы экспортируем как в социалистические, так и в западные страны: во Францию, Швецию, Аргентину, а также в ФРГ. За последние годы мы увеличили наш экспорт вдвое. Планируем его дальнейшее увеличение — если будет мир.

Мы прощаемся у памятника Анастасии Куприяновой. Красными и желтыми огоньками горят цветы перед памятником ее сыновьям. Александр и Татьяна поженились. Футбольная команда БелАЗа завоевала кубок. Малыши в детских садах спят в белоснежных кроватках. Жизнь продолжается. Жизнь победила смерть!

Лучи теплого осеннего солнца падают на автотрассу, которая прямой полосой бетона набегаем на нас. Справа

и слева у обочины стоят легковые автомобили — это горожане приехали в лес по грибы. Вдоль дороги выставлены ведра с аппетитными красными яблоками. Хочешь — покупай. Воскресный покой...

Я впервые еду по этой дороге, но как хорошо я ее знаю! Я читал о ней, о том времени, когда по ней тяжело ползли гитлеровские танки, вторгшиеся в Советский Союз. Это дорога от Варшавы через Брест, Минск и дальше на Смоленск и Москву. Только мы едем в обратном направлении.

Присматриваюсь: кажется, ничего больше не напоминает здесь о разрушениях войны.

Но так ли это? Вроде бы дорога в хорошем состоянии, зелено, деревни отстроены вновь. И все-таки живы гнетущие воспоминания.

Мы едем в Хатынь, точнее, туда, где когда-то стояла эта деревня. До 22 марта 1943 года в ней жило 149 человек, в том числе 76 детей. В тот день в деревню ворвался специальный батальон СС. Всех жителей — мужчин, женщин и детей — загнали в сарай на окраине деревни. Каратели облили его бензином и подожгли. Стоны и крики людей, плач детей не трогали эсэсовцев. Кто пытался бежать, того убивали. Деревню разграбили и сожгли. Стерли с лица земли.

Но старый деревенский кузнец Иосиф Каминский избежал участи односельчан. По счастливой случайности в это время его не было в деревне. Вернувшись, он нашел лишь дымящиеся развалины и среди них — своего умирающего сына.

Выше человеческого роста воздвигнута сегодня на месте злодеяния статуя удрученного горем мужчины с мертвым сыном на руках. Мне вспоминается школьная пора и стихотворение Гёте "Лесной царь", которое мы учили наизусть: "В руках его мертвый ребенок лежал..." Как бездумно-монотонно читали мы, юнцы, эти стихи. Кто из нас мог тогда понять чувства отца, держащего мертвого ребенка на руках? Теперь я могу это понять. Сколько бед, сколько страданий должно было претерпеть наше поколение, чтобы мы смогли понять это!

Волнующий памятник воздвигла Белоруссия своим мученикам в Хатыни...

Каждый четвертый житель этой советской республики стал жертвой фашистов. Мы знаем об Освенциме и Трешлинке. Мы знаем об уничтожении деревни Лидице в Чехословакии и Орадур во Франции. Почему историография, пресса, радио и телевидение Федеративной республики умалчивают о преступлениях в Белоруссии?

В Хатыни за памятниками сожженным домам возвышается бетонная стена с нишами. Каждая ниша символизирует один из концлагерей, которые были созданы на территории Белоруссии. Читаем надписи: "Трешянец. 206 500". Цифры означают, что в этом концлагере было убито 206 тысяч 500 человек. "Полоцк. 150 000". "Гомель. 100 000". Затем идут "маленькие" лагеря, в которых было убито "лишь" 6900, 5000, 800 и 700 человек...

В каждой нише — цветы. Изю дня в день идут люди к этому месту злодеяния и памяти.

Рядом большая каменная плита с четырьмя круглыми отверстиями. Из трех отверстий растут деревья. В четвертом полыхает Вечный огонь — символ того, что каждый четвертый житель Белоруссии погиб от рук фашистов.

В 1942 году в Белоруссии были убиты все воспитанники одного детского дома: немцы объявили их сыновьями и дочерьми советских офицеров. В одной деревне дети были затравлены до смерти эсэсовскими собаками. (Для тех, кто в этом сомневается, добавлю: в концлагере Дахау я был свидетелем того, как комендант обучал свою собаку рвать на части людей.) И эти преступники пользуются сегодня в Федеративной республике покровительством властей!

Но в Хатыни нет ни одной надписи, направленной против немецкого народа! В качестве виновных здесь называют "фашистских оккупантов". Мне запомнились такие строки:

Люди добрые, помните:
Любили мы жизнь, и Родину нашу,
и вас, дорогие.
Мы сгорели живыми в огне.
Наша просьба ко всем:
Пусть скорбь и печаль обернутся
в мужество ваше и силу.

Чтобы смогли вы утвердить
навечно мир и покой на земле.
Чтобы отныне нигде и никогда
в вихре пожаров жизнь не умирала!

Мы возвращаемся в столицу Белоруссии Минск. Я люблюсь этой возрожденной из пепла республикой, и на ум приходят слова известного чехословацкого журналиста и борца Сопротивления Юлиуса Фучика, павшего жертвой фашистских убийц: "Люди, будьте бдительны!"

Чего только не рассказывают в школах ФРГ на уроках истории о славных героях прошлого! Мы узнаем о презирающих смерть Нибелунгах, которые сражались спина к спине, отражая коварное нападение врагов на крепость короля гуннов Этцеля. Мы слышим о Леониде, защищавшем с 300 спартамцами Фермопильское ущелье от персов, силы которых были так огромны, что "от их стрел небо потемнело". Я до сих пор помню эпитафию на могиле спартанцев, которую в школе мы заучивали наизусть: "Путник, будешь в Спарте — передай гражданам, что видел нас, лежащих, как закон повелевал".

Но кто в моей стране рассказывает ученикам о героической обороне Брестской крепости, в которой в 1941 году размещался небольшой гарнизон? Стены Бреста не могли противостоять современному оружию, а крепость, по сути дела, уже не была крепостью. Однако ее развалины превратились в то время в поистине неприступный бастион.

В июньскую ночь 1941 года Брестская крепость должна была быть сметена с лица земли. Тогда еще никто не знал, что в ту ночь была предreshена и судьба германского рейха. Гитлеровские офицеры самодовольно сообщали в своих донесениях, что мужчины, женщины и дети гибнут под огненным градом. Нападение было столь внезапным, что "русские выскакивали прямо из постели", как писал доктор Рудольф Гшопфлин. В книге "Мой путь с 45-й пехотной дивизией" Гшопфлин (кстати говоря, пастор) хвастает, что своими проповедями готовил солдат быть безжалостными ко всем советским людям.

Что происходило потом — в течение более чем

одного месяца! — может представить себе лишь тот, кто сам пережил нечто подобное. За разрушенными стенами, в руинах, под пулеметными очередями, разрывами гранат и в условиях нестерпимой жары от огнеметов, сражались бесстрашные герои; винтовкой и штыком они защищали свою Родину...

Сегодня здесь мемориал, в котором собраны документальные материалы о тех ужасных событиях. Огромная каменная фигура изображает солдата, ползущего под градом пуль к ручью, чтобы зачерпнуть стальной каской воды для умирающих от жажды женщин и детей.

”Лейтенант Бобков — погиб. Его жена — умерла. Его дочь — умерла”. Эти высеченные на камне слова сохраняют для последующих поколений имена героических защитников Брестской крепости. Тихая музыка подчеркивает траурно-торжественную атмосферу мемориала. Это ”Грезы” Шумана; немецкая музыка здесь, на этом месте...

В одном из залов музея я видел венок с лентой, на которой надпись: ”Полгода я делала этот венок. Мама”. Она приехала сюда, чтобы найти останки сына. Не нашла — от большинства участников обороны в этом аду не осталось ничего. И мать оставила в крепости сплетенный ею веночек.

И все же имеется достаточно свидетельств, чтобы поведать о разыгравшейся здесь трагедии. После первого внезапного нападения на рассвете, в результате которого погибли многие офицеры гарнизона, последовал ультиматум о сдаче. Но защитники крепости не дрогнули и продолжили борьбу. ”Мы умираем без позора”, — написал один из защитников на уцелевшей стене. На другой стене сохранилась надпись: ”Я умираю, не сдавшись”. Под нею стоит дата: ”20 июля 1941 года”. Значит, более четырех недель шла борьба в цитадели! Более четырех недель люди умирали от голода и жажды, более четырех недель они оказывали сопротивление врагу, во много раз превосходившему их по силам.

В музее Брестской крепости собрано столько документальных свидетельств, что, пожелай я их все воспроизвести, они заняли бы целую книгу.

Вот письмо одного из юных защитников родите-

лям: "Я хочу стать членом Коммунистической партии. Если мне суждено умереть от вражеской пули, то я хочу умереть как большевик".

А вот брошюра того самого пастора Гшопфлина, который своими проповедями призывал гитлеровских солдат к нападению.

Обращает на себя внимание фотография генерала Карбышева — русского инженера, построившего Брестскую крепость. Раненым он попал в плен и оказался в концлагере Маутхаузен. Фашисты избрали для него особую смерть: они вывели его на мороз и обливали водой до тех пор, пока он не превратился в глыбу льда.

Еще два снимка — красноречивые иллюстрации к теме "Немцы и русские": на одном изображен генерал СС фон Панвитц с двумя белогвардейскими генералами, Красновым и Шкуро, которые из ненависти к Советской власти пошли на службу к нацистским палачам. Эта фотография сделана во время заседания Международного военного трибунала в 1946 году. На другой изображена группа защитников Брестской крепости, которым удалось вырваться из окружения. Они стали партизанами и воевали вместе с немецким антифашистом Феликсом Шефлером, после войны — контр-адмиралом военно-морского флота Германской Демократической Республики.

Брест. Здесь в 1918 году Германская империя вынудила молодую Советскую республику подписать кабальный Брестский мирный договор.

Четверть столетия спустя здесь же началась война против Советского Союза, которая привела к краху германского рейха.

Брест — место паломничества бесконечного числа советских граждан. На мой взгляд, сюда следовало бы привозить также западногерманских школьников и молодых солдат бундесвера...

Итак, возвращаемся в Минск. По дороге водитель включает радио. Вдруг Александр оживает.

— Только что сообщили о запуске нового советского космического корабля, на этот раз с кубинским космонавтом на борту, — говорит он.

Как быстро меняется мир! Как быстро преобразается эта страна! Позади осталась легендарная Брест-

ская крепость, превращенная в пепел Хатынь... А теперь я слышу о советском космическом корабле, который мчит к звездам космонавта первого социалистического государства, расположенного в западном полушарии...

ГОРОД ЛЕНИНА

25 сентября 1941 года в Берлине был подписан приказ об уничтожении Ленинграда. Но прежде — пригласительные билеты были уже отпечатаны — в гостинице "Астория", что напротив Исаакиевского собора, намечалось дать торжественный обед для завоевателей по случаю победы.

900 дней длилась блокада. Но Ленинград победил. Генералам вермахта с их сотрапезниками из СС не удалось отобедать в гостинице "Астория". Сегодня здесь отдыхают туристы со всего мира.

Ленинград. "Северной Флоренцией" называют этот город из-за его дворцов. "Северной Венецией" называют его из-за сотен мостов и каналов. Вам задают здесь неизбежный вопрос: "Какой город вам больше нравится: Ленинград или Москва?" Но я ни за что не отвечу на него. И тот и другой город по-своему прекрасен.

В Москве меня поразило живое соединение истории и современности: Москва — столица матушки-России и центр всего социалистического мира. Меня очаровала зимняя картина: покрытая белым снегом Красная площадь, залитые светом красные стены Кремля, золотые купола церквей, красные звезды на башнях, красный флаг над Кремлевским Дворцом съездов. Меня восхитила зимняя Москва. Запомнилось, как колонны снегоуборочных машин взметывали вверх огромные снежные струи — это улицы освобождали от снега...

В Ленинграде меня пленили июньские белые ночи. В это время здесь так светло, что на улице без всякого дополнительного освещения можно читать газету. По набережной Невы прогуливаются люди. На парапете сидят юноши и девушки, жизнерадостные, веселые. Они поют, подыгрывая себе на гитарах. А над

Невой разводят мосты — захватывающее зрелище: в середине мост разделяется надвое, каждая часть приподнимается, и вместе с ними — трамвайные пути и фонарные столбы. Благодаря этому по Неве могут свободно проходить суда из Финского залива. Итак, Ленинград уникален, но по-своему уникальна и Москва.

Мне повезло: я живу в огромном современном отеле "Ленинград", окна моей комнаты на четвертом этаже выходят на Неву. Вдали виднеются силуэты дворцов на набережной, за ними — купол Исаакиевского собора. А подо мной — крейсер "Аврора", чей залп возвестил в 1917 году о начале Октябрьской революции.

"Здесь сегодня рождается новая эпоха мировой истории, и вы можете сказать, что вы участвовали в этом", — писал Иоган Вольфганг Гёте, когда в 1792 году услышал канонаду под Вальми, означавшую, что солдаты Французской революции одержали победу.

Еще в большей степени эти слова можно отнести к Октябрьской революции 1917 года.

"Санкюлотами далекой страны" назвал мой друг и товарищ по Бухенвальду Пьер Дюран русских революционеров 1917 года. Один из них, из плоти и крови, сидит сейчас передо мной: Артем Потапович Титов был в октябре 1917 года в Петрограде. На вид ему чуть больше 60 лет, однако в действительности ему за 80. Стройный, волосы с проседью, густые брови, живые карие глаза, нагруженные руки. На груди — орденские планки. При этом он подвижен, энергичен — только позавидовать.

— Как вы пришли в революцию? — спрашиваю я у Артема Потаповича.

— Я родился в крестьянской семье в 1898 году. В деревне царил голод, и я подался в город в поисках работы и хлеба. Нашел место на одной крупной фабрике в тогдашнем Петрограде. Платили не очень хорошо, но по крайней мере голодная смерть не грозила. Затем пришла Февральская революция 1917 года. Впереди были мы, рабочие. Мы получили общедемократические свободы: право объединяться в организации, издавать газеты, открыто высказываться

на собраниях по разным вопросам. И мы — что особенно важно — получили оружие.

— Улучшилось ли ваше материальное положение после Февральской революции?

— Оно почти не изменилось. Жили, как и раньше, впроголодь. К власти пришло буржуазное правительство, которое защищало свои интересы, а не интересы рабочих.

— Что вас не устраивало?

— Мы хотели мира. Мы свергли царя, развязавшего войну, посылавшего миллионы рабочих и крестьян на смерть. А буржуазное правительство, которое называло себя демократическим, требовало продолжения войны, по-прежнему отправляло нас в окопы.

— И тогда вы стали большевиком?

— Нет, чуть позже, когда из эмиграции в Россию вернулся Ленин...

— Когда это было?

— Это было в апреле 1917 года. Ленин выступил перед большевиками с "Апрельскими тезисами", которые затем были перепечатаны всеми большевистскими газетами.

— В чем их суть?

— Ленин говорил, что мы, рабочие, солдаты, крестьяне, должны довести буржуазную революцию до конца и совершить революцию социалистическую. Он призвал нас организовывать рабочие дружины для охраны заводов, для защиты демократических завоеваний, а также интересов рабочих и крестьян.

— Сомневались ли вы в то трудное время в социализме, в революции?

— Нет, не сомневался. Даже если поначалу мне не все было ясно, я твердо знал, что необходимо последовательно бороться за победу социализма.

— И еще один вопрос, если позволите: что вы, участник Великой Отечественной войны, чувствовали, когда только вступили в борьбу с врагом, и много позже, когда ваша страна уже была освобождена?

Титов задумывается, потом отвечает:

— Мы начали войну со словами: "Смерть фашизму!" С первых дней войны мы столкнулись с невероятной жестокостью гитлеровцев. Мы считали себя обя-

занными свести счеты с фашистами. В конце войны, когда победа была уже близка, к радости примешивалась боль за тех, кто не дожил до этого дня, за погибших родных и близких, за всех, кто пал жертвой фашизма. Но ненависть к немцам отступала, ей на смену приходило чувство недоумения, даже жалости. В Германии мы рассказывали мирным гражданам о бесчинствах, которые творили у нас в стране их соотечественники, показывали фотографии, запечатлевшие жестокие преступления. Самое поразительное, что они нам не верили, утверждали, будто это пропаганда, которую мы якобы используем для оправдания захвата Германии. Как же жестоко был обманут немецкий народ!

— Разрешите задать вам последний вопрос: вы боролись за Советскую власть, за ее укрепление более 60 лет. Оглянувшись назад, можете ли вы сказать, что ваши чаяния сбылись?

— Прошедшие 60 лет — это почти вся моя жизнь. Я отдал делу Родины силы, способности, здоровье, наконец. Сегодня, оглядываясь назад и оценивая достигнутое, я могу сказать: я сделал это не напрасно. Я счастлив оттого, что довелось участвовать в борьбе с угнетением, в борьбе за социализм. Счастлив, что есть и моя доля в том, что простые люди живут сегодня несравненно лучше, чем во времена моей молодости. Уверен, что, несмотря ни на что, наша жизнь будет еще краше, потому что мы любим труд и умеем понастоящему трудиться. Только бы сохранить мир... Думаю, что немецкий народ един с нами в этом стремлении.

На редкость знойный день. Деревья не защищают от палящих лучей солнца. Слепит глаза. Впереди высится огромная каменная скульптура: женщина с лавровым венком в руках. За ней — серовато-белая стена с надписью: "Никто не забыт, ничто не забыто". Дорожка, по которой иду, кажется бесконечной. Прямая как стрела, она как бы направляет посетителей. Слышу обрывки фраз двух молодых женщин, идущих позади. У меня в руках гладиолусы. Медленно прибли-

жаюсь к монументу. Справа и слева от дорожки трава. Только трава. В огромных, обрамленных камнем квадратах тянутся к свету стебли травы. Сотни тысяч.

Перед каждым квадратом — каменная плита, на которой высечены дата и символ: серп и молот или пятиконечная звезда. Шаг за шагом ведет меня дорожка мимо поросших травой квадратов. Каменные плиты сменяют друг друга: год 1941-й, год 1942-й, серп и молот, звезда, снова звезда и снова серп и молот... Дорожка кажется бесконечной.

Безжалостно жжет солнце. И безжалостно жжет мысль: ты — на Пискаревском кладбище. "Никто не забыт, ничто не забыто". Можешь ли ты, благополучный, сытый, отдохнувший, спокойно проходить мимо братских могил, в которых похоронены 470 тысяч человек? 470 тысяч! Население крупного города! Младенцы, умиравшие с голоду на руках у матерей, матери, умиравшие на глазах своих детей... 470 тысяч умерших от голода мужчин и женщин, детей и стариков — жителей осажденного Ленинграда — погребены на Пискаревском кладбище. Лежат, убитые по воле человека, который однажды возомнил, что может говорить и действовать от имени целого народа, немецкого народа, моего народа.

470 тысяч погибших! Ни один из них не собирался покорять мою страну. Коварным было нападение фашистов, жестокой целью: умерить голодом, искоренить, уничтожить. А теперь, десятилетия спустя, я иду по дорожке между могил.

У меня в руках гладиолусы. Позади слышу легкие шаги женщин. Вспоминаю рассказ знакомого ленинградца. Семнадцатилетним он изведal, что такое блокада. Потом был эвакуирован из Ленинграда. А там остались отец, мать, сестры.

Сотни тысяч стебельков — сотни тысяч мертвых. Однако мне трудно представить "сотни тысяч мертвых".

Знакомый рассказывал: "Осажденный город. Продукты кончились. День и ночь рвутся гранаты, авиабомбы. Нет почти ни одного уцелевшего дома. В холдных квартирах, в разрушенных заводских корпусах, прямо на ледяном ураганном ветру, на улицах

умирают люди. Умирают, замерзнув, обессилев от голода. Умирает от голода отец. В кармане его куртки сестра, сама едва живая, вернувшись с работы, находит записку: "В шкафу лежат три плитки шоколада. Может быть, они вас спасут. Для нас всех этого было бы недостаточно. Будьте здоровы".

Никто не забыт, ничто не забыто. Ни Володин отец, ни маленькая Таня Савичева, беспомощная, беззащитная, обреченная на голодную смерть. В витрине у входа на кладбище висит ее фотография, а рядом — девять маленьких исписанных листков бумаги. Своей безжалостной прозаичностью эти записи потрясают, как потрясает дневник Анны Франк.

"Женя умерла 28 декабря в 12.00 часов утра 1941", — написано трогательным детским почерком на первой странице. И далее: "Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г. Лека умер 17 марта в 5 час. утра 1942. Дядя Вася умер 13 апр. 2 ч. ночь 1942. Дядя Леша 10 мая в 4 ч. дня 1942. Мама 13 мая в 7.30 утра 1942".

...И последняя запись: "Савичевы умерли. Умерли все".

Никто не забыт, ничто не забыто! Ни Анна Франк, ни Таня Савичева.

Я стою у монументальной скульптуры: женщина держит в руках лавровый венок. Кладу к ее ногам гладиолусы. Цветов у памятника множество. Цветы для тех, кто принял на себя самую жестокую смерть. Цветы для тех, кто, как Таня, умер, не познав жизни. Цветы для стариков, у которых отняли старость. Цветы для тех, кто пожертвовал собой ради спасения близких.

На высокой каменной стене я читаю стихи поэтессы Ольги Берггольц, женщины, которая сама пережила блокаду. Лишь случай спас ее от смерти: полуживую, без сознания ее нашли лежащей на улице в ужасный мороз. Это стихи ленинградки, которая выжила, своим умершим согражданам. Ни одного слова о Германии или немцах. Ни одного слова ненависти, ни одного проклятия, ни одного напоминания о вине. Только слова: "Никто не забыт, ничто не забыто". И стихи, посвященные памяти умерших, прославляющие тех, кто спасал беззащитных женщин и детей.

Печальные люди стоят у памятника неподалеку от меня. Что бы я мог сказать им? Что так же по приказу из Берлина страшной смертью умирали немцы? Что немецкие борцы Сопротивления жертвовали своей жизнью, чтобы защитить свободу? Или что виновники тех преступлений еще и сегодня могут похвастаться своим высоким положением? Что командующий войсками, блокировавшими Ленинград, генерал Ферч, осужденный в Советском Союзе как военный преступник и переданный правительству ФРГ без права амнистии, стал генерал-инспектором бундесвера?..

За нашей спиной колышутся на ветру сотни тысяч травинок. На каменных плитах серпы и молоты символизируют умерших от голода горожан, а звезды — погибших солдат. Где-то здесь лежит отец моего знакомого ленинградца, который принял смерть, чтобы спасти от голода жену и дочь. Изо дня в день приходят сюда люди, они скорбят о погибших...

У подножия монументальной скульптуры остается мой букет гладиолусов. Молча я направляюсь к выходу. Иду по дорожке. У каменной плиты стоит седой мужчина. Он плачет. Только теперь я замечаю: справа и слева от входа на кладбище развеваются приспущенные флаги... Никто не забыт, ничто не забыто...

Директор Исторического музея Ленинграда готовила мне на прощание сюрприз: в ее кабинете я встретился с ветеранами гражданской и Великой Отечественной войн, а также с юношами и девушками, участвовавшими в строительстве Байкало-Амурской магистрали. Ветеранов я спрашивал о том, как они во время войны представляли себе 80-е годы, а молодежь — как они представляют себе будущее.

16 лет было крестьянскому сыну Фарутину, когда его в 1918 году избрали секретарем сельсовета, и он поднимал бедноту на борьбу с кулаками. В 17 лет он командовал особым отрядом, который сражался в Сибири против Колчака и занимался сбором хлеба для голодающих городов. В 1941 году он был заместителем командира танковой бригады.

— Превосходству гитлеровской армии в вооружении на первом этапе войны мы противопоставляли самоотверженность и отвагу, — говорит Фарутин. — Мы не теряли веры в победу, в социалистическую Родину.

— Я родился в 1915 году, — говорит инженер Смирнов. — Детство и юность у меня были голодные. Институт, в котором я впоследствии учился, надо было сначала построить. В 1941 году я добровольцем отправился в осажденный Ленинград. Участвовал в прокладке "Дороги жизни". Это было тяжелое время. Но нас никогда не покидала уверенность в том, что мы победим.

Бывшей учительнице Зайцевой, ныне пенсионерке, 76 лет. Ее брат погиб на войне, сестра умерла от голода.

— Многие мои ученики прямо из школы уходили на фронт, — рассказывает она. — Они были обделены счастьем, но они боролись за счастье будущих поколений.

И 72-летняя текстильщица Ефремова тоже давно на пенсии.

— Строить новую жизнь было нелегко, — говорит она. — Многие фабрики были разрушены, оборудование на них устарело, дисциплины не было никакой — словом, царил хаос. В 1928 году мы, 49 коммунистов и комсомольцев, выступили с почином: работать добросовестно, оказывать друг другу помощь, соблюдать чистоту на рабочем месте, следить за дисциплиной, бороться за экономию. Мы добились большего успеха, чем ожидали: первый пятилетний план выполнили досрочно. Потом война и снова голод и страдания. Но мы выстояли. Мы никогда не сомневались в победе ни одной минуты, даже в самые трудные дни блокады.

А вот что говорит молодежь.

Студент Панчук, в будущем инженер-строитель:

— Почему я поехал работать в Сибирь? — повторяет он мой вопрос. — Хотелось испытать себя, проверить, не ошибся ли в выборе профессии. Я вернулся в Ленинград с БАМа повзрослевшим, более уверенным в себе.

Студентка Белевцова хочет стать инженером-железнодорожником:

— В составе студенческого строительного отряда я работала в Сибири. Мы строили школу. С гордостью скажу, что девушки работали не хуже, чем юноши. Почему я решила провести летние каникулы на стройке? Хотела быть достойной своих родителей. Они всю жизнь отдавали и отдают делу социализма. И мы, молодежь, хотим показать, на что способны, хотим помочь своей стране. Потому что, чем она сильнее, тем прочнее мир на земле.

Александр Иванов, так же как и Белевцова, учится в институте железнодорожного транспорта.

— Я хотел, — говорит он, — проверить свои знания на практике, закалиться на сибирской стройке. Я уже три раза был на БАМе.

— Чего ожидаете вы от двухтысячного года? — спрашиваю я.

Панчук:

— Мечтаю работать на крупной стройке. Хочу, чтобы был мир.

Иванов:

— Надеюсь стать преподавателем в институте. А прежде всего на то, что не будет войны.

Белевцова:

— Хотелось бы к этому времени душой остаться такими же молодыми, как ветераны, сидящие сейчас с нами. И своих детей мы будем воспитывать так же, как воспитывали нас: трудом, славными традициями нашей страны, в духе мира и дружбы со всеми народами.

Сталинград 1943 года

Солдаты Гитлера под Сталинградом

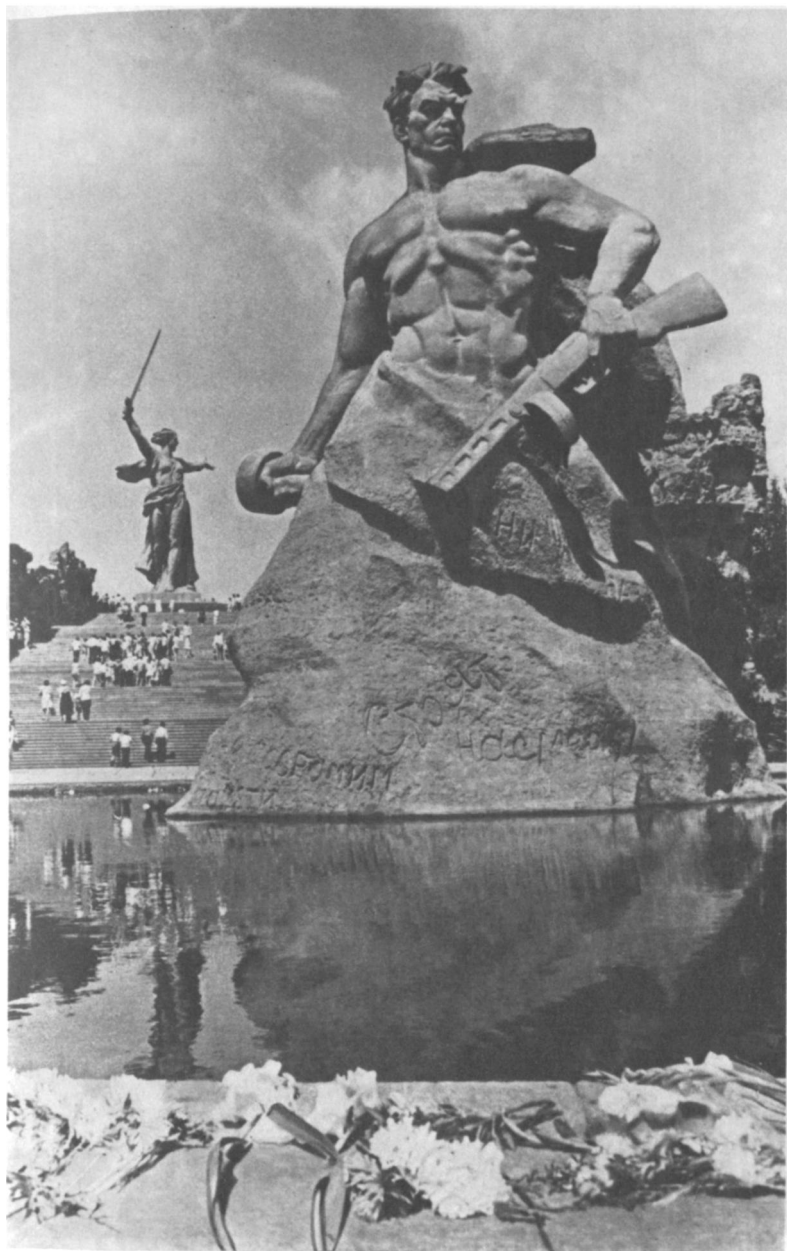
Вот он — носитель "нового порядка", грабитель и убийца

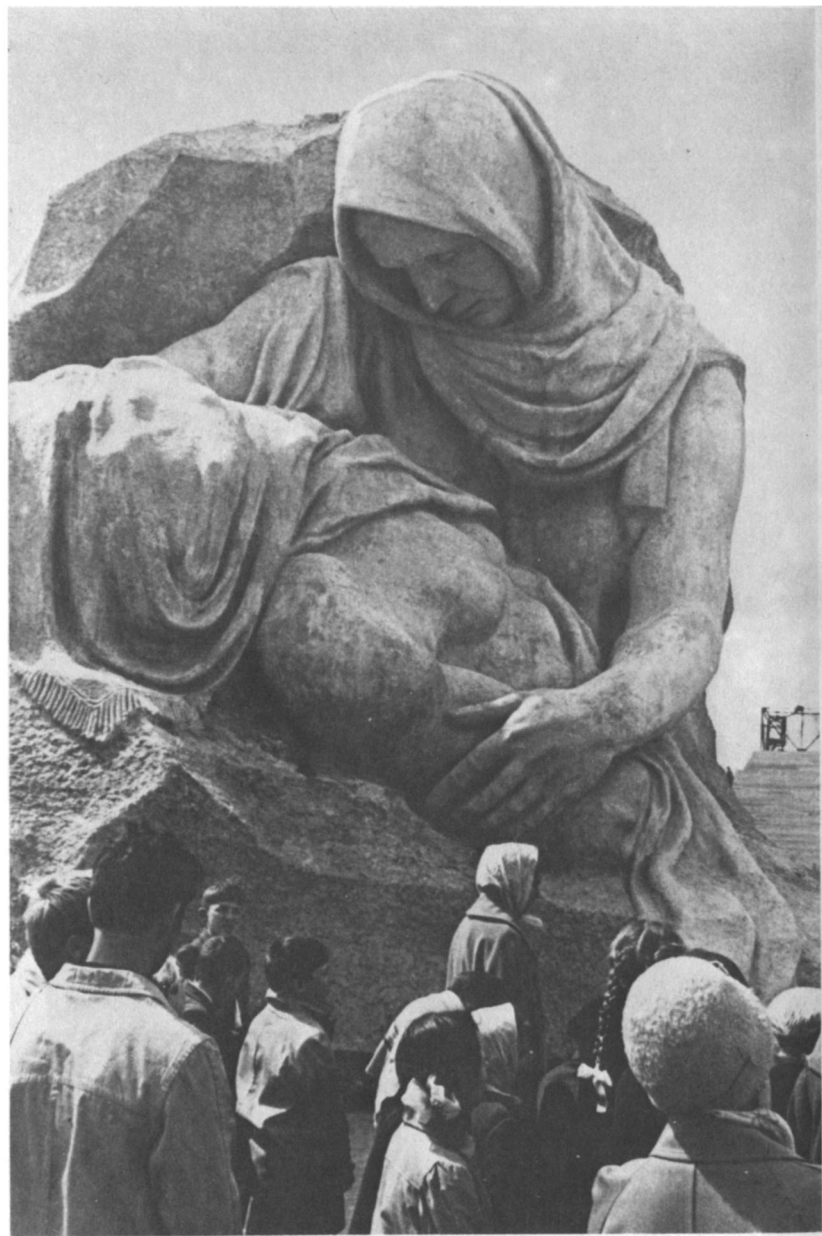
Фашисты не жалели ни стариков, ни женщин, ни детей

Мамаев курган взят!

Памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане →

Вид на современный Волгоград

Серж Зейон

**ГОРОД,
КОТОРЫЙ ДОЛГО
БУДЕТ ЖИТЬ
В СЕРДЦАХ ЛЮДЕЙ**

(ИЗ КНИГИ "ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОЛГЕ")

Serge Zeyon

En passant par la Volga

Перевод с французского И. Рапопорта

Я вновь вижу Волгоград. Многие по-прежнему называют его Сталинградом. Невиданный героизм, кровь и слезы, страдания и боль связаны с этим названием. Сталинград долго будет жить в сердцах людей, он навсегда останется в их памяти.

В Сталинграде мне хотелось еще раз увидеть здание, которое так мужественно защищал сержант Павлов и его товарищи в течение 58 дней, и мукомольный завод, откуда они сентябрьской ночью 1942 года отправились на выполнение задания.

«Дом Павлова» давно восстановлен. Это обычное жилое здание. Но на одной из его стен, выходящей на площадь имени 9 января, висит большая мемориальная доска, на которой высечены фамилии всех защитников дома.

В 55 метрах отсюда, ближе к Волге, высится кирпичный остов мельницы. Здесь размещался командный пункт войск, защищавших этот сектор города. Это единственные развалины времен войны, которые решили сохранить для потомков.

Город был почти полностью разрушен. Его восстановили в рекордно быстрые сроки. И сделали это со вкусом. Улицы — широкие, вдоль тротуаров густо засаженные деревьями. Вблизи монументальной лестницы, ведущей к пристани и прекрасно сочетающейся с набережными, расположено много красивых зданий. Они не страдают ни гигантизмом, ни помпезностью. Для их отделки удачно использован камень. Здания образуют ясные и выразительные ансамбли.

На улицах, в парках и садах мы встречали спокойных, приветливых людей. Девушки, загорелые, южного типа, показались нам особенно красивыми. У памят-

ника, построенного в честь защитников Царицына времен гражданской войны, школьники стоят в почетном карауле с автоматами в руках. Ниже, на правом берегу Волги, утопающий в цветах памятник Рубену Ибаррури, сыну Пасионарии. Во время второй мировой войны он сражался в рядах Красной Армии и погиб смертью героя.

На речном катере пересекаем Волгу. На пляжах, тянущихся десятки километров, многолюдно: сегодня суббота, да и погода к тому же великолепная.

Отсюда открывается красивейшая панорама города. Правда, полностью ее глаз не охватит, поскольку Волгоград тянется вдоль реки на 90 километров. Но центр города (если предположить, что у столь протяженного поселения есть центр) виден хорошо. Прямо против нас — красный массив мельницы, а чуть правее высоко поднимается над горизонтом статуя Победы, воздвигнутая на Мамаевом кургане. Высота кургана 102 метра. Это историческое, поистине святое место города. Здесь каждый метр земли омыт кровью тысяч людей.

На вершину Мамаева кургана все поднимаются по лестнице в 100 ступеней. Этот священный путь заканчивается у подножия статуи, напоминающей рюдскую "Марсельезу": женщина держит в руке Меч Возмездия. Высота статуи — 52 метра. Длинная аллея с могилами по обе стороны ведет к залу воинской славы. В центре зала в огромной гранитной руке факел — это горит Вечный огонь. На стенах, сложенных из редких уральских камней, высечены имена тысяч солдат, отдавших свои жизни за Родину...

Мы вышли из зала воинской славы. Костя, местный корреспондент газеты "Труд" (центрального органа советских профсоюзов), осторожно вытащил из бумажника маленький листок пожелтевшей бумаги. Прочитал полустершиеся строчки: "Дорогие товарищи! Если меня убьют, сообщите об этом моим родителям по адресу, который указан на обороте". Подпись: Иванова Екатерина.

В 1965 году, 23 года спустя после Сталинградской битвы, Костя, проходя по Мамаеву кургану, случайно нашел записку Екатерины Ивановой — "паспорт смерти", как называли такие послания сталинградские

бойцы. Записка была вложена в футляр из-под губной помады.

Екатерина родилась 19 ноября 1922 года. Ей исполнилось 20 лет, когда Красная Армия нанесла контрудар по армии фон Паулюса. Девушка служила в санитарном подразделении. Ее отец воевал на том же фронте и тоже погиб. Екатерина об этом так и не узнала. А мать Екатерины получила посмертную весть о своей дочери... Теперь имя Екатерины Ивановой значится среди тысяч других на стене священного зала.

Сколько еще таких "паспортов смерти" лежит в сталинградской земле! И кто-нибудь, подобно Косте, может случайно найти их во время прогулки.

Когда 2 февраля 1943 года фельдмаршал фон Паулюс, генералы и офицеры его штаба с поднятыми вверх руками вышли из подвалов универмага, где они скрывались, Сталинграда как города больше не существовало. Его в полном смысле сровняли с землей.

В Сталинградской битве принимали участие не только солдаты, но и оставшиеся в городе рабочие. Трудясь днем и ночью, они производили для Красной Армии танки и грузовики. Когда же враг вплотную приближался к заводам, рабочие брали оружие и до последней капли крови отстаивали родную землю.

Завод "Красный Октябрь", в 1930 году выпустивший первый советский трактор, в некотором роде является "заводом-символом" этого города. Накануне войны он выпускал 150 тракторов в день. С началом боевых действий был немедленно переведен на военную продукцию, стал производить танки. В конце 1941 года с конвейера "Красного Октября" сходило значительное количество советских средних танков. И это несмотря на то, что большинство квалифицированных рабочих ушли на фронт, их заменили женщины и подростки. Когда фашистские армии подошли к городу, был объявлен набор добровольцев. За два дня, 3 и 4 июля 1942 года, на фронт с завода ушли 6 тысяч человек.

Несмотря на это, завод продолжал выпускать танки. Они уходили на фронт прямо с конвейера. Завод работал вплоть до 23 августа 1942 года, когда фашисты, начав общее наступление, обрушились на го-

род. Тогда рабочие (их было 263 человека) заняли свои боевые посты. Среди них был и Федор Иванович Родин. Ему было 17 лет. Мужество заменяло им опыт. Большинство рабочих никогда раньше не держали в руках оружия. Но все они дрались, как герои.

28 августа Родин был ранен. Автоматная очередь прошла ему ногу.

— Я потерял сознание, — рассказывал Родин, — и пролежал под огнем с двух часов дня до девяти часов вечера. Когда пришел в себя, услышал неподалеку русскую речь. Я крикнул, мне ответили: "Держись, сейчас придем!" Но как только бойцы пытались приблизиться ко мне, немцы открывали стрельбу. С наступлением темноты меня все же удалось вытащить из-под огня. Меня отправили в госпиталь.

Залечив раны, Федор Родин отправился на фронт... Война обошлась с ним сурово. К первым ранам, полученным под Сталинградом, добавились новые: пуля в левой руке, осколок снаряда в левой ноге, правая рука изуродована. После долгого лечения в Воронеже и в Белгороде Родин вернулся в Сталинград. Здесь его ждали родители и младший брат.

— Счастливым исход, которого у многих не было, — сказал он мне с улыбкой.

А я не отрываясь смотрю на черную перчатку, скрывающую протез потерянной руки. Глубокие морщины пролегли по лицу Федора Ивановича.

...Родина окликнули, попросили подойти к заводской проходной. Теперь он работает здесь сторожем. Он знал и другую работу, но сейчас подыскал себе ту, что по силам ему, инвалиду войны. Я смотрю, как Родин, слегка прихрамывая, удаляется. Слышу: там, за воротами, гудят моторы тракторов...

В боях за завод "Красный Октябрь" принимал участие и Григорий Константинович Бартаев. Он тоже ветеран. Ему под 60, но он все еще работает на мостовом кране. Живет в двухкомнатной квартире в центре рабочего поселка вместе с женой Марией Семеновной и дочерью Валей. Мария Семеновна — кассирша в заводском бассейне. Несколько дней назад вернулся из армии их старший сын Александр.

Нас пригласили на шумный праздник по случаю

демобилизации из армии Александра. Он сидит во главе стола, рассказывает о службе. Такова традиция. Отец и женщины слушают его с интересом. Вскоре отец, вспомнив и свое прошлое, начинает говорить о войне.

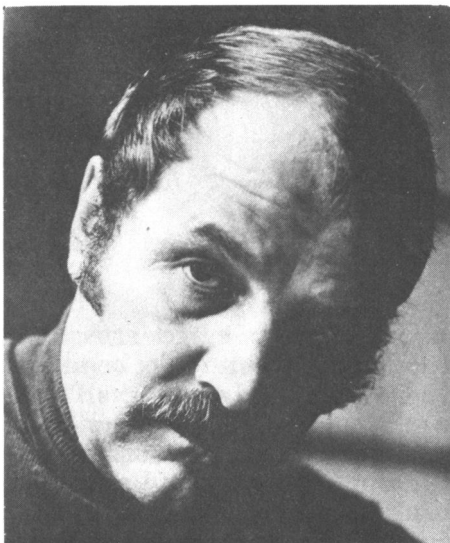
23 августа 1942 года он, как и его товарищ Федор Родин, встал на защиту завода. В первый же день был ранен. Потом участвовал во многих других боях, пережил все испытания и ужасы беспощадной войны. Воевал в Крыму, затем в Венгрии, а в мае 1945 года встречал Победу на улицах Праги.

После войны вот уже много лет Григорий Константинович каждый день поднимается на мостик своего крана. А особенно он гордится тем, что является рабочим корреспондентом газеты "Труд".

— В своих статьях я всегда честно пишу о наших достижениях и недостатках, — говорит Бартаев. — Например, в прошлом году я открыто выступил против практики замалчивания несчастных случаев в одном из цехов. В результате моей корреспонденции и вмешательства газеты руководители цеха понесли наказание, а права пострадавших были восстановлены. Вот такая у меня работа.

Да, Григорий Константинович не сложил оружия!

Фридрих Хитцер

КЛАВА

(ИЗ КНИГИ "СИБИРСКОЕ ЛЕТО")

Friedrich Hitzler

Sibirischer Sommer

Перевод с немецкого Ю. Филиппова

Она почти всегда одета в свой "дорожный костюм" — поношенную юбку и черный пуловер с протертыми локтями. Неказистая одежда ее не беспокоит. Едва ли есть что-либо, что в состоянии вывести ее из себя. Клава всегда работает ночью, а ее напарник Толя, студент техникума из Киселевска, — днем.

Но один раз я увидел и услышал Клавдию Дмитриевну Федотову такой, какой она, наверное, бывает только наедине с собой: задумчивой и одинокой.

— Я живу одна как перст! — говорит она как будто беззаботно. Мне невольно кажется, что плохое она преуменьшает, а хорошее преувеличивает. — Кто я? Проводница, уборщица, официантка, истопник — все вместе! Вот кто я.

Это звучит как ирония над собой, но в действительности она относится к делу очень серьезно.

"У нас в Сибири красота!" — часто повторяет Клава. А ведь сама она родом из Ленинграда, одного из красивейших городов мира.

— Почему я ночью работаю? Мой напарник — молодой, ночами ему надо спать. А я уже привыкла, для меня ночь давно превратилась в день, — улыбается она. — Несколько часов сна мне вполне хватает.

У нее короткие густые волосы с проседью, вздернутый нос и мягкий, крупный рот; руки большие, красивые, ухоженные. Она излучает энергию и деловитость, всегда в приподнятом, бодром настроении, и на все случаи жизни у нее находятся пословицы и поговорки.

В служебном купе она предлагает мне попробовать "Север", довольно крепкие папиросы.

— Почему не сигареты с фильтром? — спрашиваю я ее.

— Да потому что курить, так курить!

Я вижу, как Клава раскрывает какую-то книгу.

— Можно спросить, что вы читаете?

— Бальзака. Признаться, читать его трудно. Слишком много отступлений от главной линии повествования. У Драйзера все по-другому. Люблю его больше.

В семь утра Клава будит нас и приносит горячий чай. "Вставайте! Вставайте!" — доносится из коридора ее низкий, грубоватый голос. Но этот голос становится мягким, когда она воркует над Олей и Таней, нашими маленькими попутчицами.

Да, Клава бывает нарочито грубой и способна заглушить своим голосом даже нескольких мужчин, пытающихся перекричать друг друга. Но если она берет гитару и поет грустную балладу о питерском рабочем-металлисте, погибшем на войне, ее внимательно слушают и те, кто считает Клаву слишком шумной.

— Моя жизнь — словно роман. — Это замечание Клавы вызывает во мне любопытство. Мне кажется, что у Клавы должны быть веские основания для того, чтобы чувствовать себя неудовлетворенной. Я жду, что она расскажет нечто такое, чего нельзя просто выдумать.

— Что ж, расскажу, — говорит Клава. — Но только рано утром, когда у меня мало работы. Пассажиры еще спят, и нам никто не будет мешать. Если хотите, я вас разбужу.

В четыре утра Клава будит меня. В ее служебном купе тесновато. Она приготовила горячий чай. Светает. На небе словно застыли красноватые облака.

Я слушаю "роман" Клавы. Он никого не сможет оставить равнодушным. История Клавы связана с моей родиной, со страной, где в 1935 году я появился на свет. Именно в этот год четырехлетняя Клава стала круглой сиротой.

— Было очень тяжело. Очень!

Клава говорит тихим голосом, совсем не похожим на голос проводницы, которая каждое утро торжественно нас и приносит чай.

— Почему тяжело?

— Я видела мало хорошего в детстве. С четырех лет — без матери, отец умер годом раньше. Его я вижу как во сне: папа топит печь, а я сижу рядом... Я так

Клава

Во время поездки в Сибирь Фридрих Хитцер (слева) познакомился в поезде с группой молодых сибиряков, возвращавшихся из поездки по стране

и не знаю, чем он занимался. Думаю, он был рабочий. Рядом была фабрика. Кем он должен был быть, как не рабочим? Нас было четверо детей. До пяти лет я жила у бабушки. Затем попала в детдом, там была до восьми лет. Родным домом стал он для меня.

Потом пришла война. Пятого июля 41-го года наш детский дом эвакуировали в Ярославскую область. Там мы провели зиму, точнее — выдержали зиму. Летом переехали в Галич, это в Костромской области, там я оставалась до 1944 года.

Жизнь во время войны была тяжела для всех — и в городе, и в деревне. Нам, детям, тоже пришлось голодать. Мы переселились на дачу, в 25 километрах от города. Кругом лес, очень красиво. Добраться к нам можно было только на лошадях. Не приходила телега — не было и хлеба. Кормились грибами и ягодами.

Потом меня послали ученицей на фабрику "Красная маевка", недалеко от Костромы. Нас было 15 девочек. Мы делали спицы и колодки для ткацкого производства. Я стала штамповщицей, с 13 лет начала работать — совсем еще ребенок. Но война есть война.

Нашей учительницей была немка, Евгения Оскаровна. Прекрасная женщина! Ее муж служил на флоте. Однажды в пять утра она прибежала к нам в спальню, включила радио, разбудила всех.

— Девочки, вставайте, война кончилась!

Мы повскакали с кроватей. Шум, беготня, крики радости... Мы могли не пойти на работу, но этого не сделала ни одна из нас. Особого праздника не получилось. И все-таки мы почувствовали, что войны нет.

В августе 1946 года я отправилась на родину, в Ленинград. Не выдержала, убежала с фабрики — без документов, без билета, без денег. Я хотела домой!

В Ярославле в вагон вошли контролеры. "Где билет, документы?" Я попала в детскую комнату милиции. Я боялась, как бы меня не вернули обратно. Но в милиции мне поверили, выдали временный пропуск.

В Ленинград я приехала босиком. Свои ботинки я продала в дороге за еду.

Я слонялась по городу. Квартиры не было. Куда идти? Без документов меня нигде не приняли бы на работу...

Беседуя с Клавой, с усилием глотаю горячий чай. Как же это? Я — немец, и она рассказывает о своей судьбе мне, представителю страны, которая лишила ее детства?!

— Во время войны вы видели немцев?

— Нет, ни одного. Только после войны, в Саратове. Там пленные работали на одной из фабрик.

— А туристов?

— Вы первый.

— Клава, что передать мне моим друзьям, когда вернусь домой? Что самое главное?

— Вы должны бороться за мир. Вы должны возненавидеть войну, так же как ненавидим ее мы, русские.

— А что сказать тем, кто утверждает, что скоро в ФРГ придут русские?

— Так могут говорить только жестокие и глупые люди! Это мы-то, пережившие войны, приходим с войною к вам? Какая чушь! — с гневом восклицает Клава.

Из семьи Клавы никого не осталось в живых. Старший брат ушел добровольцем на фронт и погиб. Клава не знает, где его могила. Пропал без вести и второй ее брат. Сестренка похоронена на Пискаревском кладбище в Ленинграде. Там, на памятнике жертвам блокады, написано:

Здесь лежат ленинградцы.

Здесь горожане — мужчины, женщины, дети.

Рядом с ними солдаты — красноармейцы.

Всею жизнью своею

Они защищали тебя, Ленинград,

Колыбель революции.

Их имен благородных мы здесь перечислить

Не сможем.

Так их много

Под вечной охраной гранита.

Но знай, внимающий этим камням,

Никто не забыт и ничто не забыто.

В 1952 году Клава завербовалась на работу в лесхоз на Урале. Зарабатывала прилично, но долго там не выдержала и уехала в Новокузнецк. Здесь закончила школу, работала в пошивочной и сапожной мастерской, потом устроилась на железную дорогу.

— Отсюда меня уже никто не выманит! Здесь мне нравится. Что делать дома одной? А в дороге я вижу всегда что-то новое.

У Клавы взрослый сын. Он уже коренной сибиряк. Работает на алюминиевом заводе, живет со своей семьей отдельно.

О муже своем Клава не вспоминает. С 1962 года она живет одна в своей небольшой квартире.

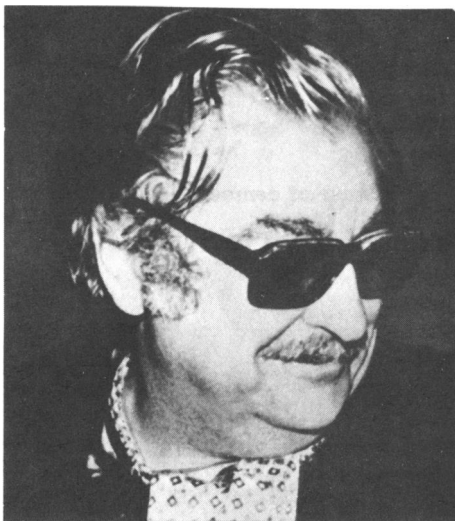
— Я ленинградка, а теперь и Новокузнецк стал мне родным. Город красивый, весь в зелени. Вы должны у меня побывать, пока я снова не уеду в рейс. Я приготовлю вам настоящие сибирские пельмени, сыграю на гитаре. Увидите, как мы живем, как хорошо у нас теперь.

”У нас в Сибири красота!” — повторяет Клава, и в лад ее словам постукивают колеса. Клава закуривает еще одну папиросу...

— Наверное, меня не было бы на свете, если бы не Советская власть! Кто бы стал обо мне заботиться? Однако я живу и здравствую...

Людо Ван Эк

**ХОТЯТ ЛИ
РУССКИЕ НАПАСТЬ
НА ЗАПАДНУЮ
ЕВРОПУ?**

(ИЗ КНИГИ "СССР. ДИКТАТУРА ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ")

Ludo van Eck

De Sowjet-Unie: Dictatuur of democratie?

Перевод с голландского Е. Макаровой

В основу этой части книги я положил самый важный вопрос: правда ли (как говорят повсюду на Западе), что Советский Союз вооружается до зубов, чтобы напасть на Западную Европу?

Начну, пожалуй, с дорожных воспоминаний.

Первым пунктом моей поездки по Белоруссии был Брест. Город, которому недавно исполнилось 960 лет, произвел на меня неизгладимое впечатление. В Бресте очень красивый вокзал. Главная улица носит имя Ленина. Много парков, несколько музеев. Этот исторический, важный в стратегическом отношении город расположен на берегах Буга и Мухавца. В середине XIX века там была воздвигнута крепость. Но я сейчас хочу рассказать о другом.

Иностранцам очень важно — просто необходимо! — посетить монументальный памятник "Брестская крепость". В этой легендарной крепости 22 июня 1941 года разорвались первые снаряды фашистов, напавших на Советский Союз. "План Барбаросса" предполагал молниеносную войну, до конца года гитлеровские войска должны были взять Москву. Часы — экспонат музея в крепости — показывают 3 часа 55 минут. Это было время начала войны. Крепость, защищаемая небольшим гарнизоном, подвергалась непрерывному артиллерийскому обстрелу и бомбардировке. В подвалах крепости были женщины и дети. Вскоре начался голод, не хватало воды, боеприпасов. Однако сопротивление защитников длилось до конца июля. Нацисты уже прошли Смоленск и находились на подступах к Москве. Защитники крепости мужественно сражались до последней капли крови.

Развалины крепости сохранились со времен войны.

Пионеры приносят сюда красные галстуки. Тысячи красных галстуков развеваются даже при легком дуновении ветра на окнах, дверных решетках, стенах бывших казарм...

В крепость вы попадаете через вход, сделанный в форме звезды в громадной глыбе гранита. На площади возвышается колоссальный памятник "Защитникам крепости".

823 человека — воины, дети и женщины — покоятся здесь в братской могиле. Повсюду цветут розы. Ежедневно сюда приходят сотни людей, среди них много молодежи.

Все монументы в Советском Союзе, увековечившие память павших в минувшей войне, глубоко впечатляют.

В путешествии по Белоруссии меня сопровождала молодая женщина, которая во время войны жила с родителями в партизанской землянке. По дороге мы увидели стоящее в живописном месте большое здание. "Этот дом инвалидов войны, — пояснила наш гид. — Здесь живут люди, потерявшие на войне слух и зрение, руки и ноги. Разве можно забыть об этом!"

Мы ехали по оживленному шоссе, ведущему на Витебск. По обе стороны дороги стоят живописные деревни с выкрашенными в разные цвета домами. На 54-м километре от Минска дорога расходится. Направо, в пяти километрах, была когда-то Хатынь. Маленькая мирная деревушка, с домиками, разбросанными на живописных песчаных холмах, на поляне, окруженной березовым лесом. Теперь Хатыни нет.

Во время войны в Белоруссии были разорены и сожжены 209 городов, 9200 деревень и поселков. Убиты и замучены 2 225 000 человек — четверть населения республики. Хатыни нет. Вместе с ней исчезли с земли 186 белорусских деревень. Некому было в них жить: не осталось ни одного человека.

Там, где раньше была Хатынь, сейчас сооружен мемориал. Из всех 186 сожженных белорусских деревень привезена сюда испепеленная земля. Там, где стояли дома хатынских крестьян, поставлены каменные фундаменты. Там, где в доме была печь, висят трубы, увенчанные небольшими колоколами в

форме слезы. Каждые 30 секунд едва слышно звучит удар колокола. Кто побывал в Хатыни и слышал эти колокола, не забудет их никогда. Забыть такое нельзя!

Вспоминаю беседу, которая случайно завязалась в городе Гагарине. Был полдень, и мы решили пообедать. В ресторане за столом рядом с нами сидели три человека. Один из них — в военной форме. Было воскресенье. День ясный, солнечный. На площадь непрерывным потоком шел народ. У всех цветы. Они несли их к памятнику павшим солдатам. В тот день Смоленская область праздновала 34-ю годовщину своего освобождения.

Женя, моя переводчица, отлучилась ненадолго. Один из сидевших за соседним столом спросил меня, говорю ли я по-русски. Я ответил: "Не понимаю". Жестами он попытался выяснить, говорит ли по-русски женщина, которая была со мной. Я кивнул, да, мол. Женя вернулась, и сосед мой спросил, не согласимся ли мы побеседовать с ним и его друзьями. Оказалось, что все они офицеры. Их звали: Саша, Саша и Станислав. Женя сказала им, что я писатель, антифашист. Так я сразу завоевал их симпатии. Они поинтересовались, как называются мои книги, переведенные на русский. Сказали, что постараются раздобыть их в библиотеке.

Саша (первый): Вы пишете книги о концлагерях. Скажите, у вас не бывает затруднений с их публикацией?

Я: Нет. Но найти для них издателя становится все труднее. Многие считают, что тема войны уже устарела.

Саша (первый): Она никогда не устареет! Правду о фашизме должен знать каждый. У нас в стране вы могли бы свободно писать любые книги против фашизма.

Я: Верю.

Они записали мою фамилию и адрес. Обещали прислать новогодние поздравления. Подарили мне открытку с красными цветами. Саша (первый) написал на ней: "На память о Вашем посещении родины Юрия Гагарина, первого человека, преодолевшего земное притяжение. От Ваших случайных знакомых". Потом все трое подписались. Саша, Саша и Станислав.

Я спросил их фамилии и адреса. Тоже хотел послать поздравления. Молодые люди с сожалением покачали головами.

Саша (первый): Не положено. Мы ведь военные люди.

Я: А, значит, вы те, кто готовит русских солдат к нападению на Западную Европу?

Жене пришлось переводить мой вопрос дважды. Казалось, наши собеседники не верили своим ушам. Переглядывались, вопросительно поглядывали то на Женю, то на меня.

Саша (первый): Мы учим солдат защищать свою Родину, а не нападать на чужие страны.

Саша (второй): Наша армия никогда не будет агрессором.

Станислав. Мы говорим вам правду. Ложь русским противна.

Я: Но вы военные. Прикажут вам напасть на Западную Европу — и вы нападете.

Саша (первый): Не нападём никогда!

Я: Откажетесь выполнять приказ?

Саша (первый): Такой приказ никто не отдаст. Он просто невозможен.

Я: Но если обстоятельства вынудят ваше правительство отдать такой приказ?

Саша (первый). Руководители нашей страны неоднократно заявляли на самом высоком уровне, что мы никогда не применим силу первыми.

Я. Но завтра правительство может выдвинуть иной тезис, не так ли?

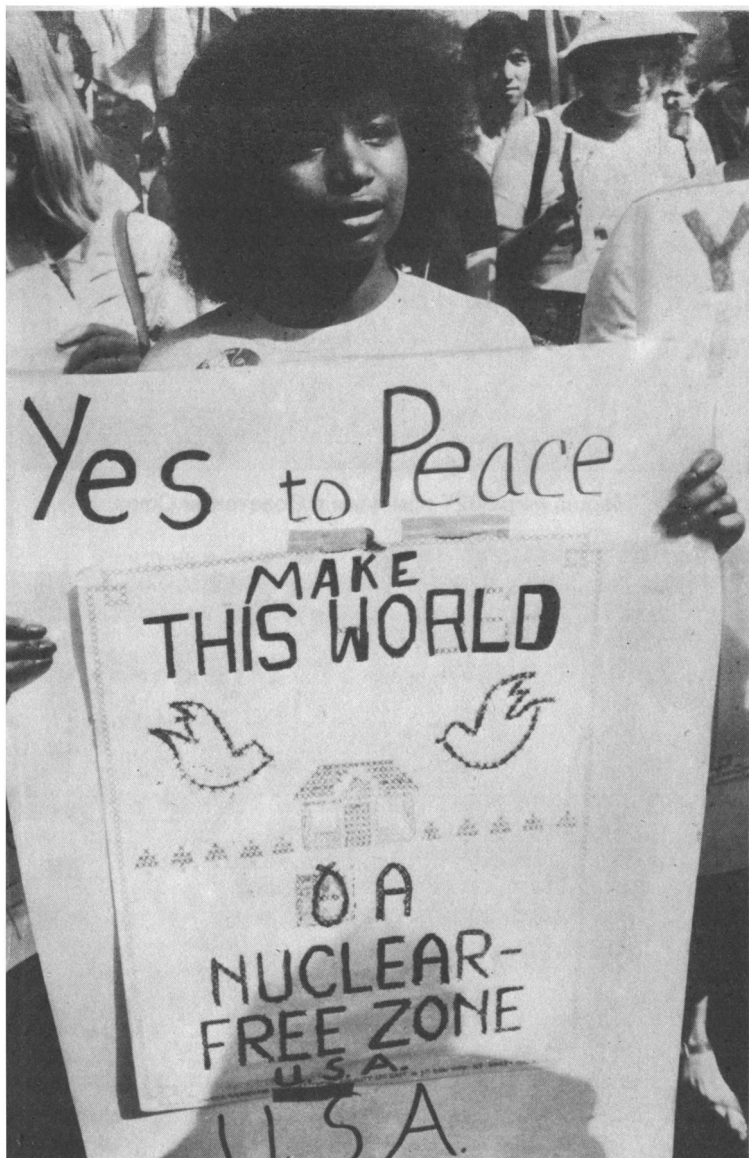
Станислав (возмущенно): Нет, не так!

Саша (первый) (терпеливо и очень чистосердечно): Когда говорят: партия и правительство, — подразумевают весь народ. Мы не хотим войны, потому что хорошо знаем, что это такое.

Я долго беседовал с тремя молодыми офицерами. Веселые, смешливые, порой очень серьезные. Конечно, мы говорили и о свободе, и о демократии. Мы так увлеклись, что забыли об обеде, который свел нас за столом. Я напомнил им об этом. Они ответили, что пообедать успеют всегда. А вот интересная беседа с иностранным писателем у них, вероятно, случится не скоро. Они спрашивали меня о том, о чем спрашивали русские везде, где я бывал:

— Что вы там, на Западе, имеете против нас?

— Почему раздуваете антисоветскую пропаганду?

Участники "Марша мира-82" в Вене

Участники "Марша мира-82" прибыли в Советский Союз

Участники "Марша мира-82" в Подмосковье

Участники "Марша
мира-82" на москов-
ском заводе "Хро-
матрон"

Участники "Марша
мира-82" у могилы
Неизвестного солдата

Юные участницы "Марша мира-82"

— Как можно приписывать нам желание развязать войну?

Во время поездки мне приходилось отвечать на эти вопросы постоянно.

Предельно четкое объяснение слухам о воинственных настроениях в Советском Союзе, распространяемым печатью на Западе, дал профессор, доктор исторических наук Д. М. Проэктор. Он работает в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. Профессор Д. Проэктор широко известен у себя в стране и за ее пределами. Это высокий, энергичный человек лет под 60. Говорит он просто и убедительно, демонстрируя большие знания; бегло изъясняется по-немецки.

Я слушал его, почти не прерывая. Таких людей, как профессор Проэктор, не прерывают. Я слушал его с глубочайшим вниманием.

Профессор Проэктор: Бельгийский генерал Клозе сказал не так давно, что русские через 48 часов могут быть на Рейне. Это было сказано таким тоном, словно он точно знает, что русские намерены сделать это. Вот самая большая ложь нашего времени.

— А я слушал по телевидению бельгийского министра обороны. Тот высказался еще более резко. В пылу речи, оправдывая закупку в США самолетов, он воскликнул: "Русские всего в получасе от нас", — вставил я.

Профессор Проэктор: Это ложь, на которой построена вся антисоветская пропаганда на Западе. Ее цель — ввести народы в заблуждение, и распространяют ее заинтересованные в ней круги:

1. Военно-промышленные монополии: они должны показать своему народу сильного и страшного врага. Нужно заставить людей поверить в этого врага, чтобы легче выкачивать для себя прибыли.

2. Руководящие круги военной организации НАТО: они тесно связаны с боссами военной промышленности.

3. Государственный аппарат, который столь же тесно связан с военно-промышленными кругами и с НАТО.

Антисоветчики на Западе получают за свою лож огромные суммы денег. Они лезут из кожи вон, чтобы угодить тем, кто их "кормит". Для них все средства хороши, лишь бы заставить народы поверить в то, что они живут под постоянной угрозой, исходящей от Советского Союза. И как прямое следствие этого — быстрый рост военной силы. Но столь же несомненно и другое следствие: если выпуск военной продукции увеличивает одна сторона, то же самое вынуждена делать и другая.

Кое-кто на Западе считает, что военная мощь поддерживает мир. Я в это не верю. Военная мощь не может автоматически обеспечить мир. Накопление оружия крайне опасно. Социалистические страны оказались втянутыми в гонку вооружений. Да, Советский Союз увеличивает силу своего оружия. Однако главной целью нашей внешней политики является разоружение. Это ее ключевой, программный пункт. Он является наиважнейшим.

За последние 25 лет Советский Союз выступил с большим количеством мирных инициатив. Ни одна страна не выносила на различные конференции такого внушительного списка предложений по вопросам мира и разоружения, как наша. Если я начну перечислять их, то насчитаю не меньше сотни.

Я хочу особо подчеркнуть, что вся внутренняя политика Советского Союза имеет одну цель — повышение благосостояния советских людей, что и отражено в нашей Конституции. Для достижения этой цели мы должны как можно больше средств вкладывать в жилищное строительство, образование, социальное обеспечение. И как можно меньше — в вооружение: это потерянные средства и потерянное время. Нам не нужна война. Ни одна страна мира не претерпела от фашистов столько же, сколько мы. 20 миллионов убитых, сотни городов, свыше 70 тысяч сел и деревень, разрушенных до основания. Была уничтожена треть нашего национального богатства! У нас нет ни одной семьи, которая не пострадала бы от войны. Мы не хотим войны. Мы хотим мира. Это единственно разумный путь. Мы хотим хорошо жить на этой прекрасной земле. Значит, надо бороться против разжигания нового военного пожара.

После второй мировой войны на земном шаре то тут, то там вспыхивали военные конфликты. В подавляющем большинстве из них были замешаны американцы. Достаточно упомянуть Вьетнам. Они превратили мир, в том числе и Европу, в зону напряженности. "Холодная война", которая благодаря нашим усилиям в 70-х годах пошла на убыль, сейчас возродилась в новом качестве. Все чаще появляются в западной печати всевозможные домыслы о Советском Союзе. Она кричит о том, что "русские начали производить новые ракеты", что приступили к модернизации вооружения и т. д. Все это с единственной целью: нагнать на людей страх и оправдать таким образом баснословные военные расходы.

Сейчас Соединенные Штаты разрабатывают нейтронную бомбу, ставя три основные задачи: политическую, психологическую и военную.

Политическая. Нейтронная бомба нужна для того, чтобы строить свои отношения с социалистическими странами с позиции силы. Косвенно она будет угрожать и развивающимся странам, а также продемонстрирует силу США и всему остальному миру. Нейтронная бомба, таким образом, представляет угрозу и для других капиталистических стран, является средством давления на них. Имея такую бомбу, американцы рассчитывают укрепиться в роли некоего властителя мира, диктующего странам и народам свои условия в вопросах международной и внутренней политики.

Психологическая. Нейтронная бомба нужна для того, чтобы нагнать страх на все народы мира. Мы-де можем уничтожить все ваше население, а предприятия и сырьевые базы останутся невредимыми.

Я хочу уточнить:

— Значит, вы полагаете, что нейтронная бомба несет опасность для нефтедобывающих стран?

Профессор Проэктор: Да, это касается прежде всего стран, владеющих сырьевыми источниками. Я хочу особо подчеркнуть, что нейтронная бомба аморальна. Любое новое оружие опасно, всякое оружие создано для уничтожения. Но нейтронное оружие задумано и спроектировано с одной целью —

уничтожать только людей. И это в пору, когда разрядка становилась реальностью!

Американцы напрасно пытаются совместить несовместимое: без конца толкуют о правах человека и готовят миллионам людей чудовищную смерть от нейтронной бомбы. Это ли не цинизм? И при этом еще разглазгольствуют о "чистом" оружии!

Что же касается военной задачи, то производство нейтронной бомбы — шаг к развязыванию войны. Эта бомба приравнивает обычное оружие к оружию массового уничтожения и, несомненно, увеличит угрозу всеобщей ядерной катастрофы.

Я вставляю слово:

— Но у вас есть "смертоносный луч".

Профессор Прозектор: И вы считаете эти сведения достоверными? Это всего лишь досужие вымыслы. Американцам нужно взбудоражить мир такой информацией, чтобы под шумок начать производство нейтронной бомбы.

В Советском Союзе, несмотря на желание сократить затраты на вооружение, последнее все еще поглощает значительные средства. Однако оружие, которое мы производим, носит исключительно оборонительный характер. В другие страны мы также поставляем оружие только для защиты национальных интересов. Пропаганда войны у нас запрещена законом.

Вывод следующий: все, что пишут и говорят на Западе об агрессивности советского народа, — преднамеренная ложь. Наша внутренняя и внешняя политика имеет совсем другие цели.

Этими словами, произнесенными убедительно и страстно, профессор Прозектор закончил наш разговор по проблемам войны и мира.

* * *

В Сочи я встретил одну госпожу из Канады. Она в седьмой раз приехала в Советский Союз. Она жаловалась мне: "Не знаю, как заставить своих земляков поверить в то, что я рассказываю им об СССР. Не успею и рта раскрыть, как люди, которые здесь никогда не бывали, ополчаются против меня. Их не

убеждает ни одно мое слово, а ведь я говорю только правду, только то, что видела сама”.

В гостинице ”Украина” моя жена разговорилась с господином из Бельгии, который приехал в Советский Союз в одиннадцатый раз. Он возмущался: ”У нас в Бельгии совершенно невозможно сказать что-либо объективное о Советском Союзе. Как только начинаешь говорить правду, на тебя тут же наклеивают ярлык коммуниста”.

Да, трудно простых людей на Западе убедить в том, что русских, какими их расписывают ежедневно наши пресса, радио и телевидение, просто не существует на свете.

Пропагандистская обработка ведется без устали и не прекращается ни на минуту. И люди поддаются ей. В самых нелепых телевизионных постановках, таких, как ”Человек-невидимка” или ”Человек с шестью миллионами”, которые зачастую очень популярны, русские изображаются грубыми, крайне глупыми марионетками, слепо выполняющими преступные приказы своих командиров.

Не проходит и дня, чтобы во всех газетах, в том числе и тех, что называют себя ”левыми”, не появлялись антисоветские инсинуации. Когда журналистов покидают музы и у них не хватает вдохновения ”состряпать” рассказ о марсианах, вселяющих ужас в читателя, они придумывают кровавую историю о пришельцах из Советского Союза. Если у нас в журнале помещена фотография, на которой запечатлен советский человек, то будьте уверены, что даже самая безобидная из них будет снабжена насквозь лживым, двусмысленным комментарием.

Вспоминается серия злобных статей, напечатанных однажды в ”Газет ван Антверпен”. Там же был опубликован снимок монумента Победы, а на его фоне уставшие люди, явно возвращавшиеся со службы. Какой это изображен памятник, там, конечно, не говорилось, а подпись гласила: ”Русский на первый взгляд похож на человека, но это только на первый взгляд”.

Так, систематически, сознательно и бессознательно, сеется ненависть к другому народу, прививается страх и недоверие к нему.

Единственным противоядием против этого может быть поездка в Советский Союз, которая позволит воочию соприкоснуться с правдой.

Если вы оставите дома предубеждение и предвзятость, если сумеете открыто взглянуть на вещи, если будете смело вступать в разговор на улицах, в кафе — везде, где представится случай, то сами убедитесь в том, в чем убедился я: опасность миру грозит не с Востока.

В Советском Союзе война считается неприемлемым средством для решения разногласий между народами.

Путешествуя по Советскому Союзу, не забудьте посетить памятники жертвам войны. И помните: не вынашивают планов новой войны там, где так много памятников погибшим.

СОДЕРЖАНИЕ

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?	5
Дик Валда. СВИНЕЦ В МАНДАРИНАХ. Перевод с голландского Е. Мясниковой	11
ВВЕДЕНИЕ	13
БЕСЕДЫ С ЖИТЕЛЯМИ БЕЛОРУССИИ, УКРАИНЫ И МОСКВЫ	17
Петр Ловецкий: В Мормулевских лесах.	—
Александра Хромова: Бидон листовок	20
Константин Сидякин: "Охота на медведя"	23
Петр Калиновский: "Петр, Петр, ты поймал важную птицу!"	28
Зоя Васильева: Булочки с "начинкой"	30
Иван Захаров: Партизанская зона	33
Герман Ли: Как я просил прикурить у немецкого солдата	37
Геннадий Юшкевич: Сброшены под Берхтесгаденом	40
Алексей Федоров: Рельсовая война	43
Алексей Артамонов: Сны остаются	46
Александр Бутрик: Дни с Таней	49
Любовь Шечкова: 11 тысяч километров верхом	51
БЕСЕДЫ С ЖИТЕЛЯМИ ЛЕНИНГРАДА	58
Емельян Козик: Наш девиз — "Ни шагу назад!"	—
Михаил Аникушин: Старушка у окна	60
Георгий Кулагин: Город без птиц	63
Из дневника Георгия Кулагина	65
Михаил Дудин: Своих лучших друзей я приобрел в блокаду	67
Анатолий Каплан: Приготовьте себе прощальный ужин...	70
Василий Сердюк: Свинец в мандаринах	73
Ольга Писаренко-Мельникова: Самые горестные воспоминания у меня связаны со встречами с ленинградскими детьми	79
Всеволод Азаров: Мальчик у Невы	83
Аветис Асатурян: Женщины! Сколько у них было бессонных ночей!	86
Анна Зеленова: Немецкие конюшни в Павловском дворце	88
Даниил Гранин: Мертвец с румянцем на щеках	92
Константин Карицкий: 120 эшелонов — на воздух	95
Леонид Яковлев: "Иди в партизаны, но останься в живых, сын!"	98
Аустра Блок: В очереди за хлебом я услышала, что можно есть обоим	101

ПИСЬМА ИЗ СТАЛИНГРАДА	104
Письмо конторского служащего	—
Письмо офицера	105
Письмо обывателя	106
Письмо пианиста	—
Письмо сына своему отцу, генералу	107
Письмо актера	—
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	108
Александр Гёб. РУССКИЕ НЕ ПРИДУТ (из книги "Танец белых журавлей"). Перевод с немецкого Ю. Филиппова	109
Введение	111
Днепр	112
Амур	154
Ангара	158
Река Лена	160
Монтсеррат Роиг. БЛОКАДА, СЕЮЩАЯ СМЕРТЬ (из книги "Мое путешествие в блокаду"). Перевод с испанского Г. Прибыловой	169
Пролог	171
Самая короткая и светлая ночь	174
Благословен будь, хлеб	175
Дети войны	184
Пушкин и блокада	200
Город любви, город ненависти	215
Город, любящий мир	217
Эмиль Карлебах. "НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО" (из книги "Мы и Советский Союз"). Перевод с немецкого П. Куриленко	221
Красная Армия	223
Белоруссия, возрожденная из руин	233
Город Ленина	240
Серж Зейон. ГОРОД, КОТОРЫЙ ДОЛГО БУДЕТ ЖИТЬ В СЕРДЦАХ ЛЮДЕЙ (из книги "Путешествие по Волге"). Перевод с французского И. Рапопорта	257
Фридрих Хитцер. КЛАВА (из книги "Сибирское лето"). Перевод с немецкого Ю. Филиппова	265
Людвиг ван Эк. ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ НАПАСТЬ НА ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ? (из книги "СССР. Диктатура или демократия?"). Перевод с голландского Е. Макаровой	275

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"

Выходит из печати

АЛЛЕГ А. Красная звезда и зеленый полумесяц:
Пер. с франц.

Известный французский журналист и писатель Анри Аллег рассказывает в своей книге о настоящем дне Советской Средней Азии и Казахстана, об их прошлом, о том, как социализм преобразил эти некогда отсталые окраины царской России, которые оставили далеко позади некоторые соседние страны, сравнимые с ними в прошлом по традициям, религии, жизненному укладу. Автор уделил внимание самым различным аспектам жизни этих советских республик — развитию сельского хозяйства и промышленности, образованию и культуре, вопросам религии, положению женщин и многому другому.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"

Выходит из печати

По Советскому Союзу: (Зарубежные авторы об СССР.— А. Зинтани, А. Диас). Вып. 7. Сборник. Пер. с араб., исп.

Это очередной выпуск сборника в серии книг, призванных показать Советский Союз глазами прогрессивных зарубежных авторов.

Известный ливийский дипломат, первый посол Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии в Советском Союзе Абдель Зинтани в своей книге "Впечатления ливийца о Советском Союзе" рассказывает о социально-экономических достижениях советских людей и об основных направлениях национальной политики СССР.

Прогрессивный колумбийский общественный деятель Аполинер Диас избрал темой своей книги "От Амазонки до Лены — дороги национального единства" национальный вопрос — животрепещущий для Латинской Америки, страдающей от экономического гнета своего могущественного северного соседа — США.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"

Вышла в свет

АЛЕКСАНДРОПУЛОС М. Путешествие в Армению. Пер. с греч.

Книга известного греческого писателя М. Александропулоса, удостоенного Международной литературной премии имени М. Горького Союза писателей СССР в 1979 году и Государственной литературной премии Греции в 1981 году — явилась результатом его поездки в Советскую Армению.

Автор знакомит читателя с ее природой, историей, культурой, экономикой, показывает жизнь людей современной Армении. Значительное место в книге отведено армянской литературе.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

ИБ № 14060

Редакторы *П.Е.Масленников, А.Ф. Лаврик,
В.П. Меженков, С.В. Попов, О.Р. Медведева*

Художник *В. В. Киреев*

Художественный редактор *А.Д. Сушма*

Технический редактор *М. И. Ван Энгеланд*

Корректор *Н.И Мороз*

Сдано в набор 19.10.84. Подписано в печать с РОМ 20.02.85.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная №1. Гарнитура Сенчури.

Печать офсетная. Условн. печ. л. 12,81+2,73 п. л. вклеек.

Усл. кр.-отт. 32,43. Уч.-изд.л. 17,62. Тираж 100000 экз.

Заказ № 1196. Цена 1р. 30 к. Изд. № 39960.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

119847, Москва, Г-21, Зубовский б., 17

Отпечатано на Можайском полиграфкомбинате
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Можайск, 143200, ул. Мира, 93.

Опечатка
Правильная цена 1 р. 20 к.

”О КРАСНУЮ АРМИЮ, О СИЛУ СОПРОТИВЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ БОЛЕЕ 60 ЛЕТ НАЗАД РАЗБИЛИСЬ АРМИИ АНТАНТЫ, А 40 ЛЕТ НАЗАД — ФАШИСТСКИЕ АРМИИ”.

ЭМИЛЬ.КАРЛЕБАХ

”Я ВНОВЬ ВИЖУ ВОЛГОГРАД. МНОГИЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ НАЗЫВАЮТ ЕГО СТАЛИНГРАДОМ. НЕВИДАННЫЙ ГЕРОИЗМ, КРОВЬ И СЛЕЗЫ, СТРАДАНИЯ И БОЛЬ — СВЯЗАНЫ С ЭТИМ НАЗВАНИЕМ. СТАЛИНГРАД ДОЛГО БУДЕТ ЖИТЬ В СЕРДЦАХ ЛЮДЕЙ, ОН НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ В ИХ ПАМЯТИ”.

СЕРЖ ЗЕЙОН

”ИЗ СЕМЬИ КЛАВЫ НИКОГО НЕ ОСТАЛОСЬ В ЖИВЫХ. СТАРШИЙ БРАТ УШЕЛ ДОБРОВОЛЬЦЕМ НА ФРОНТ И ПОГИБ. КЛАВА НЕ ЗНАЕТ, ГДЕ ЕГО МОГИЛА. ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ И ВТОРОЙ ЕЕ БРАТ. СЕСТРЕНКА ПОХОРОНЕНА НА ПИСКАРЕВСКОМ КЛАДБИЩЕ В ЛЕНИНГРАДЕ”.

ФРИДРИХ ХИТЦЕР

”В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ВОЙНА СЧИТАЕТСЯ НЕПРИЕМЛЕМЫМ СРЕДСТВОМ ДЛЯ РЕШЕНИЯ РАЗНОГЛАСИЙ МЕЖДУ НАРОДАМИ. ПУТЕШЕСТВУЯ ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ, НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОСЕТИТЬ ПАМЯТНИКИ ЖЕРТВАМ ВОЙНЫ. И ПОМНИТЕ: НЕ ВЫНАШИВАЮТ ПЛАНОВ НОВОЙ ВОЙНЫ ТАМ, ГДЕ ТАК МНОГО ПАМЯТНИКОВ ПОГИБШИМ”.

ЛЮДО ВАН ЭК

ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ!

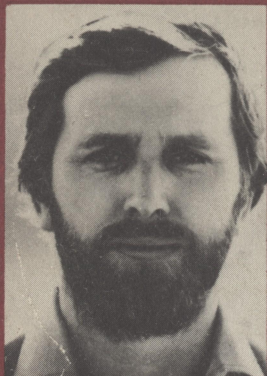

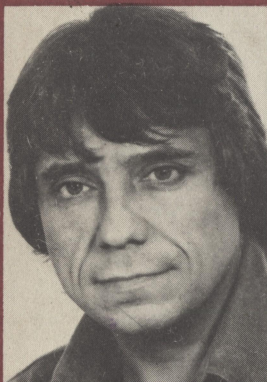
В сборник "Это не должно повториться!" включены в сокращенном виде книга Дика Валды (Нидерланды) "Свинец в мандаринах"; отрывки из книг: Александра Гёба (ФРГ) "Танец белых журавлей", Монтсеррат Роиг (Испания) "Мое путешествие в блокаду", Эмиля Карлебаха (ФРГ) "Мы и Советский Союз", Сержа Зейона (Франция) "Путешествие по Волге", Фридриха Хитцера (ФРГ) "Сибирское лето", Людо ван Эка (Бельгия) "СССР. Диктатура или демократия?".

Эти книги издавались на различных языках издательством "Прогресс" в серии "Свидетельства об СССР" в 1978 — 1984 годах. В отрывках из этих книг просматриваются личные взгляды зарубежных авторов на проблемы войны и мира, рассказывается о зверствах фашистов и патриотизме советских людей в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов.

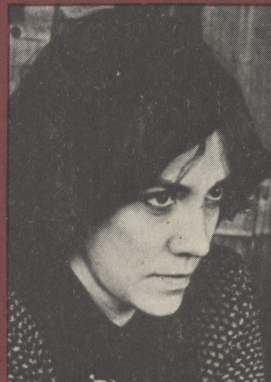
Материалы зарубежных авторов, опубликованные ранее на русском языке, даются в новой редакции.

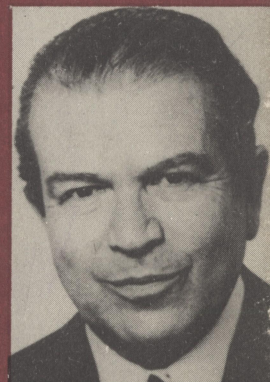
ДИК ВАЛДА
(Нидерланды)

АЛЕКСАНДР ГЁБ
(ФРГ)

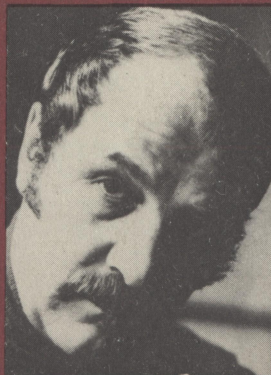
МОНТСЕРАТ РОИГ
(Испания)

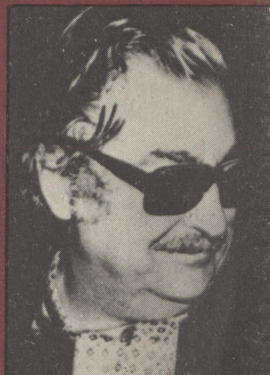
ЭМИЛЬ КАРЛЕБАХ
(ФРГ)

СЕРЖ ЗЕЙОН
(Франция)

ФРИДРИХ ХИТЦЕР
(ФРГ)

ЛЮДО ВАН ЭК
(Бельгия)

Зарубежные авторы:

ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ!

